

ТАНЯ СВОН

По следу
вьюги,
за зовом
сердца

СЕРДЦЕЦВЕТЫ ДЛЯ ОХОТНИЦЫ

Annotation

По древнему обычаю, Руслану против воли выдают замуж, однако во время обряда начинается вьюга, в которой жених девушки, Войко, исчезает. В насланном урагане несправедливо обвиняют Руслану, городскую охотницу, считая ее лесной девкой – ученицей Борового.

Руслана не готова мириться с несправедливым обвинением в колдовстве, тем более девушка знает – у Войко есть возлюбленная! К ней-то он и сбежал!

Чтобы защитить свое имя, Руслана отправляется на поиски беглеца, но все оказывается не так просто...

- [Таня Свон](#)
  -
  -
  - [Плей-лист](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Эпилог](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)

Таня Свон

Сердцецветы для охотницы

© Свон Т., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Посвящается моему самому главному
читателю – моей бабушке.*

Плей-лист

Дорога сна – Мельница

Flower Maiden (Guda Folk Choir) – Dzivia

White Stag – Rúnfell

Ezio's Family – Elliott Tordo Erhu

Octaviafeat. Brione Jackson – Marcus Warner

Ready For The Storm – Deanta

Не успеваю – Мельница

Господин горных дорог – Мельница

Глава 1

Сердцецветы для охотницы

Истинные охотники никогда не носят железо и чужие меха. Их зубы острее любого клинка, а лапы быстрее стрел. В охоте рождены и в охоте умрут.

Закаленные. Сильные. Не люди.

Руслана вскинула лук в тот же миг, когда проворная тень скользнула по земле, укрытой хвоей. Наконечником стрелы скоро нацелилась на зверя, что беззвучно опустился на сильные лапы. То волк прыгнул с небольшого холма, в тени которого отдыхала Руслана. Хищник оцетинился, но на лучницу не бросился. Лишь потому охотница не спустила тетиву – ждала, что волк рванет к ней. Боялась промахнуться. Но зверь клацнул зубами, а сам кинулся прочь от холма. Туда, где в хороводе елей другой охотник забирал добычу из силков.

– Отец! – вскрикнула Руслана.

Тотчас тетива выскользнула из-под загрубевших кончиков пальцев. Взрезав лесной воздух, запела свою смертоносную песню стрела. Волк коротко взвизгнул, заскулил и упал наземь в десяти локтях от неудавшейся добычи.

Страхнув оцепенение, мужик отер вспотевшие ладони о зипун, спрятал короткий нож за пояс.

«Не длиннее волчьего уха, – тревожно подумала Руслана. – Зверь бы врасплох застал. Отец сгинуть мог!»

Моймир подошел к волку, присел рядом без страха. Зверь уже не дышал.

– Боровой уберег, – холодно проговорила Руслана, хотя ее слегка потряхивало. Осознание минувшей беды, чье дыхание было столь обжигающе близко, ускорило биение сердца.

Моймир с улыбкой наклонил голову и подозвал дочь:

– Смотри. Стрела прямо сердце пронзила. Разве то Боровой ее пустил?

Руслана несмело качнула головой. Она прекрасно знала, что это ее жесткая рука держала лук. Ее ловкие пальцы направили стрелу. И в

том, как умело девушка это делала, была большая роль Моймира. Но и умалять заслуги Борового, хозяина леса, Руслана не хотела и боялась.

Она молчаливо улыбнулась отцу, принимая искреннюю похвалу. Провела рукой по шее уже мертвого зверя. Серая шерсть была грубой, жесткой и даже колючей, но красиво серебрилась под пальцами.

– Хороший воротник получится, – Руслана представила матушку в новой шубе, но Моймир возразил:

– Я сделаю из этого меха шапку для тебя, Руслана. Заслужила, дочка.

На душе потеплело, но страх не отступал. Коли один волк вышел к людям, то рядом наверняка бродит стая. Пока еще Боровой не пускает зверюг к людям, но вдруг его гостеприимство иссякнет? Достаточным ли было сегодняшнее подношение Хозяину, чтобы тот отпустил охотников подобру-поздорову? Хватило ли крынки молока, чтобы купить у леса всю сегодняшнюю добычу?

– Уходить пора. – Руслана вытащила стрелу из груди волка, проверила, цело ли древко, стряхнула темную кровь. Рубиновые капли окропили ковер из жухлой листвы, а стрела вернулась в колчан к своим сестрам.

– Пора-пора. – Моймир направился к силкам, от которых его отвлекло появление волка. Вытащил из умелой ловушки добычу и спрятал в почти полную суму. – Не будем Хозяина гневить и новых знаков дожидаться.

– Думаешь, так Боровой намекнул, чтобы мы уходили? – Руслана, управившись с другой сумой, подошла к отцу, опустилась рядом с ним. Оба принялись связывать передние и задние лапы волка, чтобы было удобнее тащить.

– Да кто ж его знает, – Моймир рассмеялся в густую темную бороду. – Но волки, бесы, осмелели. Чуют приближение Мороза, хозяина своего, вот и лезут к людям.

Все время коротких сборов Руслана провела в размышлениях. И точно, отец прав. Хоть жаркое лето и затянулось в этом году, но теперь уж зима стоит на пороге. Волки чувствуют это как никто другой. За последнюю седмицу вести о нападениях на скот у границ леса все чаще сотрясали город Хрусталь. Чаще лаяли собаки, а женщины озабоченно вешали на калитки обереги от диких зверей.

Руслана не любила зиму, но и не боялась ее. В доме охотника всегда было мясо и теплые шкуры, хватало на любые покупки, а благодаря корове Рожке крынки наполнились молоком. Но первый день зимы уже как два года был для Русланы самым беспокойным в году.

Она не желала того, что мог принести ей первый снег, а потому встречала его настороженно. Вот и в этом году ожидание из равнодушного постепенно становилось тревожным. Руслана принюхивалась к воздуху, пытаясь угадать в нем запах приближающихся морозов.

Всего лишь день. Пережить первый снег и вздохнуть свободно.

Скоро Руслана и Моймир закончили сборы и по знакомому пути двинулись из чащи, в сторону Хрусталя. Они часто оглядывались, шли молча. Руслана удобно перекинула через плечо лук, чтобы в случае новой встречи с волками быстро дать отпор. Моймиру, который тащил большую часть ноши, лук пришлось убрать за спину, но наготове он держал кинжал.

Так и шли в тишине и опасениях, пока не оказались за пределами владений Борового. На границе людских земель их встретили старый дуб, раскидистый и впечатляющий своей мощью даже ныне, раздетый грядущими холодами, и мельница у запруды. Уже стали слышны голоса живущих на окраине Хрусталя горожан и лай собак. Те, наверное, учуяли волка, которого волок по земле Моймир.

Чем глубже заходили в город, тем краше становился Хрусталь. Избы из сосновой древесины были богаче, выше, наряжались в узорчатую резьбу. Пыльная полоса дороги обросла камнем, стала шире, разветвилась. Все больше на улицах встречалось людей, чьи цветные наряды мелькали перед глазами, как яркие бусины, высыпавшиеся из ларца.

Теперь, когда не нужно следить за каждой тенью и слушать шорохи леса, когда можно не бояться из охотника превратиться в добычу, Руслана позволила себе расслабиться. Она посмотрела на убитого волка, вспоминая об обещании отца, и улыбну— лась.

– Да, хороша шапка будет, – угадал мысли дочери Моймир.

– Только вот матушка опять причитать будет, – Руслана смешно сморщила нос. – Скажет, что пора бы мне уже кокошник носить.

Она ждала, что Моймир посмеется. Скажет, что охотничий кафтан да лента в волосах для Русланы куда краше. Только вот отец молчал, и

на душе оттого стало тоскливо.

– Я жду и боюсь того утра, когда зима подарит тебе сердцеветы, – признался Моймир.

Руслана тяжело вздохнула. В груди точно клубочком свернулся еж.

– Не всем девушкам зима преподносит такой дар, – слова должны были прозвучать огорченно, но у Русланы не получилось скрыть истинные чувства. Она надеялась, что из первого снега на ее окне не прорастут сердцеветы. Или что это случится хотя бы не в нынешнем году. Руслана еще не готова оказаться чьей-то суженой.

– Я никого не люблю, – твердо произнесла Руслана, находя в этой правде успокоение. – С чего бы распускаться сердцеветам?

Моймир тяжело вздохнул, покачал головой.

– Порой нужно помочь сердцу, чтобы оно прозрело. Мы все дети Матери – сырой земли. От земли взяты, землей кормимся, в землю пойдем. Мы – проросшие семена, но не цельные, а лишь половинки...

Уж сколько раз Руслана слышала легенду, которую завел Моймир! Мол, порой земля-матушка молодым подсказку дает, помогая найти предначертанную пару – человека, с которым души из сияния одной звезды вылиты, судьбы – одной нитью свиты. Такая любовь никогда не угасает, а лишь крепнет, и все блага сами на ее яркое пламя в семью торопятся.

Но найти такое богатство и получить подсказку, сидя в избе, нельзя. Земля-матушка помогает лишь тем, кто сам готов за счастье бороться. Потому наутро, когда первый снег укроет землю, отправляются юноши на поиски. Ходят от избы к избе, разыскивая суженую. На каком окне от одного взгляда прорастет прямо из снега побег и распустятся на нем алые, как рябина, бутоны, там-то и ждет возлюбленная.

Так два года назад старшую сестру Русланы, Лету, нашел Владимир. Свадьбу по обычаю сыграли в ту же седмицу. А минувшим летом у них родилась дочь – Елька.

– Верю, что судьба одарит тебя тем же счастьем, Руслана, которое обрела Лета, – не глядя на младшую дочь, сказал Моймир.

Отчего-то он избегал сейчас встретиться с Русланой глазами. Смотрел на дорогу или приветливо кивал соседям, что выглядывали из-за калиток, но на Руслану не оборачивался.

– Верить, но бояться, – припомнила она сказанное в лесу. – Почему?

– Не могу представить, что однажды пойду на охоту без тебя.

Руслана притихла. Понурила голову, ссутулилась, точно на спину ей закинули тяжеленный мешок муки. При всем желании обещать отцу, что она всегда будет ходить с ним в лес, Руслана не могла. Это сейчас, незамужняя, она жила в родительском доме и подчинялась правилам, какие устанавливал Моймир. Едва с губ сорвутся свадебные клятвы, принадлежать Руслана станет другой семье и жить должна будет по новым законам.

Руслана всегда представляла, что ее жених будет добрым и искренним. Мечтала, что будущий муж никогда не запретит ей ходить в лес, носить лук и охотиться.

И пока что у дочки охотника еще была свобода – если сваты придут, Руслане наверняка позволят сделать свой выбор. Но если на окне поутру распустятся сердцевидные цветы, выбирать уже более не получится. Существуют обычаи, против которых привыкший и суеверный народ не пойдет. Да и найдется ли юноша, что решится свататься к девушке, которая другому самой судьбой предначертана?

– Руслана! – окликнул знакомый, звонкий, как капель, голос.

Она оторвала взгляд от каменистой тропы, напоминающей чешуйчатую спину ящера, вскинула голову и заметила знакомую компанию ребят. По дороге, что вела к главной площади Хрустала и к купеческим теремам, навстречу Руслане торопились ее друзья. Соседская дочка, Богдана, бежала впереди всей компании. Каким-то образом Богдане в теплом и тяжелом из-за украшений кафтане, да еще и в сапожках на каблучке удавалось быть быстрее остальных. Даже парни, широкоплечие и высокие, остались позади стройной и тонкой девушки.

И вот уже шумная компания окружила Руслану, Моймира и волка. Мертвого хищника юноши рассматривали с интересом, а нарядные девушки – с тревогой.

– Мы на площади были, – поделилась Богдана, перекинув через плечо тугую светлую косу.

– Там сегодня ярмарка, – закивала другая девушка, и ее височные кольца звонко запели.

– Пойдем с нами, Руслана! – протянул ей широкую, грубую ладонь рыжеволосый Яромир, и Руслана вдруг смутилась.

Она уже давно заметила, что нравится Яромиру. Матушка с самого лета приговаривала, что скоро юноша свататься придет. Но еще чаще она предсказывала – этой зимой на окне Русланы наконец заалеют сердцеветы. И распуститься их заставит не кто иной, как Яромир.

Этот союз осчастливил бы родительницу, но сама Руслана опасалась, что пророчество матери сбудется. Яромир хороший парень. Работящий, щедрый, отзывчивый, симпатичный. Но по тому, как он обращается с младшими сестрами, ясно, что еще Яромир очень строг. Будучи хозяином, он не потерпит, если женщина вздумает перечить. Руслану, если та станет его женой, в лес он ни за что не отпустит.

– Иди, Руслана, – Моймир мягко забрал суму с добычей, снял с плеча дочки лук. – Я сам домой все отнесу. Погуляй с друзьями.

Руслана тут же вернула суму и на удивленный взгляд отца ответила:

– На площади ярмарка ведь. Вот и поторгую кроликами! Чего время зря терять?

Моймир погладил дочь по длинным волосам, заплетенным в косу, коснулся губами темной макушки и ушел по тропе, что виляла между избами и вела к дому.

– Ну как? Идем? – снова спросил Яромир и вновь протянул Руслане руку.

Девчонки зашептались, захихикали. Руслана, недолго думая, втокнула в раскрытую ладонь юноши суму с добычей, а сама налегке прошла мимо.

– Идем, конечно! – весело сказала она, перекрикивая хохот друзей.

Руслана не хотела давать Яромиру ложных надежд, а потому даже идти с ним рядом избегала. Она юрко обошла широкоплечих парней, чтобы встать впереди компании и вести всех к площади. Но, обогнув ребят, только теперь Руслана заметила еще одного юношу.

Войко, сын местного торговца, тоже был здесь. Бледный, как лед. Сухой, как выжженная земля. Даже черные волосы его сейчас больше походили на хрупкий безжизненный пепел, а не на жесткий яркий уголь. В темных глазах Руслана не разглядела ни искры эмоций.

Еще никогда она не видела Войко таким... пустым.

– Что-то случилось? – вопрос шепотом сорвался с губ. Так, чтобы услышал только Войко.

Но он отвернулся, будто спрашивали вовсе не его, и первым зашагал к площади. Руслана хотела догнать Войко, поравняться с ним, но за руку ее поймала Богдана. Подруга статно расправила плечи и плавно, как лебедь, зашагала рядом, вынуждая и Руслану идти медленнее.

– Расскажи, как вы с Моймиром волка подстрелили? – с сияющим взглядом попросила Богдана. – Много их там было?

Руслана посмотрела на друзей. В глазах каждого, кроме ушедшего вперед Войко, горел неподдельный интерес. Догнать сына купца, не привлекая лишнего внимания, уже не выйдет.

– Что же, – вздохнула она, – мы с Моймиром остановились на привал под холмом...

* * *

На площади было шумно и, несмотря на опускающийся вечер,людно. Руслана быстро распродала всю добычу и часть заработанных монет отдала друзьям, которые своими задорными зазываниями привлекали покупателей. Больше всего постаралась Богдана и ее подруги. Девушки ловили прохожих в хоровод, смеясь, подводили к охотнице. Яромир с юношами были не так смелы, но и они привлекли немало народу, выкрикивая:

– Лесные кролики! Свежее мясо!

Один только Войко держался в стороне. Мрачнее тени он бродил в округе, но и домой не спешил. Руслана изредка следила за сыном купца, но угадать его мысли, окутанные тяжелыми думами, не могла.

Когда мясо оказалось распродано, солнце еще не село, и Руслана с друзьями отправилась гулять по ярмарке. Девушки долго выбирали у одной из торговых новые височные кольца, Богдана потратила монеты на цветные ленты. Юноши ничего не смыслили в девичьих украшениях, но покорно ходили следом до самого заката.

Когда в уличных пламенниках запылал огонь, настала пора возвращаться по домам. Богдана жила в соседней с Русланой избе, а

потому идти девушки собирались вдвоем.

– Руслана, я тебя провожу, – вмешался в их планы Яромир. – Темнеет. Одной опасно.

Он который раз за день протянул охотнице раскрытую ладонь. На этот раз у Русланы не было сумы, которую она могла вручить парню вместо своей руки.

– Не нужно. Мы с Богданой вместе будем.

В подтверждение своих слов Руслана взяла подругу под руку. Богдана поняла все без слов и подыграла:

– Или ты, Яромир, хочешь меня без компании оставить? Или того хуже – третьей лишней сидеть?

Лицо Яромира сделалось таким же красным, как его рыжие волосы в лучах закатного солнца. Он стусевался, а смех друзей его окончательно смутил.

– Тебя, Богдана, кто-нибудь другой проводит, – раздраженно предложил он и пихнул стоящего рядом Чеслава в плечо: – Верно говорю?

Чеслав отодвинулся от Яромира, и Руслана поняла – юноша хоть и недоволен командами Яромира, но Богдану, ежели потребуется, одну не бросит. Чеслав хороший друг, но его сердце занято. И вовсе не Богданой.

– Мы сами дойдем, не нужно, – на этот раз более жестко настояла Руслана и вместе с подругой сделала шаг от Яромира и его протянутой руки.

– Темнеет, – упрямо напомнил Яромир и взглядом обвел пустующую площадь. В ее центре развели костер, торговцы начали прятать товар и расходиться. – Разве могу я беззащитных девушек одних в вечер отпустить?

Богдана покачала головой. Другие парни и девушки, стоявшие за спиной Яромира и наблюдавшие за разговором, заулыбались. Все в Хрустале знали, что беззащитной Руслана никогда не была.

Из кармашка, спрятанного под меховым воротником, она вытащила короткий нож. Руслана просто хотела показать, что не безоружна. Угрожать она никому не собиралась. Но в голосе уже притаилось раздражение, а потому безобидной охотница отнюдь не казалась, когда произнесла:

– Мне хватило одной стрелы и пары мгновений, чтобы убить волка. Неужели считаешь, что человеку дать отпор сложнее, чем хищнику?

Яромир поджал губы, стиснул протянутую ладонь в кулак. Руслана не собиралась оскорблять юношу или позорить его перед друзьями. Он сам виноват в своей настойчивости.

– В городе полно дозорных, – слегка смягчилась охотница. – Если что-то случится, мы тут же на помощь позовем. Все хорошо будет.

К облегчению Русланы, Яромир возражать больше не стал. На площади все распрощались и пошли каждый в свою сторону.

– Ловко ты Яромиру от ворот поворот дала! – рассмеялась Богдана, когда они покинули площадь и оказались на дороге, бегущей по дворам меж теремов. – Только не пожалеешь ли о своем решении?

– С чего бы это? – повела темной бровью Руслана.

– Яромир – завидный жених. Я бы, может, сама ему глазки построила, но он ни на кого, кроме тебя, и смотреть не желает.

Слова должны были польстить Руслане, разбудить в ней ревность и спящие чувства, но она лишь пожалала плечами:

– Не мил он мне. Напористый, упрямый, порой слишком грубый.

– Не грубый, а строгий! – вступилась за Яромира Богдана. – Это ведь хорошо, когда мужчина как богатырь. За ним, как за каменной стеной будешь.

– Лишь бы стена не стала каменной клеткой, – шепнула Руслана под нос, но подруга ее не услышала.

– Ты ни попытки себя очаровать не даешь Яромиру!

– А ну цыц! Ты вообще на чьей стороне? – Руслана шутливо толкнула Богдану плечом.

– Вот увидишь, когда на твоём окне Яромир найдет сердцевиды, совсем иначе на него смотреть станешь! В этом году он впервые снег встречать собрался.

Больше Руслана спорить с подругой и судьбой не хотела. Если слова Богданы обратятся в быль, то Руслане придется пойти с Яромиром под венец. Никто ее «не хочу» и слушать не станет.

От этих мыслей стало зябко, точно Руслана шла по осеннему Хрусталою не в подбитом мехом кафтане, а в легком сарафане. Она стянула с шеи платок, надела его на голову и притихла, до самого дома больше не проронив лишнего слова. Руслана вполуха слушала, как

Богдана мечтательно делилась – этой зимой она надеется увидеть алые цветы на своем окне. Правда, от кого они будут, подруга еще не определилась, но это ее не слишком заботило. Коли уж кто-то сужден ей, то и беспокоиться не о чем.

– Судьба поможет сердцу прозреть, – Богдана ласково улыбнулась подруге, когда они оказались на распутье. Одна тропинка вела к дому Русланы, другая – к калитке, за которой родные ждали Богдану. – Я этого нам обеим желаю.

* * *

Когда Руслана вошла в дом, стол уже был накрыт. В центре его стояло блюдо с уткой, запеченной в клюкве и травах. Моймир сидел во главе стола, а мать Русланы, Бояна, хлопотала, разливая чай из облепихи.

– Что-то празднуем? – стягивая теплый кафтан, поинтересовалась Руслана. Она с наслаждением вдохнула ароматный запах. Пахло вкусной едой и домом.

– Добрую охоту накануне зимы. – Бояна как раз закончила с чаем и опустилась за стол, по правую руку от мужа. – Слышала, что мельник сегодня утром вихрей на границе леса видел.

– Вихрей? – Руслана оставила кафтан в сенях и прошла к столу. – Еще зима не пришла, а духи бури уже поджидают...

– Где вихри, там и снег, – верно подметил Моймир и первым принялся за ужин. Женщины последовали его примеру, но аппетит у Русланы резко пропал.

Неужели уже завтра?..

– Зима суровая будет, раз вихри так рано явились, – матушка Русланы взволнованно покачала головой. Полной рукою стянула с русых волос простой домашний платок. – Но я верю, что не одних морозов нам нынче ждать стоит.

Руслане показалось, что она откусила слишком большой кусок утки. Мясо застряло в горле и, несмотря на ароматные приправы и кислотоватую клюкву, ощущалось совсем безвкусным.

Завтра. Все точно случится уже завтра...

Эта мысль проскочила с такой ясностью, что перед внутренним взором Русланы четко предстали алые цветы на мягкой снежной подушке. Она моргнула, и видение растворилось. Вместо снега перед ней была белоснежная скатерть, а вместо сказочных бутонов – рубины ягод на блюде.

– Надеюсь, это будет Яромир, – матушка едва не светилась от счастливого предвкушения. – Такой хороший парень! Рукастый, сильный, работающий!

Руслана с трудом проглотила мясо, кашлянула невольно. Родительские глаза тут же обратились к ней.

– Может, и не будет никаких цветов, – с делано скучающим видом Руслана пожала плечами. Матушка на то лишь отмахнулась:

– Сердце мое чувствует, Руслана, – скоро под венец пойдешь.

Руслана взглянула на отца, но не смогла найти в нем успокоительной поддержки. Моймир ничего не говорил, и даже глаза его хранили молчание – такие же синие, как у Русланы, сейчас они были точно окутанное тайнами вечернее небо. Похоже, отец сам не знал, чего желает больше – передать дочь в новую семью или еще на какое-то время оставить в родном доме.

– Я вижу, что ты боишься, – мягким, словно сено на полати, голосом заговорила Бояна, – но это пустое. Сватанье, венчание – это всегда волнующе. Но, Руслана, дочка, ты уже взрослая...

– Знаю.

– Так положено.

– Понимаю...

– Не хочу, чтобы ты старой девой осталась.

Руслана ясно представила, как о ней начнут шептаться, если она еще пару лет протянет с замужеством. Хрусталь – небольшой город. Слухи ползут быстро и надолго цепляются к человеку, точно репей. Руслана не хотела быть темой для дурных пересудов, потому что знала, как они способны менять жизни.

– Я и не собираюсь старой девой оставаться, – нахмурилась Руслана. – Просто... Первый снег может не подарить мне сердцевцетов.

Матушку должны были бы огорчить такие слова, но та не смогла сдержать улыбку. От нее Руслане стало еще больше не по себе.

Ощущение, что от нее скрывают какую-то тайну, зудело, обжигая кожу крапивой.

– Матушка?..

Моймир отложил ложку, скрестил руки на груди. Тревога усилилась, и Руслана взволнованно уставилась на мать.

– Я слышала, – начала та довольно, – Яромир свататься будет.

– Но сердцеветы...

Бояна махнула рукой, обрывая дочь на полуслове.

– Что с цветами, что без них – он придет за тобой, Руслана. Знала бы ты, как я была счастлива, когда этот слух до меня донесся!

Дальше все будто подернулось туманом. Восторженные рассказы матери, ее мечты о пышной свадьбе, о внуках... Руслану замутило. Она хотела бы семью, но не с Яромиром. Он не тот, кто ей нужен. Не тот!

– А ежели я буду против?

Матушка пораженно притихла. Казалось, она не верила своим ушам.

– Как ты можешь быть против? – изумилась Бояна, и ее полное лицо мигом вытянулось от удивления. – Или же тебе кто иной по нраву?

Родители ждали ответа, внимательно следили за Русланой. И она хотела бы кивнуть, назвать имя... Но не было никого. Никого, кто ей нравился. Никого, кто мог бы ее спасти.

– Нет, – признавая поражение, Руслана опустила голову. – Но я могла бы найти кого-то. Я могла бы...

– Твои ровесницы уже детей нянчат, а ты все тянешь, все по лесам бегаешь! Уже все в Хрустале об этом говорят! Знаешь, что тебя лесной девкой считают?

Моймир растерянно почесал бороду, не решаясь посмотреть на дочь. Руслане вдруг показалось, что она испытала его боль как свою. Отец всегда желал ей добра, шел на уступки, учил стрелять из лука, охотиться, находить дорогу в лесу и задабривать духов.

А теперь все это играло против них.

Руслана знала, что некоторые считают ее странной. Но чтобы лесной девкой... Это ведь неправда! Боровой ее не похищал, колдовать не учил. Да она даже не видела хозяина леса никогда!

– Да и, подумай, – прерывая полные возмущения думы, сказала матушка, – разве сможешь найти кого-то достойнее, чем Яромир?

– В городе полно юношей, – мрачно буркнула Руслана.

– Но не все они достойны тебя. А я не позволю, чтобы ты...

Бояна прикусила язык, потупила взгляд в тарелку, где остывало мясо. Руслане не стоило продолжать разговор. Нужно было покорно кивнуть, уйти. Но охотница спросила:

– Чтобы я *что*? Чего ты не позволишь, матушка?

– Бояна, – Моймир предупредительно покачал головой. Взгляд его стал тяжелым, темные брови низко нависли над синими глазами.

Руслана поджала губы, уже и не надеясь услышать ответ. Но мать вдруг выпалила:

– Не позволю, чтобы ты с кем попало судьбу связала. Многие юноши лишь кажутся приятными, добрыми и смелыми. Но я слышу все сплетни, знаю, о чем говорят люди!

– Хватит, – Моймир грозно ударил по столу. Бояна охнула и резко замолчала. Руслана вздрогнула, но вопреки этому ощутила странное облегче– ние...

Которое вмиг растаяло, как снежинка на ладони, когда Моймир договорил:

– Руслана, мать права. Мы поговорили сегодня и решили, что пора тебе замуж выходить. И ежели первый снег не расцветет под твоим окном сердцеветами, то быть тебе женой Яромира. – Чуть смягчившись, он добавил: – Мы дадим на этот брак благословение, а остальное приложится.

Точно во сне Руслана помогла матушке убрать со стола. Как одурманенная, прошла в свои покои, где облачилась в сорочку, а прочую одежду столкала в сундук.

Быть ей женой Яромира...

Руслана лежала на широкой лавке и через окно смотрела на уже черное ночное небо. Когда во мраке заплясали первые снежинки, перехватило ды– хание.

Неужели все уже решено?

Руслана обняла подушку, вжалась в нее лицом. А что, если сердцеветы все же распустятся? И что, если их охотнице подарит не Яромир, а кто-то другой?

Надеялась ли она на это? Хотела ли?.. И кто мог спасти ее от Яромира? И не было ли это еще более печальной участью?

Руслана не смогла уснуть. Так и металась в постели, пока предрассветные улицы не пробудились от залихватского пения:

– Солнца луч коснулся снега – распустились сердцецветы!

Глава 2

Украденное сердце

Руслана резко села на широкой лавке, служившей ей постелью. Перед глазами поплыли красные пятна.

– Зима засвাতала! – кричали на улице.

– Держи жениха!

Смеялись звонко, заливисто, слишком громко для предрассветного утра. Руслана вскочила, босиком подбежала к окну, уже точно зная, что увидит. Снег нежным покрывалом лег на землю, баюкая ее, усыпляя. Такая же холодная перина укрыла и подоконник. Из нее тянулись зеленые стебли, удивительно тонкие для столь пышных и тяжелых на вид соцветий.

Руслана зажмурилась крепко-крепко, пытаясь прогнать дурноту бессонной ночи. Но когда она вновь открыла глаза, видение не исчезло. Цветы смотрели на охотницу сквозь стекло, понизу которого ползли сияющие серебром морозные узоры.

Где-то в избе зашумели родители, торопясь во двор. Им не терпелось увидеть жениха дочери. А Руслане, чтобы встретиться с судьбой, достаточно было поднять взор на окно.

Соседи уже окружили юношу, радуясь так, будто это за их дочерьми суженые пришли. Они собрались вокруг парня плотным кольцом, и потому Руслане не сразу удалось разглядеть... Войко.

На какое-то время она точно разучилась чувствовать. Забыла, как радоваться и грустить, как пугаться судьбы и с отчаянием бросаться в ее объятия. А потом Руслана засмеялась.

Войко?! Почему он? Как?

Наскоро поверх исподнего платья она натянула кафтан, надела сапожки и выскочила на улицу.

– А вот и невеста! – мать Богданы с широкой улыбкой подтолкнула Войко навстречу Руслане. Он шагнул неловко, неохотно, посмотрел в глаза своей нареченной, и что-то в этом усталом, печальном взгляде отозвалось внутри Русланы.

Она чувствовала то же, что и Войко.

– Это ошибка, – сказали они почти одновременно, отчего народ довольно заулюлюкал, а матушка Русланы запричитала:

– Как это ошибка? Вы вон уже как спелись, голубчики!

Испуганный взгляд заметался, и в толпе Руслана вдруг увидела Богдану. Подруга держалась в стороне – невеселая, бледная. Похоже, свои сердцеветы она не получила. Богдана что-то произнесла одними губами, глазами стрельнула на Войко. Спрашивает, как так произошло, догадалась Руслана. Она метнулась к подруге, но ей и пяти локтей пройти не дали.

– А ну-ка!

Чужие руки потянули Руслану прочь от Богданы, в сторону бани позади дома. Она забилась, как пташка в силках, пытаясь вырваться, но то вызвало лишь смех.

– Отец! – закричала Руслана, найдя взглядом Моймира. – Скажи им! Я хочу уйти, отец!

Моймир поджал губы, виновато развел руками. «Таков обычай», казалось, говорил он безмолвно.

– У вас сегодня Крашняна! Куда бежать собрались? – Войко и Руслану в несколько пар рук уже подтащили к низкой бревенчатой бане. Войко больше не пытался сопротивляться. Сухой и безжизненный, как опавшая листва, он следовал чужой воле, как снежинка подчиняется ветру.

Руслана же, стряхнув с себя морок бессонной ночи, еще пуще принялась вырваться. Кафтан распахнулся, ленту из нерасплетенных на ночь волос вырвал ветер. Темные волосы разметались, стекая по тонким плечам темным буйным водопадом.

– Не смейте! – зарычала она сквозь зубы, точно дикий зверь. – Не смейте запирать нас!

С горечью она увидела боль в глазах отца, а на лице матушки – раздражение. У своей калитки с ноги на ногу переминалась растерянная Богдана.

– Что случилось? – вдруг раскатисто пронеслось по двору, и на какой-то миг Руслана оцепенела. Голос Яромира, ее неудавшегося жениха, ужалил, как оса.

И в это мгновение ее втокнули в распахнутую дверь. Руслана едва не рухнула на деревянный пол предбанника, но осталась стоять

лишь благодаря Войко. Юноша поймал ее за плечи, помог удержаться, а затем оба кинулись к стремительно сужающемуся дверному проему.

– Руки! – отрезвляюще рявкнул Войко, и Руслана в последний миг отдернула от щели пальцы.

Громыхнула запертая дверь, а вместе с ней сотряслась и крошечная баня. Снаружи слышался хохот и поздравления, предназначенные Моймиру и Бояне. Но все это звучало как эхо – словно далекие голоса лесных духов, что стремились подражать людям.

Все казалось слишком нереальным.

– Спасибо, – буркнула Руслана, тяжело дыша. Она неотрывно смотрела на свои пальцы и все терла, терла их.

– За что? – так же тихо и вяло обронил Войко. Он дернул дверь, но та не поддавалась. Возмущенно зашелестели развешанные над входом веники.

Войко что-то буркнул раздраженно и обессиленно опустился на деревянную лавку.

– За то, что пальцы мои спас. – Руслана представила, как больно бы прищемило руку, не отдерни она ее вовремя. С такой травмой из лука не постреляешь.

Войко лишь отмахнулся:

– Ерунда.

Голос его звучал сухо, взгляд, как и вчера, оставался пустым и отстраненным. Войко сидел перед Русланой, но мыслями витал где-то далеко. Оттого казалось, что в предбаннике вовсе не сын торговца, а его призрак.

Руслана прогнала дурную мысль и опустилась на другой конец лавки, держась подальше от Войко. Хотя от них сегодня ждали как раз обратного.

Нареченные в день Крашняны должны сблизиться, узнать друг друга и, как считается в народе, влюбиться. Чтобы ничто не мешало молодым, их закрывают в одном помещении, давая волю делать все, что угодно будущим супругам. Кто-то в Крашняну только знакомится, а кто-то...

– Слушай, надо выбираться отсюда, а то потом пути обратно не будет. – Руслана строго ударила кулаком по коленке, даже не

осознавая, что в точности повторила привычное для Моймира движение.

– Хороший план, – грустно улыбнулся Войко. В его карих глазах сквозил холод, каким тянет от земли в последние осенние дни. – Только вот пути назад *уже* нет, Руслана. На твоём окне нашли сердцевцветы, а во дворе – меня. Нас поженят, но не переживай...

Тусклый, обреченный голос принадлежал будто не молодому юноше, а преступнику, которого ведут к виселице. Руслана и Войко никогда не были близкими друзьями, но и его очевидное отвращение душу нисколько не грело.

Она тоже не прыгала от счастья оттого, что должна выйти за Войко, но хотя бы не воротила нос так открыто.

– Чего ты вообще под моим окном забыл? Сидишь теперь ни живой ни мертвый!

Войко упрямо молчал. Сжал губы так, что они побелели. Ссутулился весь, сгорбился, точно сухая коряга. Темные волосы упали на бледный лоб, закрыли глаза.

Руслана шумно вздохнула, набрав полные легкие прохладного воздуха. Пахло древесиной, мылом и спящим жаром нетопленной бани. И что теперь делать? Как выбираться? Окон в мыльне нет, а в предбаннике – одно, совсем крошечное под потолком. В него разве что рука пролезет.

Мысли были тягучими, как смола. Руслана с детства ходила в баню, а потому знала ее как свои пять пальцев. И сейчас это не утешало, а наоборот – внушало отчаяние. Ведь выход отсюда только один.

– Слушай, – спустя долгие раздумья, Руслана заговорила первой, – у меня есть идея, как выбраться.

Войко впервые за время их молчания пошевелился. Глянул на нее с сомнением.

– Нас без еды не оставят. Так ведь? Нам же здесь весь день и вечер сидеть.

Войко медленно кивнул, и в его темных, как сажа, глазах зажегся интерес.

– Предлагаешь притвориться голодными, попросить принести еды и... напасть?

– Мы не будем ни о чем просить, – отрезала Руслана. – Это лишь вызовет подозрения. Сейчас лучше сидеть и ждать, а когда дверь откроется – действовать сообща.

Войко хмыкнул, задумчиво потер идеально выбритый подбородок.

– Даже если вырвемся, что дальше? – спросил недоверчиво.

– Дальше?..

– Конечно. Представь, мы сбежим из бани, окажемся снова на воле. Но о нашей помолвке, – он скривился на этом слове, и Руслана не могла его осуждать, – знает уже пол-Хрусталя. Что будешь делать?

Руслана не заглядывала в своих чаяниях настолько далеко. Пока что самым сложным для нее был побег. Потому все, что ждало за ним в случае удачи, было неясным, как воспоминание о растаявшем сневидении.

Под пристальным взглядом Войко она впервые задумалась о дальнейшем плане. И думы эти не принесли ничего, кроме разочарования.

– Ну? – Войко поднялся с лавки. Как бы невзначай постарался выглянуть в тонкое окошко под потолком. – Что надумала?

– Я бы могла пойти к отцу. Он бы меня понял, – нехотя выдавила Руслана и тут же устыдилась этих слов. В мыслях они звучали не так нелепо. Не так наивно.

– Если хотим избежать свадьбы, то у нас только один путь – побег.

На лицо Войко упал луч, пробившийся в узкое окошко. В его свете темные глаза сверкнули, как драгоценные камни. Точь-в-точь такие же, как камни в украшениях, которыми торгует отец Войко, путешествуя по соседним деревням и городам.

Сейчас Войко не казался безжизненным увядшим цветком, тонким и слабым. Он расправил плечи, вмиг стал жестким и уверенным, как стрела, летящая точно в цель.

Но Руслана свой пыл растеряла.

– Я не хочу убегать из Хрусталя, – честно призналась она. – Здесь мой дом. Семья. Любимый лес.

Уголки губ Войко медленно потянулись вверх. Грустная улыбка трещиной расколола его лицо.

– Я так и думал. Твой план не более чем прихоть, которая ни к чему не приведет.

«Трусиха», – прочитала Руслана в его глазах и вспыхнула от стыда. Стыда за саму себя.

– Можно подумать, ты готов вот так просто распрощаться с родным домом, друзьями и семьей. Ты-то сам готов бежать?

Войко не ответил. Молча сел на лавку, скрестил руки на груди и низко опустил голову. «Да» или «нет» – оставалось только гадать.

Руслана принялась нервно ходить по тесному предбаннику от одной стены к другой. Каблуки гулко стучали о деревянный пол, отмеряя утекающее время.

Что же делать? Что?..

Вскоре Войко, похоже, устал от метаний Русланы и, лишь бы та хоть на мгновение остановилась, спросил:

– Почему ты не хочешь выйти за меня?

– А почему я должна этого хотеть? Мы хоть и общаемся с детства, но я плохо тебя знаю.

– Мои родители женились, зная лишь имена друг друга, – хмуро поделился Войко.

Руслана едва сдержалась, чтобы не признаться – ее тоже. Моймир часто рассказывал, что судьба не подарила ему и Бояне сердцеветов. Да и знакомы они не были. Их поженили родители.

«И ничего! Построили семью, полюбили друг друга, двух дочерей вырастили», – часто говорила матушка, но эти слова Руслану нисколько не успокаивали.

Она не хотела, чтобы ее жизнь повторила родительские судьбы. Не хотела свыкаться с кем-то, пытаясь его полюбить.

– Странно, что ты не хочешь даже попытаться. Отчего не предложишь пожениться, но мужем и женой только на людях притворяться? Я ждал таких уго–воров.

– Это неправильно. Да и не люблю я тебя, Войко, чтобы за этот брак цепляться. Неужели моих чувств для отказа недостаточно?

– А как же сердцеветы? – упрямылся юноша.

Руслана заметила в глазах Войко хитрый блеск и устало покачала головой:

– Насмехаться надо мной вздумал? Только мы с тобой в одной лодке сидим. А сердцеветы... Недоразумение какое-то. Ошибка.

Войко согласно хмыкнул, и Руслана осмелилась спросить:

– А ты? Почему не хочешь нашей свадьбы?

Она не рассчитывала на честность. Думала, что ответ Войко почти повторит ее собственные слова. Но сын торговца вдруг признался:

– Я не получил ответ на письмо, – голос его чуть дрогнул, выдавая напряжение. Войко коротко глянул на Руслану, но быстро отвел глаза. В их обсидианах дрожали слезы.

Руслана удивленно моргнула. Медленно приблизилась к лавке и вновь села подле «нареченного».

– Что за письмо? – видя волнение юноши, она добавила: – Может, ответ еще придет.

– Если женюсь на тебе, для него будет уже поздно, – с обреченностью смертника выдохнул Войко.

Сердце Русланы оборвалось. Безмолвная правда открылась ей со всей ясностью.

Войко влюблен в другую. В девушку из другого города. Наверняка они познакомились, когда Войко в очередной раз путешествовал с отцом, помогая с товаром.

И еще – эта девушка явно не из низшего сословия, раз умеет читать и писать. Иначе как влюбленным тайно обмениваться письмами?

– Ты умеешь читать?

– И писать тоже.

Руслана умела только читать, и то не слишком хорошо. Потому слегка завидовала Войко, но одновременно с тем – сочувствовала ему. Жить в незнании тяжело. Войко прогневал возлюбленную? Она нашла другого? Или просто письмо затерялось в пути?

Вот почему Войко ходил блее смерти. И вот почему у него были более весомые причины бежать от этой свадьбы. Бежать от Русланы.

– Если ты сбежишь, я останусь опозорена. Ни один мужчина больше не возьмет меня в жены, а горожане станут сторониться.

– Знаю. Потому и зову тебя бежать вместе.

Руслана понимала, почему Войко хочет уйти. Она даже не могла просить его отказаться от затеи, потому что это было эгоистично, неправильно. В отличие от Русланы, Войко любил и стремился спасти эту любовь.

Руслана же хотела спасти только себя.

– Ты потому сегодня у меня во дворе оказался? Собирался бежать к своей возлюбленной?

Войко не стал отнекиваться и честно кивнул:

– Отец только через седмицу туда вновь собирался. Я не мог столько ждать.

«Не мог. И сейчас не станет», – с горечью подумала Руслана.

Увидев, как переменялась в лице дочка охотника, Войко сказал:

– Знаешь, у меня тоже есть план. Я все еще предлагаю бежать вместе, но не сегодня. Нужно притвориться, что мы смирились, что все хорошо и мы согласны на свадьбу.

– До нее всего несколько дней, – сокрушенно покачала головой Руслана.

– Мы используем их, чтобы убедить родных – противиться не станем. Так будет проще сбежать. А еще – это время тебе на раздумья. Я не смогу остаться, Руслана, но мы можем уйти вместе.

– Но тогда мне придется оставить Хрусталь и старую жизнь. А как же мои родители? Отец умрет от горя, если я просто исчезну.

– А если окажешься опозорена?

– Тогда от горя умрет моя матушка, – с тяжелым сердцем поняла Руслана.

Выходит, у нее всего два пути. Остаться без будущего здесь, дома, либо направиться на поиски новой жизни.

– Обещаю, я не сбегу без тебя. По традиции венчание должно быть на третий день от Крашняны. Так что у тебя два дня на раздумья.

В последний вечер перед венчанием принято «сжигать прошлую жизнь». Для этого обряда на окраине поселения разводят костер, до которого жених и невеста идут рука об руку в полной тишине. Это время им дается на то, чтобы попрощаться с прошлым, дабы без сожалений вступить в новую жизнь. Дойдя до костра и произнеся обрядовые клятвы, суженые бросают в пламя по одной вещи, символизирующей былую жизнь. Девушки обычно отдают огню старые платки и ленты, а юноши жертвуют деревянными талисманами в форме петушиных гребешков. Такие игрушки вырезают отцы, как оберег от кошмаров для детей. Во взрослой жизни они уже ни к чему.

Никому не позволено во время шествия мешать суженым. Все расходятся с их пути.

Если бежать, то именно в этот вечер.

– Костер разведут у мельницы. Там рядом есть конюшня. Я смогу выкупить для нас пару лошадей, – воодушевление Войко подкупало.

Только вот своих денег на коня у Русланы не было. Это слишком дорого.

– Я не стану красть у родных, а сама себе кобылу не могу позволить.

– Пустое, – отмахнулся Войко и подался чуть вперед, заверяя: – Я подарю тебе лошадь. Лучше так, чем из-за меня останешься опозоренной.

Руслана не хотела бежать. Она надеялась решить все разговором, но уже понимала, насколько малы шансы. Идти к родителям, пытаться добиться чего-то, – бессмысленно. Так Руслана лишь укрепит подозрения к ней и Войко, следить за ними станут бдительнее.

Она могла бы избежать позора, предупредив – Войко намерен улизнуть к другой. Но это будет подлый поступок, за который ее заслуженно возненавидит и Войко, и сама Руслана.

Поэтому пути все еще было только два.

– Я подумаю. О своем решении скажу, когда пойдем к костру.

Войко улыбнулся. Этого заверения ему было достаточно.

Когда в баню принесли еду, ни Войко, ни Руслана не пытались бежать.

* * *

В час, когда в предбаннике стало совсем темно, Руслана уже изнемогала от скуки и нетерпения. Весь день до заката, нервно то заплетая, то расплетая косу, она провела в раздумьях о своем будущем, потому что других дел не осталось. Войко ушел в мыльню и закрыл за собой дверь. Руслана лишь единожды попыталась заговорить с ним вновь:

– На ужин принесли кабана, – она заглянула в мыльню, немного приоткрыв дверь.

Войко лежал на полке, уставившись в низкий деревянный потолок. Он не снял ни кафтан, ни сапоги. В нетопленной бане было прохладно и непривычно мрачно.

– Кстати, это я его на днях подстрелила, – сделала новую попытку разболтать «жениха» Руслана, но Войко не пошевелился.

«Может, от голода слег?» – подумалось охотнице. Войко поел лишь утром, и то немного. Поклевал кашу, а к голубцам, пирогам да оладьям даже не притронулся.

– Не хочу, – вяло отозвался с полка Войко. – Ничего в горло не лезет.

Руслана не стала его уговаривать, закрыла дверь и села на лавку, к которой еще утром они с Войко придвинули небольшой стол. Сейчас весь он был уставлен яствами, из-за чего баню окутали ароматы свежей выпечки и мяса.

Румяная буженина стояла по центру небольшого стола. Руслана смотрела на мясо с горькой усмешкой. Выслеживая того кабана, она и не думала, что будет есть его мясо на своей Крашняне.

Руслана чуть засучила рукав расшитого кафтана, потянулась за яблочным пирогом, откусила, не чувствуя вкуса.

Грустно. На сердце пусто, на душе тоскливо. Бежать Руслане из родного Хрусталя или оставаться в любимых землях дурнушкой? Неудивительно, что что-то внутри ее не допускало даже мысли о браке с Войко – этому все равно не бывать, даже мечтай Руслана о замужестве, как Богдана.

Тошно было от своей судьбы. Страшно. Ведь какой бы выбор ни сделала Руслана, впереди только трудности. Единственное, что могла сделать охотница, – это выбрать, через какие препятствия идти.

Что до Войко, у него тоже выбор был. Только вот поступать как должно он даже в мыслях не допускал. Войко не раскроет свой секрет, не выдаст тайную возлюбленную.

Руслана не понимала, злит ли ее это. С одной стороны, эгоизм Войко ставил ее на распутье. С другой – юноша, как и чаяла Руслана еще утром, не настаивал на свадьбе.

«Бойся своих желаний», – подумала она, нехотя откусывая пирог.

С улицы сквозь запертую дверь послышались приближающиеся голоса. Руслана настороженно замерла, прислушалась. Убедившись, что шли к бане, она вскочила из-за стола и метнулась в мыльню. Если Руслана и Войко хотели, чтобы в их желание сыграть свадьбу верили, они должны создать хотя бы видимость теплых отношений. Влюбленные, сужденные друг другу Матерью землей, не станут сидеть порознь в тишине.

– Пришли, – ответила Руслана на удивленный взгляд Войко. Спустя мгновение после ее слов у двери кто-то закопошился.

Сначала от двери оттащили что-то тяжелое. Потом щелкнул отворенный замок, и уличный шум стал громче, яснее.

– Хватит миловаться! – В баню вошел отец Войко, Некрас. Он окинул довольным взглядом невестку, расправил несуществующие складки на безупречном дорогом кафтане и первым пошел на улицу. – Пора показаться людям! – крикнул он уже снаружи.

Войко с видом мученика слез с полка и медленно приблизился к Руслане. Так, будто ее кожа была отравлена ядом, Войко взял девушку за руку.

– Пойдем, – буркнул он и отвернулся прежде, чем Руслана успела заглянуть в черные от сгустившегося мрака глаза.

Он потянул ее за собой, к выходу, и каждый шаг казался чем-то неправильным. Сейчас их прилюдно нарекут женихом и невестой. После проведенной в запертой бане Крашняны пути назад уже нет. Для многих парней Руслана уже считается девушкой, принадлежащей другому.

От этих мыслей щеки запылали, а глаза защипало от слез обиды. Почему все должно быть так? Почему она должна идти за руку с человеком, который уже через пару дней сбежит от нее? Почему должна быть названа невестой парня, которому противна даже мысль о жизни с Русланой?

Несправедливо. Проклятые сердцевцветы! Если бы не они...

«То шла бы ты рука об руку с Яромиром», – напомнила себе Руслана.

Нет, то была бы ничуть не лучшая судьба. Как ни крути, все шло не так, как хотелось бы. Ни один из уготованных судьбой путей ей не нравился. Все дороги пугали, а потому оставалось лишь плыть по течению.

Расправив плечи, Руслана подняла подбородок и примерила лучшую улыбку из всех, что умела подделывать.

Их встречали с поздравлениями и песнями. Народ окружил баню, заполонил почти весь огород у дома Русланы. У многих в руках были свечи, отчего казалось, что звездное небо упало на землю.

Чужие взгляды обжигали. От них воздух будто загустел, и идти было тяжело. Каждый шаг давался с трудом, но до встревоженной и

потерянной Русланы не сразу дошло, что это из-за снега. Его за день намело столько, что даже притоптанный, он был почти по щиколотку. Да и воздух стал заметно холоднее – Руслана зябко поежилась в осеннем кафтане.

Задорная песня о влюбленных, которых поженила зима, становилась громче, звонче. Рука Войко крепче вцепилась в ладонь Русланы. Сын купца будто боялся, что кто-то отнимет его невесту. Но Руслана знала, что на самом деле Войко пытался удержать лишь себя.

Ей было тяжело. Но ему? Идти с нелюбимой под обрядовую песню, но думать о другой.

Песня все текла, постепенно из звонкой, как свежий лед, становясь тягучей и тяжелой, точно облака, полные снега. Здесь мотив менялся, как и история песни. Если в первой ее части парень и девушка радовались своему союзу, то во второй их пытался разлучить сам Мороз, жестокий и могучий.

Под эти тревожные распевы к Руслане подошли матушка и Богдана, обе несли свечи, защищая их ладонями от жгучего холодного ветра. Богдана взяла Руслану за одну руку, а Бояна – за другую, аккуратно высвободив ладонь дочери из руки Войко. Он отпустил, не противясь традиции.

– Идем, – шепнула Бояна, уводя дочь в сторону дома. Руслана не обернулась, но знала, что точно так же в сторону соседской избы вводили и Войко.

Собравшиеся соседи, друзья и простые зеваки продолжали петь, и ветер уносил хор их голосов ввысь, к черному небу. Песня проводила невесту до родного дома, а потом дверь открылась, и в лицо дохнуло знакомое уютное тепло. Руслана прошла в сени, втайне радуясь, что деревянные стены хоть немного заглушили десятки голосов. Но, увы, ей еще предстояло вновь показаться народу.

– Ну как? – подлетела к дочери Бояна, когда они зашли в светлицу.

Руслана моргнула, растерявшись и не зная, что сказать. Но потом голос Войко прозвучал так ясно, будто он был рядом: «Нам должны верить». Тогда Руслана заглушила свои чувства и тревоги и вымолвила с поддельным придыханием:

– Замечательно!

Матушка на какое-то время замерла, будто повторяя ответ Русланы про себя и не веря ему. Девушка даже успела испугаться – не

вызвала ли подозрений? Но потом Бояна с заметным облегчением стянула с головы простой платок, расплылась в счастливой улыбке:

– Спасибо матушке сырой земле! Спасибо!

Богдана, что все это время стояла чуть в стороне, едва слышно прыснула. Руслане больше всего хотелось рассказать обо всем подруге, попросить совета, а потом вместе посмеяться над ошибкой той, кого так почитали не только в Хрустале, но и далеко за его границами.

– Я все думала, упаси, если Русланка опять будет морду квасить! – причитала матушка, стягивая с дочки кафтан. – Войко, конечно, не Яромир... Вечно он себе на уме, в облаках витает, но тоже ничего. Ладный, из хорошей семьи...

– Матушка!

– Чего? Верно я все говорю!

Богдана не сдержалась и все же засмеялась в голос. Бояна пригрозила ей пальцем, шикнула, и подруга умчалась в глубь избы, точно по понятному ей одной приказу.

– Войко хороший жених. Достойный. Лучше многих.

Матушка помогла сменить сорочку на нарядную крапивную поневу с холщовой подкладкой, накинуть новый кафтан, украшенный яркой вышивкой и отороченный мехом. Подвела Руслану к зеркалу, держась за спиной дочки. Только теперь Руслана поняла, как она повзрослела: вытянулась и ростом стала выше Бояны, в лице не осталось детской мягкости, а в лазуритовых глазах – наивного блеска.

– Войко будет тебе хорошим мужем. – Матушка аккуратно расплела темные волосы Русланы, ласково провела по ним гребешком, который взяла с лавки.

– Лучше многих? – с улыбкой припомнила слова матери Руслана. Она говорила шутливо, без цели выведать что-либо, но Бояна вдруг кивнула:

– Я молилась, чтобы судьба не послала тебе полукровку, и меня услышали.

Бояна продолжила расчесывать дочь, не замечая, что та застыла в недоумении. Синие глаза уставились в свое зеркальное отражение, будто там мог прятаться ответ.

– О чем ты говоришь? Какой полукровка? Ай! – Руслана зашипела от боли, когда мать принялась затягивать волосы в косу. Новая лента

заструилась по темным прядям, как сомнения – в мыслях охотницы. – Ты о ком-то из Хрусталя? Неужто байстрюк чей среди нас живет?

– Не говори глупостей! – Бояна будто невзначай сильнее дернула девушку за волосы, завершая плетение. Руслана шумно втянула носом воздух, но стерпела. Дала матери завязать ленту на конце длинной косы. – Меня не пугал твой возможный союз с незаконным сыном какого-нибудь боярина.

– Думаешь, такой брак не навлек бы на нас бед?

– Есть вещи гораздо хуже.

– Расскажешь?

Бояна отмахнулась от просьбы дочери. Песня, что лилась с улицы, уже подходила к концу. Когда зазвучит последний куплет, тот, в котором девушка и парень побеждают Мороза, невесте нужно будет вновь предстать перед суженым и людьми.

Бояна отошла, придирчиво оглядела ее с макушки до пят. Руслана покосилась в зеркало и с тоской подумала, что к этому кафтану идеально подошла бы шапка из волчьего меха. Только вот вместо меха ей сегодня иное украшение уготовано.

Вторая мыслям охотницы, в комнату вернулась Богдана. На ее ладонях, словно драгоценный венец, лежал венок из сердцевцветов. Цветы были точно такого же цвета, как лента в волосах Русланы, как нити, которыми расшили отвороты ее рукавов, как бусы, которые на новоиспеченную невесту надела мать.

– Красиво, да? – подруга неловко улыbnулась, протянула венок Руслане. – Твоя матушка сплела.

В груди закопошилось неприятное чувство, будто кто-то граблями душу расчесывал. Богдана и другие девушки знали, в таком венке символ новой счастливой жизни. Руслана же видела только первую весточку грядущего прощания со спокойствием и, может, родным домом.

Она склонила голову, позволяя Богдане надеть на себя венок, и сморгнула выступившие слезы. Мгновенная слабость, навеянная мыслями о том, что счастье, которое она имела смелость порой представлять перед сном, теперь уж никогда не наступит.

– Пойдемте. – Стоя между матушкой и подругой, она взяла их за руки. Глубоко вдохнула, собираясь с силами, и смело шагнула к двери.

Каждый шаг все больше заглушал дотошный голос: «Скажи им про Войко. Скажи, что он хочет сбежать». Руслана не могла этого сделать. Лучше от этого точно никому не станет: за Войко будут пристально следить, и Руслану выдадут замуж за того, кто станет ее ненавидеть. Да и после свадьбы ничто не остановит Войко, рано или поздно он все равно уйдет. К чему оттягивать неизбежное и отягощать и без того тяжелое положение?

Когда Руслана шагнула за порог и по щиколотки утонула в снегу, мерзкий голос в ее голове окончательно затих. Под последний куплет песни, в которой возлюбленные побеждали Мороза, Руслану и Войко вывели в центр двора. Люди тут же сомкнулись вокруг них плотными кольцами, закружились в хороводе. Первое его кольцо, что было ближе всего к суженым, двигалось вправо, следующее за ним – влево, другое – вновь вправо. Сколько всего было витков, Руслана не могла сосчитать. Множество лиц мельтешило перед глазами, десятки свечных огоньков танцевали вместе с людьми.

Голова шла кругом, и Руслана убеждала себя, что это из-за того, что она оказалась в центре хоровода. Признаться в волнении было все равно что в беспомощности.

Она подчинилась, когда Войко, как и полагается, взял ее за руки. Они смотрели друг на друга без тени улыбки или тепла, и Руслана начала дрожать – холод закрался под ребра, в самую душу. Все внутри ее противилось происходящему.

Войко, которого она знала с детства, сейчас казался чужим и далеким. Он смотрел на нее так, будто это причиняло ему боль. Руслана хотела вырвать руки, отвести взгляд, но стерпела. Не противилась она и тогда, когда кто-то начал расплетать ее косу. По традиции оборачиваться было нельзя – за спиной рушился первый мостик к старой жизни. Оглянуться на него – значило рискнуть застрять между двумя этапами: невеста, но не жена.

Руслану потешила эта мысль. Хоть оборачивайся, хоть нет, для нее примета все равно сбудется. А оглянуться ой как хотелось...

Расплетать косу невесте должны были ее родители, что означало их добрую волю и благословение на брак. Затем ленту из волос невесты передавали родителям жениха, которой те перевязывали запястья нареченных.

Руслане нестерпимо хотелось прервать церемонию, признаться во всем отцу, извиниться перед матушкой. Но отец Войко уже приближался к центру хоровода, а разбушевавшийся ветер трепал распущенные волосы Русланы. Лишь венок из сердцевцветов чудом не слетал с головы.

Погода заметно ухудшилась. Зима злилась, швырялась снегом и носилась на колючем ветру, как на верном скакуне, задувая свечи, что танцевали в хороводе вместе с людьми. Руслана осмелилась верить, что ураган прервет обряд, свадьбу перенесут, и появится больше времени, чтобы придумать новый план. Может, все же есть способ сохранить честь и не сбе- гать?

Но вот алая лента легла в ладонь отца Войко, заструилась между пальцев в сверкающих перстнях. Песня о возлюбленных, одолевших Мороза, смолкла, и под ночным небом зародилась торжественная тишина.

«Сегодня невеста Войко, но никогда – его жена», – промелькнула тошнотворная мысль, когда «суженый» выпустил одну ладонь Русланы. Рука Войко была чужой, но теплой, а теперь мороз вгрызлся в кожу. Спрятать бы ладонь в рукаве кафтана, да нельзя. Некрас уже приблизился, чтобы перевязать лентой запястья жениха и невесты, даря свое благословение.

Как во сне, подчиняясь движению Войко, Руслана подняла руку, сцепленную с его. В память до мельчайшей крупинки вьелось, как отец Войко поднял ленту над их запястьями, как предательски красиво в свете свечей мерцал алый шелк. А потом все свечи мигом потухли.

Порыв ветра едва не сбил Руслану с ног. Такого сильного урагана она никогда не видела. Руслана не могла ни обернуться, чтобы найти взглядом родных, ни сдвинуться с места. Воздух превратился в тугой поток и бурной рекой хлынул на Хрусталь. Мощный, неукротимый, он разбил окна в соседних домах, захлопал распахнутыми дверьми.

Люди завопили, побросали затухшие свечи. Кто-то попытался убежать с открытого пространства огорода к домам, да только даже пары шагов сделать не смог. Ветер ослепил подброшенным в воздух снегом, сломил, заставив упасть на колени. Смелчаки, что остались стоять на месте, теперь цеплялись за тех, кто оказался рядом: родные, друзья или незнакомцы – без разницы. Казалось, если ни за что не ухватиться, то злодей-ветер унесет прочь, во мрак ночи.

Лицо Русланы стало влажным от растаявшего на коже снега, которым остервенело швырялся ветер. Страх и собственная беспомощность перед стихией стиснули легкие раскаленными щипцами. Все, что оставалось девушке, – это ждать, когда ветер стихнет, и прикрывать голову руками.

Новый порыв склонил Руслану к земле, точно она была хилой осинкой. Она упала на колени, кое-как раскидала снег и вцепилась в холодную почву ногтями. Руслана крепко зажмурилась, когда вокруг заплясал хоровод снежинок, что жалили не хуже крошечных осколков стекла. Танцующий с ветром снег превратился в плотную белоснежную завесу. Руслана перестала видеть даже собственные покрасневшие руки, которыми впивалась в заледеневшую землю.

– Матушка! Отец! – позвала она с щемящим сердцем, но ее голос потонул в криках других людей и вое ветра.

Она сделала новую попытку дозваться родных, но и та не увенчалась успехом. А затем все улеглось в один миг, будто и не было этого ужасного вихря. Ветер разом стих, и подброшенные в воздух снежинки вдруг зависли над землей, а затем медленно поплыли вниз.

Руслана пораженно осмотрела изумленную толпу. Десятки таких же удивленных, растрепанных и напуганных, как и она, людей озирались вокруг. Кто-то тоже искал своих близких, а кто-то жаждал понять, что произошло.

– Вихри! Бесы! – в сердцах выкрикнула мать Богданы. Подруга стояла рядом со своей семьей – бледная, ссутулившаяся, ни жива ни мертва. Ее шерстяной платок унесло ветром, и теперь она пряталась от холода в объятиях родителей. – Проклятые слуги Мороза!

– Нет, это не вихри! – вышел вперед отец Войко. – Это черти!

Единственным источником света осталась масляная лампа в окне дома Русланы, которую матушка забыла погасить. В ее слабом свете было видно, как Некрас дрожащей рукой указал на дорогу, змеящуюся в сторону леса.

Руслана сощурилась и с трудом разглядела тощих существ размером с кошку. В темноте и издалека увидеть больше было сложно, да и те быстро скакнули за сугроб и исчезли из виду.

– Это просто кошки, – успокоила напуганную толпу матушка. – Откуда здесь взяться прислугам колдунов?

– Такой ветер из ниоткуда не появится никогда! – Черные волосы отца Войко растрепались, и теперь мужчина походил на лохматого домового, который украл у хозяев дорогие кольца.

– Это вихри, их недавно видели на границе леса, – напомнил о недавних слухах Моймир, и Руслана облегченно выдохнула. С обоими родителями все хорошо, они не пострадали в урагане!

Народ зашептался, поддерживая городского охотника. Про вихрей слышали многие, но вот появление чертей пугало. Эти бесы никогда не ходят одни, всюду следуют за хозяином-колдуном. Из рассказов отца Руслана знала, что встречи с чародеями порой бывают тем еще испытанием...

– Вихри не похищают людей. В отличие от бесов.

Слова повисли в воздухе зловещим пророчеством. Руслана еще не поняла, что случилось, но сердце уже тревожно сжалось. Она, напуганная голубка с изломанными крыльями, чувствовала его тяжесть под ребрами. Опасность уже здесь, но упорхнуть от нее не выйдет.

– Войко пропал! Мой сын исчез! – Некрас схватился за голову и завыл страшнее, чем недавний ураган.

Взгляд заметался по толпе, пытаясь выхватить из десятков лиц одно – бледное и тонкое, как след луны на воде, с темными, как бархат ночи, глазами. Но все, что видела Руслана, – лишь таких же в недоумении озирающихся людей.

– Да с чего бы кому-то, тем более чертям, похищать Войко? – матушка встала рядом с Русланой, чуть закрывая дочь спиной.

«Не к добру. Что-то назревает», – догадалась она и вжала голову в плечи. Венок из сердцев цветов только теперь съехал на глаза, и Руслана одним порывистым движением сорвала его с себя. Даже ветер не унес! А так бы хотелось избавиться от этих проклятых цветов. Глаза б их не видели!

– На кой мальчишка колдунам? – смеясь, подхватил кто-то. – Скорее уж, он сам сбежал.

Холод окутал тело, и Руслана даже проверила – не распахнулся ли кафтан? Но все тесемки были на месте, а пояс туго затянут. Однако дрожь, закравшаяся под одежду, не утихала.

Неужели Войко и правда сбежал?..

Он ведь обещал дождаться решения Русланы! А сам... Ну конечно. То был обман, лишь бы недовольная невеста не привлекала лишнее внимание своим бунтом. Войко обхитрил Руслану, а сам улизнул при первой же возможности.

– Я тоже их видела, – смело выкрикнула незнакомая девушка. – Это не кошки были, а черти! На двух ногах бежали, востроголовые, а зубы острые, длинные, как...

– Что ты говоришь такое? – Бояна шумно охнула и сокрушенно всплеснула руками. – Не было в Хрустале бесов никогда! Откуда им теперь взяться?

Некрас вспыхнул, как сухое сено.

– Всем известно, откуда, – сквозь зубы процедил купец. Он нашел Руслану и впился в нее взглядом, точно когти зверя – в добычу. – Невеста-то у нас необычная.

Руслана нахмурилась недоуменно, неосознанно шагнула назад. Спинай она натолкнулась на кого-то, но даже вздрогнуть не успела. Отцовские руки защитной броней легли на плечи.

– Одумайся, Некрас, – над макушкой Русланы раздался голос Моймира. – Не говори то, о чем потом жалеть будешь.

Даже вьюга не пугала так, как это делала тишина, накрывшая заснеженную поляну. Каждый взгляд был обращен к Руслане, но лишь в родителях она не чувствовала подозрений или угрозы.

– Я не скажу ничего такого, о чем не знают остальные в Хрустале, – развел руками отец Войко. Он хотел шагнуть навстречу, но крепко увяз в снегу и чуть не упал.

В этот миг Руслана глянула на обернувшуюся мать, ища поддержки. Бояна поджала губы и сокрушенно качнула головой. Что это значит? Но размышлять над этим уже не осталось времени. Отряхнувшись от снега и выпрямившись, Некрас напомнил толпе:

– Руслана-то не хотела замуж за Войко. Мне доложили, как брыкалась лесная девка, когда ее в баню с моим сыном вели.

«Лесная девка».

Два слова, от которых у любой нежной девы задрожат коленки. Руслана же лишь тяжело сглотнула – в горле пересохло, будто вся влага из тела испарилась от чужой кипящей злобы.

– Глупости! – больше не смея молчать, Руслана выступила вперед.

Моймир и Бояна попытались ее остановить, вразумить и заставить молчать, но девушка стряхнула с себя родительские руки и еще громче произнесла:

– Вы едите мясо, которое добываем мы с отцом. Одеваетесь в меха пойманных нами животных. Можете не бояться хищников, что по границе леса ходят, – благодаря нам! А теперь смеете говорить, будто я служу Боровому?!

– Может, и не служишь, – снисходительно отмахнулся Некрас. Кольца с драгоценными камнями на его пальцах слабо блеснули, и Руслане захотелось затолкать их купцу поглубже в глотку. Лишь бы прекратил сеять лживые, грязные слухи, от которых ей будет не отмыться. – Но никакая другая девушка не ходит в лес так часто, как ты. А всем известно, что Хозяин леса любит себе дев в ученицы забирать.

– Я никогда не жила в лесу. Как бы он меня учил? Бежал бы за мной, пока по лесу иду? Или шептал на ухо, пока из засады целюсь в дичь? – Руслана хохотнула, надеясь, что ее веселье поддержат. Но никто даже не улыбнулся.

Народ, который еще недавно распевал свадебную песню, танцевал в хороводе вокруг Русланы, теперь сторонился ее. Все смотрели на неудавшуюся невесту с опаской, будто дочка охотника в один миг обратилась ведьмой.

– Не знаю, как он тебя научить успел, но, похоже, ты весьма способна. Лихо от моего сына избавилась! Только вот шестерки твои подвели – не успели спрятаться вовремя.

Руслану словно кочергой ударили по голове. Перед глазами поплыло, мысли разбрелись по сознанию непослушным стадом.

– Так вы считаете... Думаете, я эту вьюгу за Войко наслала?!

– Уходи с моего двора, Некрас! Тебе здесь больше не рады, – отец выступил вперед. Вместо него Руслану за плечи обняла матушка. Она что-то успокаивающе шептала на ухо, но Руслана не понимала ни слова. Они будто расслаивались на несвязные звуки и жужжали-жужжали злым осиным роем.

«Лесная девка», – гудело в голове, прожигая нутро клеймом.

– Да чтоб вы все знали! Войко сам сбежать хотел! – выкрикнула Руслана так громко, что горло засадило.

Некрас, который уже стоял у калитки, обернулся. В темноте первого зимнего вечера было не разглядеть его лица, но Руслана и так ощутила отвращение, которым пропитался морозный воздух.

– Врешь, ведьма! Мой сын бы никогда так не поступил. Это ты наколдовала ураган, чтобы сорвать обряд и избавиться от Войко!

Венок из сердцевидных цветов захрустел поломанными стеблями, когда Руслана сжала его в кулаке.

– У Войко есть возлюбленная. Они обменивались письмами, и он собирался бежать к ней. Даже звал меня с собой! Обещал, что купит лошадь.

– Гнусная ложь! – остатки терпения Некраса затухали, как пламя в горниле остывающей печи. – Пытаешься выгородить себя, спрятать колдовство, да не выйдет! Обещаю, Руслана, ты ответишь за содеянное зло, и никакие чары, никакой Боровой тебя от суда не спасут! Ты своей головой заплатишься за сына, которого у меня забрала!

– Ничего из этого не будет, Некрас, потому что я верну Войко быстрее, чем ты поднимешься в свой терем! Войко расскажет правду, и ты еще пожалеешь о сказанной лжи!

Некрас горько, с недоверием усмехнулся. Его рот зло скривился, но извергнуть проклятие убитый горем купец не успел.

– А ну пошли все отсюда!

Руслана даже не поняла, когда матушка успела сбегать в избу за веником. Теперь Бояна прогоняла им гостей, которые перестали быть желанными.

– Прочь! Пошли вон! – размахивала веником женщина. Самых настырных приходилось хлестать по спине, выдворяя.

Слышались причитания и презрительный шепот. Уходящие гости напоследок оглядывались, украдкой смотрели на Руслану и сбегали, будто крысы из горящего сарая.

– Лесная ведьма, – донеслось до девушки лживое прозвище.

Оно больно кольнуло, и в тот миг Руслана поняла – то, чего она боялась еще этим утром, и близко не сравнится с судьбой «ведьмы». Сбежать из дома больно, строить новую жизнь тяжело, но возможно. От опозоренной девушки могут отвернуться новые женихи, но не подруги. От лесной девки же воротить нос будут все.

Не поздно ли сбегать теперь? Или мерзкий слух шлейфом потянется за Русланой?

Нет. Она это так не оставит! Войко вернется в Хрусталь и за все ответит. Сам расскажет отцу про побег и девушку из другого поселения. Сам будет краснеть перед людьми, отмывая имя и честь Русланы от позора и клеветы!

– Руслана! – позвала матушка, но она уже исчезла за калиткой. Лишь венок из сердцевцветов, брошенный, алел на снегу.

Глава 3

По следу вьюги

Припорошенные снегом дома напоминали кошек, свернувшихся клубком под пушистым покрывалом. Ближе к сердцу Хрусталия они уютись совсем рядом друг к дружке, провожая Руслану темными глазами-окнами. Но чем дальше она бежала, тем просторнее становилось. Домики отодвигались друг от друга, огороды оказывались больше, а сугробы – глубже.

Здесь снег еще не успели притоптать, идти стало сложнее. Ни дороги, ни тропинки. Руслана была первой, кто в поздний вечер после вьюги отправился в путь по свежевывавшему снегу. Она шла к мельнице короткой дорогой, но Войко наверняка двигался по той, где легче было спрятаться.

Продираясь через сугробы, в которых увязала по колено, Руслана очень быстро вспотела. Нарядный кафтан был совсем неудобен и сковывал движения, а красные сапожки то и дело норовили остаться в снегу. Распущенные во время обряда волосы растрепались и липли к покрасневшему лицу.

Ни крохи не осталось от торжественности и красоты образа, как и не осталось в сердце ничего, кроме отчаяния.

– Руслана! – ветер принес голос отца. Похоже, он шел по ее следам. – Руслана, вернись!

Она прижалась к стволу голой яблони и осторожно оглянулась туда, где змеилась рыхлая дорожка ее следов. Отец вышел из тени чужой избы, тяжело дыша и одной рукой придерживая меховую шапку. С беспокойной душой наблюдала Руслана, как отец пытается бежать, да только, утопая в сугробах, падает, но вновь встает и делает очередную попытку нагнать бег–лянку.

Сердце обливалось кровью в нестерпимой жалости к отцу. Ни к чему от него убежать. Лучше выйти, признаться во всем и попросить помощи. Если отец поверит, что Войко сбежал, может, они вместе его найдут?

Руслана поджала губы, тяжело вздохнула... Как вдруг услышала писклявый смех, будто комар где-то рядом летал. Легко определив,

откуда исходит звук, Руслана опустила глаза к корням яблони, укрытым снегом.

Крохотный, с ладонь Русланы, пузатый мужичок, одетый в зипун из хвои и жухлой листвы, чуть не помирал со смеху. Он держался за дрожащий от хохота живот и сгибался едва ли не пополам, почти касаясь морщинистым лбом своих босых ног. Волосы его были посеребрены то ли сединой, то ли морозом, а в идеально черных, без белков и радужки глазах, как в зеркале, отражалась сама Руслана.

Она оглянулась на лес, что стеной стоял совсем рядом с границей Хрусталя. Ауки редко выбирались из чащи, но и ничего удивительного во встрече здесь, на тихой окраине, не было. Наверняка дух последовал за ветром, который часто помогал аукам в их хитрой магии. Вот и оказался в городе.

– Охотница сама вот-вот станет добычей, – осклабился аука, наблюдая за растерянной девушкой. – Эхо в городе громко поет, хоть и не так красиво, как в лесу.

Среди всех обитателей леса ауки были едва ли не самыми вредными и противными. Шутки ради они путали путников, заводили в чащу и мучили, сводя с ума эхом несуществующих спасателей. Когда заблудившийся совсем отчаивался, ауки предлагали заключить сделку – они выводили беднягу из леса, но просили что-то взамен. Обычно они, редкостные сладкоежки, выпрашивали яства, каких в чаще не сыскать: пирожки с вареньем, леденцы, левашки...

Однажды и Руслана оказалась жертвой пронырливых духов. Это было очень давно, когда еще она не заплетала кос. Моймир тогда только начал брать ее с собой в лес, но по глупости оставил ненадолго одну на опушке, а сам пошел проверить силки. Тогда-то ауки голосом отца и заманили девочку в чащу и водили там почти до вечера.

Может, водили бы и дольше, если бы Моймир не догадался, что случилось. Из ближайшей к лесу купеческой лавочки он принес в чащу целую корзинку свежей яблочной пастилы, на сладкий аромат которой сбежалось с десятков аук.

– Получите все, когда вернете мою дочь! – пригрозил Моймир духам, и те мигом исчезли, чтобы уже к закату вернуться вместе с Русланой.

После этого случая она частенько видела аук, но больше на их хитрости не велась. Некоторых даже запомнила и научилась отличать

друг от друга по одежде из листвы, по цветам, вплетенным в лохматые волосы, по крючковатым, вздернутым или напоминающим картошку носам. Но вот глаза у аук всегда были одинаковыми – безусловно черными и пугаю– щими.

Ауку, что смеялся над ней, топча босыми ногами свежий снег, Руслана не помнила. Зато дух ее, похоже, хорошо знал.

– Бедная невеста! Жених исчез, а вместо поддержки – обвинения в колдовстве!

– Откуда ты знаешь? – шепотом спросила Руслана и украдкой выглянула из-за яблони. Отец уверенно шел по ее следу. Сейчас обогнет чужой огород и как раз окажется перед деревьями, за одним из которых прячется Руслана.

– Говорю же, эхо красиво поет, а ветер эту песню далеко разносит, – улыбнулся аука так, будто собирался съесть Руслану.

– Ты пришел, чтобы мне помочь?

– Помочь, – фыркнул дух и, прикрыв ониковые глаза, покачал лохматой головой. – Заключить сделку! Услуга за услугу.

Ну да. Как Руслана могла быть так наивна? Моймир не раз говорил, что лишь сделкой или обманом можно добиться от духов чего-либо.

– Ты хочешь подсказать, куда пошел Войко? Он не к конюшне направился?

Аука вздернул нос, и глаза его заговорщически блеснули. Он не сказал ни слова, но Руслана и так догадалась: сначала сделка, все остальное – потом.

Она снова выглянула из-за дерева. Моймир был совсем уж близко. Еще чуть-чуть, и он услышит разговор Русланы и ауки. Отцу не понравится, что она связалась с духом... Моймир всегда говорил, что они хуже бесов. Отец прогонит ауку, а вместе с ним, возможно, избавится и от следа Войко.

– Будет тебе сделка! Только помоги отца обхитрить. Подскажи ему неверную дорогу, чтобы меня сейчас не нашел.

Аука хитро потер ладони. Затем встал на цыпочки, ухватился за кончик пальца Русланы в подобии рукопожатия. Вот и скрепили сделку, а Руслана даже и понять ничего не успела!..

– Ау! Ау! – голосом Русланы закричал дух, и кожа покрылась холодными мурашками. – Отец! Я здесь!

Аука стоял перед Русланой, кричал, прижав ладони ко рту, что был не больше шляпки маленького опенка, а звук исходил будто вовсе не от него. Он лился из противоположной стороны. Оттуда, откуда Руслана пришла.

Присев на корточки, чтобы слиться с тенью, Руслана следила за отцом. Услышав поддельный голос дочери, он остановился всего на миг, а потом с новыми силами бросился в обратную сторону. Когда он совсем растворился в тенях улицы, бегущей в центр Хрусталя, Руслана осела на снег и выдохнула с облегчением напололам со стыдом.

– Готово, – аука отряхнул руки так, будто только что перетаскал гору мешков с пшеном. – За твоей услугой вернусь, когда настанет время.

– Что? Погоди!

Руслана вскочила на ноги, ухватившись за ствол яблони. Та совсем чуть-чуть качнулась, но с веток густым серебряным звездопадом полетел снег. В нем-то аука и растворился, как дым в небе.

– А как же Войко? Куда он пошел? Ты говорил, что расскажешь! Услуга за услугу! – выкрикнула Руслана в ночь, уже не боясь, что отец услышит. Моймир, обманутый аукой, ушел.

Руслана осталась наедине со своей глупостью.

«Услуга за услугу», – повторила она мысленно и горько усмехнулась. Она использовала свой шанс на помощь духа, когда попросила прогнать отца. И даже не эта ошибка – самое страшное. Хуже всего, что аука не потребовал плату сразу.

Пронырливому духу не захотелось ни пирогов, ни цукатов. А туманное «когда настанет время» не успокаивало встревоженное сердце. Что потребует аука за лживую сделку?

«Не лживую, – поправила себя Руслана. – Это я сглупила, попросила, не подумав. А платить все равно придется».

Про сорванные сделки с духами и чародеями Руслана была наслышана. Жуткие рассказы о том, как провинившихся утаскивали в лес или проклинали так, что смерть казалась лучшим исходом, она, как и многие, впитала с молоком матери.

Духов и колдунов остерегались. Многие из них хоть и жили бок о бок с людьми, но всегда воспринимались как гости из другого мира, опасного и пугающего. Гневать их так же чревато, как и доверять им.

Духи часто прячутся, но они есть в каждой избе, в запруде, на сеновале, в полях и даже в печном пламени. Они живут своей жизнью, а люди – своей, однако не забывая задабривать незаметных соседей. Домовые помогают понравившимся хозяйкам или пакостят грубым и злым. Болотяники заводят рыбу в сети или дырявят их, кудельницы охраняют рожь в полях и прогоняют от посевов детей, мокоши ночами прядут оставленные кудели...

Привыкнув к людям так же, как те привыкли к домашним духам, они давно перестали усложнять соседям жизнь. Лишь разгневанные или раззадоренные человеческими ошибками и слабостями, они могут навредить. Так полудницы насылают головные боли на тех, кто работает в жгучий полдень, а анчутки зло шутят над каждым, кто по неосторожности призы– ваает их.

Но духи, живущие вдали от человека, – другие. Они чаще показываются людям. Они хитрее, злее. И почти всегда голодны.

Зябко поевшись, Руслана продолжила свой путь. Отец ушел, аука исчез, а Войко сам ни за что не вернется.

Руслана помнила, что Войко говорил о конюшне у мельницы. Он предлагал взять лошадей там и бежать вместе. И пусть «вместе» растворилось, как снежинки на ладони, Руслана надеялась, что хотя бы в чем-то Войко ей не лгал.

Идти до мельницы было еще далеко, хоть отсюда уже и виднелся подступивший к границе Хрусталя лес. Даже если Руслана будет бежать без остановок, до конюшни доберется тогда же, когда луна достигнет высочайшей точки небосклона.

Она на ходу посмотрела на свои покрасневшие руки, на промокшие до нитки сапоги на каблучках. Такая обувь предназначалась украшать, но никак не греть. Из-под распахнутого кафтана виднелся подол поневы, блестящий от налипших на бело-красную ткань снежинок.

Нет, Руслана не доберется до конюшни даже к утру. Она устала и продрогла. На своих двоих она дойдет лишь до простуды, от которой надолго сляжет... Нужно согреться. Может, найти, во что переодеться. Или хотя бы перевести дух.

Руслана огляделась. Вокруг были лишь избы, что неприветливо смотрели на нее черными пустыми окнами. Проситься погреться ни в одну из них она не желала. В воспоминаниях еще слишком отчетливо

звучал полный презрения шепот, сотканный из множества голосов: «Лесная девка».

Она передернула плечами, точно стряхивая с себя обвинения. Если будет мяться и топтаться на месте, то так и останется в глазах горожан ведьмой и помощницей Борового!

Уже было шагнув в сторону одного из приземистых домов, Руслана обернулась, пряча лицо от ветра. Взгляд притянула остроконечная крыша деревянной башни, выглядывавшая из-за верхушек невысоких елей. Ее пик тянулся к звездам, точно слясь коснуться одной из них. На сторожевой вышке, казалось, никого не было, но по нижнему краю крыши-шатра гуляли тени.

«Там есть огонь!» – мысль толкнула в сторону башни, и Руслана уверенно последовала за ней.

Вынырнув из сугроба, в котором тонули ели, она оказалась у перекрестка. Дороги были заметены, но не так сильно, как в центре Хрусталя, откуда Руслана и пришла. Идти стало легче, и Руслана быстро добралась до массивных дверей бревенчатой пристройки. Когда девушка толкнула их, в лицо дыхнули тепло и терпкий запах сена и овса.

Конюшня!? Да еще и людей не видно...

Руслана юркнула за дверь, прижалась к ней спиной и оценивающе посмотрела на коня, который из своего стойла так же пристально глядел на Руслану. Тепло укутало, точно шаль. Окоченевшие руки закололо от разогревшейся в предвкушении крови.

– Здравствуй, – Руслана неуверенно шагнула к коню. Тот дернул ухом и чуть качнул головой, будто говоря: «Я тебя слушаю. Чего хотела?»

Руслана приблизилась еще на шаг и медленно подняла руку. Она не знала, чего ожидать от незнакомого животного. Вдруг конь с характером и не позволит себя даже тронуть? На такой случай, будто специально для Русланы, в стойле у противоположной стены была еще кобыла. Та, похоже, дремала, опустив голову.

– Прокатимся до мельницы? – еще шаг. Кончики дрожащих пальцев почти коснулись блестящей в свете пламенников темной шерсти над носом коня.

Конь фыркнул и отвернулся, точно спрятался от Русланы за черной гривой.

– Ну нет у меня для тебя угощения, чего злиться-то сразу?

Но конь уже потерял всякий интерес к гостье, что явилась с пустыми руками. Он с большим интересом топтал сено, всем видом демонстрируя обиду.

Руслана хмыкнула, сдула с лица темную прядь и уперла кулаки в бока. По-хорошему не получилось. Будем по-плохому. Чудо, что Руслана заметила сторожевую башню, и еще большее везение, что здесь оказались лошади. Уходить сейчас, ничего не получив, нельзя – промокшая, продрогшая Руслана сама Войко ни за что не найдет в таком состоянии. Искать хозяев этих коней, чтобы попросить на вечер кобылу, – тоже пустое. Никто в здравом уме не одолжит коня незнакомке, которую к тому же кличут ведьмой. А посему и спрашивать нет смысла.

– Я не краду тебя, – успокаивающе шептала Руслана, подбираясь к гнедому коню, – просто прокачусь до мельницы, найду кое-кого и верну тебя хозяевам. Кто знает, может, они даже не заметят ничего?

Приговаривая это, Руслана подобралась к деревянной перекладине стойла. Там висели седло, кожаные подпруги, поводья и уздечка. У Русланы никогда не было своего коня, но она не раз видела, как снаряжал лошадь Моймир. Это было давно, когда еще отец ездил в лес один. Потом Снежинку заели волки, и в их доме лошадей больше не появлялось.

Руслана мысленно дала себе один шанс надеть все это на упрямое животное, заранее зная, что попытка будет неудачной. Без особого рвения она взяла поводья и глупо уставилась на них. Как там делал Моймир?

– Отойди от Князя.

Голос тихий, но пробирающий до самых костей, был похож на звук, с каким клинок выскальзывает из ножен. Не выпуская из рук бесполезные поводья, Руслана медленно обернулась.

Злые зеленые глаза горели ярче, чем огонь в пламенниках. Держа одну ладонь на рукояти меча, спрятанного в ножны, незнакомый юноша настороженно следил за Русланой.

– Воровка или бродяжка? – едва шевеля плотно сжатыми губами, спросил парень. Напряженный до кончиков пальцев, лежащих на железной рукояти, он в любой момент мог напасть на незваную гостью.

Руслана бросила поводья на сено и на миг застыла в ступоре. Бежать некуда, да и сопротивляться не выйдет. Парень явно не из простых: юноша чуть оголил клинок, ровно настолько, чтобы Руслана увидела гравировку – сокола, расправившего крылья на фоне солнца. Княжеский знак.

Еще совсем недавно Руслана стучала зубами от холода, но теперь ощущала себя так, будто ее прямо в кафтане швырнули в печь. Она собиралась украсть коня у дозорного Бирянского княжества.

– Я не воровка, – противореча своим же мыслям, сказала Руслана, и голос предательски дрогнул.

– И именно поэтому стояла с моими поводьями рядом с моим Князем? – подловил парень, и строгая линия плотно сжатых губ на миг выгнулась в слабую ухмылку. – Лгунья из тебя никчемная.

– Я говорю чистую правду! – Будто в порыве эмоций Руслана метнулась вперед. На самом же деле она стремилась встать поближе к дверям. Вдруг повезет улизнуть?

Дозорный тут же оголил меч и направил острие прямо в грудь Русланы. Блик вспыхнул на кончике клинка, как вспыхнули гневом распахнутые зеленые глаза.

– А ну стой на месте! – процедил парень, и его тонкое лицо помрачнело еще сильнее.

В этот миг Руслане подумалось, что, умей люди принимать облик животных, ее новый знакомый был бы коршуном. Такой же пристальный взгляд, цепко следящий за добычей. Нечитаемый, холодный, но таящий в себе угрозу. У парня был выдающийся нос с небольшой горбинкой – точь-в-точь крючковатый острый клюв. А еще его светлые волосы, собранные сзади в неопрятный пучок, напоминали вздыбленные перья.

– Врунья. Посмотрим, как запоешь, когда твой отрезанный язык украсит въезд на ярмарку.

– Не тебе решать, что мне отрезать, а что пришить! – Руслана расправила плечи и ладонью отвела клинок от своей груди. – Дозорный, а возгордился собой, точно в личные охранники князя Ивада заделался!

Юноша даже не дрогнул, хотя Руслане казалось, что ее слова должны были прозвучать очень колко. Что же, похоже, его слабое место точно не гордость.

– В общем, без суда ты меня и пальцем не тронешь, – уже не так звонко добавила она. – Это лишь палачам дозволено.

На этот раз ее угнетатель довольно хмыкнул. От этого резкого, грубого, как старая древесина, звука сердце обратилось в клубок и скатилось куда-то в пятки.

– А вот тут ты не права. Видишь знак? – молодой воин поднял меч повыше, и взгляд невольно вновь скользнул по гравировке с княжеским символом. – Это означает, что я, неся службу, исполняю волю государя. Сам могу решать, что делать с мелкими преступниками вроде тебя.

– Так нельзя. – Руслана снова отвела меч юноши, как ветку, что мешала пройти по лесной тропе. – А как же суд?

– Думаешь, князь да бояре будут собираться ради такой глупости, где все и так очевидно? Ха! Да я хоть здесь вынесу тебе приговор и исполню его!

– И даже не выслушаешь меня? – она хотела сказать это с упреком, но напускная стойкость лопнула, как глиняный горшок. Наружу полился страх вперемишку с обидой.

Несправедливо. Больно. Некрас и так обещает расправу за злое колдовство, которого Руслана не вершила. Теперь ее еще и в воровстве обвиняют! И если праведные костры отца Войко пока еще – туманные угрозы, то вот меч дозорного вполне себе реален.

Но воин вдруг опустил клинок. Упер острие в землю между носами своих сапог, сложил ладони вверх друг друга на рукояти и вымученно вздохнул:

– Выслушаю.

Это слово прозвучало тихо и с такой неохотой, словно из парня его тянули раскаленными клещами. Однако даже это внушило Руслане слабую надежду уйти из конюшни целой и невредимой.

– Но предупреждаю, – снова посуровел юноша, когда лицо Русланы просияло, – попробуешь обмануть – отрежу волосы. Начнешь врать вновь – распрощаешься с пальцами. Уяснила?

Руслана неосознанно коснулась темных прядей, погасила неуместную улыбку и кивнула.

– Я не вру. Я не собиралась красть коня, лишь одолжить.

Парень недовольно поджал губы и вздохнул так тяжело и шумно, будто в его легких поселился сам ветер.

– погоди! Позволь рассказать все до конца! – Руслана вскинула ладони в успокаивающем жесте. Дозорный неохотно кивнул, и лишь тогда девушка продолжила: – Мне срочно нужно найти кое-кого.

– Ради «кое-кого» коней не крадут, – холодно заметил воин, и Руслана скривилась.

– Жениха, – выдавила она тихо, – я ищу своего жениха.

Только теперь дозорный по-настоящему взглянул на Руслану. Лишь сейчас, кажется, он заметил и нарядный кафтан с вышивкой, и сапожки на каблучке, и бусы из красных агатов. Взгляд парня прояснился, и на какой-то миг в луговой зелени промелькнула короткая искра. Кусочки правды сложились в его голове, поняла Руслана, и напряжение чуть спало.

– Так это ты сегодня собрала сердцеветы?

– Увы, – развела руками Руслана, чем заслужила недоумение парня. – Не смотри на меня так! Я не хотела замуж. И уж тем более за Войко.

– И тем не менее бежишь его искать, не гнушаясь воровства. Так что же это? Вранье или лицемерие?

Едва Руслана открыла рот, чтобы оправдаться, как с улицы донеслось:

– Зоран! Ну что там?

Дозорный, который пытал Руслану, раздраженно щелкнул языком.

– Зо-оран! – снова разнеслось откуда-то сверху. Руслана догадалась, что звали со сторожевой башни. – Ты там уснул или что-то случилось?

– Стой здесь, – буркнул дозорный, как оказалось, по имени Зоран. Он даже не глянул на Руслану и выскочил на улицу. Ей показалось, что кончики ушей юноши алели так же ярко, как сердцеветы сегодня утром на ее окне.

Князь фыркнул и заржал, будто насмехаясь над Русланой. Она посмотрела на скакуна так, словно собиралась прямо сейчас состричь его гриву чисто из вредности.

– Что, доволен, да? – привалившись плечом к одной из сосновых балок, проскрипела Руслана. – Хозяин спас, ну конечно...

Князь уткнулся мордой в сено, а затем резко мотнул головой. Высушенные стебли полетели прямо в Руслану, и она окончательно уверилась в том, что конь над ней издевается.

Руслана слышала, как Зоран разговаривает с кем-то по имени Ратко. Голос у второго собеседника был взрослый, низкий и звучал будто издалека.

«Со сторожевой вышки», – догадалась девушка.

Ничего интересного в разговоре Зорана и Ратко не оказалось. Дозорный даже не рассказал своему напарнику, что нашел в небольшой конюшне воровку. Руслана это посчитала хорошим знаком, а потому не испугалась делано недовольного взгляда Зорана, когда тот вернулся к стойлу.

– Даже не пыталась сбежать? – изумился он, когда нашел Руслану на том же месте. – Неожиданно.

– У меня не ладится с побегими, – воспоминание о предателе Войко плугом прошло по душе. – К тому же сбегают обычно от меня.

Глаза Зорана округлись в удивлении. У зрчка, утопая в сочной зелени, в свете огня замерцали карие вкрапления – крошки ржаного хлеба, разбросанные в траве.

– Рассказывай. – Зоран тоже привалился спиной к балке, той, что была в нескольких локтях от Рус– ланы.

Она с облегчением и тайной радостью отметила, что меч Зоран убрал. Оружие спало в ножнах. Но вот бдительность дозорного – ни за что. Пусть его тело казалось расслабленным, Руслана понимала, что в любой момент Зоран может заставить ее пожалеть о проявленной наивности.

Зоран откинул черный мятль с плеча за спину, скрестил руки на груди и выжидающе уставился на Руслану. Никому из них не хотелось терять время даром: Зорана ждали напарник и служба, а Руслану – поиски Войко. И чем дольше она тянула, тем призрачнее становилась надежда поймать беглеца.

– Если я не найду сбежавшего жениха, меня будут судить за ведьмовство. Но я не колдунья!

Когда самые тяжелые слова сорвались с губ, с плеч точно гора свалилась. Руслане впервые за этот день дышалось так легко и свободно.

Она коротко рассказала обо всем, что случилось. Проклятая Крашняна обернулась кошмаром! Руслана поделилась, как ее и Войко силой заперли в бане, где «нареченный» и выложил всю правду. Она не

утаила, что Войко предлагал бежать вместе, но обещание дождаться решения Русланы не исполнил.

– А потом этот хоровод во время обряда благословения и вьюга. Вот Войко и решил, поди, что это хороший шанс улизнуть. Если не единственный...

Зоран слушал внимательно, но взгляд его почти все время был устремлен к носкам сапог или рукавам кожуха. Лишь пару раз он взглянул на Руслану, и было в этом что-то уязвленное и едва уловимое, что девушка даже сбивалась, терялась в словах.

Он ее жалеет?!

«Изучает», – все же решила Руслана, когда взгляд Зорана вновь ощупал ее лицо, а затем сполз к ладоням.

– У тебя мозоли на пальцах.

Это были совсем не те слова, что Руслана ожидала услышать в ответ на ее исповедь. Она на свой страх и риск призналась, что ее считают ведьмой, а единственное, что интересует Зорана, – это ее руки?

– У многих в Хрустале мозолистые ладони. Простой люд не боится работы. Не то что бояре. – Руслана гордо задрала нос, но руки за спину все же спрятала.

– Но не у всех мозоли там же, где у тебя. Почти на кончиках пальцев правой руки.

Руслана не понимала, к чему клонит Зоран, а потому в душу закралась мерзкая тревога. Она сочилась по венам так, будто паук тянул тончайшую нить. Каждый взгляд Зорана, который Руслана не могла прочесть, заставлял эту нить дрожать. И вместе с ней дрожала и Руслана.

– Ты лучница, – Зоран победно улыбнулся, нисколько не сомневаясь в своей правоте. Его самоуверенность поразила Руслану куда сильнее попавшей в яблочко догадки.

– И что с того? Не понимаю, к чему ты все это?..

– Просто думаю, будет ли толк брать тебя с собой на поиски... Как ты там назвала своего жениха? А! Войко!

– Конечно, будет толк! Ты ведь даже не знаешь, как он выглядит!

– Разберусь, – отмахнулся Зоран. – Главное, чтобы ты обузой не была. Умеешь ездить верхом, Лучница?

Руслана замялась всего на миг, но Зоран все понял. На ее звонкое «Конечно!» он лишь качнул головой:

– И как же ты добираться до леса, Лучница? Неужели пешком?

– И что с того? – Щеки вспыхнули от неуместного стыда, и это еще больше подстегнуло Руслану. – Тут недалеко вообще-то. К тому же, как охотиться, когда кобыла всю дичь своим ржанием распугивает?

– Вот ведь дуреха, – совсем не слушая, как Руслана распинается, Зоран устало потер лоб, заодно убирая с бровей крошечные капельки, что оставили после себя растаявшие снежинки. – Зачем коня красть собиралась, если ездить не умеешь?

– Да не собиралась я его красть! – Руслана топнула ногой и охнула. Ощущение, что она проваливается куда-то, было таким внезапным, что девушка не удержала равновесие.

Она упала прямо к ногам невозмутимого Зорана, а тот лишь наклонился, заглянул в потрясенное лицо Русланы и строго спросил:

– Раз не собиралась красть, то почему не пошла искать хозяев коней?

– Долго, – буркнула Руслана коротко и, прежде чем попытаться встать, посмотрела на свои сапоги. На той ноге, которой она топнула, отломился каблук.

Она раздосадованно застонала, глядя на каблук, сиротливо валяющийся на земле. Зоран, судя по уставшему взгляду и морщинке, залегшей между бровей, был близок к тому, чтобы сетовать в один голос с Русланой. Однако он оказался куда сдержанней – дозорный опустил на корточки и попросил:

– Подними ногу. Гляну сапог. Может, что-то и придумаем.

В другой ситуации Руслана бы отказалась – не должно девушке, почти замужней, между прочим, ноги да юбки перед парнями задирать. Но вот замужество, хоть и нежеланное, ей уже не грозило, да и охоты мяться да пререкаться не было. Решить бы уже все поскорее и галопом за Войко...

Зоран аккуратно поймал ее щиколотку, поднял чуть выше земли, чтобы юбка не задралась. Руслана взволнованно стучала пальцами по бедру, но молчала, не смея мешать.

Вдруг дверь в конюшню распахнулась, и вместе со снегом внутрь влетел мужчина. Он был одет в такой же кожан, что и Зоран, и на поясе

висел меч с уже знакомой рукоятью. Его темные кудри и усы были припорошены снегом, как и плечи, укрытые темным мятлем.

– Вот ты где, Зоран! Ох...

Ратко замер, заметив Руслану. Точно так же замерла, сидя на сене, и она сама, и Зоран, который все еще держал девушку за лодыжку. Они втроем будто обратились в ледяные скульптуры. Но всего на миг.

– Черт веревочный, – стягивая меховую шапку, шепнул Ратко. – Кто ж баб в сторожевую вышку во время дозора водит?!

– Не дури, Ратко! Она сама пришла!

– А я думаю, куда напарник делся? А он... Он тут!..

Взгляд Ратко прыгал от Зорана к Руслане. Он совсем не слушал парня, приговаривая:

– То-то ты слишком уж долго «чистил Князя»! Тут не Князь, а...

– Руслана я, – подсказала девушка и, воспользовавшись привлеченным вниманием, стянула с ноги сапог и подняла его так, чтобы Ратко увидел подошву. – От меня сбежал жених. Чтобы догнать его, я хотела украсть у вас коня, но случайно сломала каблук. Зоран просто мне помогал.

– Зоран помогал тебе красть коня? – опешил Ратко. Его широко распахнутые глаза переметнулись на Зорана.

Тот стоял бледнее полуночницы. От изумления он, похоже, проглотил язык, но то было Руслане только на руку. Ведь так Зоран не мог сказать: «Так ты все-таки и правда собиралась его украсть?»

– Он помогал мне починить обувь. В таких сапогах далеко не ускачешь, а если опоздаю... Сами знаете, что бывает с невестами, которых бросили на полпути от Крашняны до венчания.

Она сказала это так жалобно, так мягко, что морщины, продавленные на лице Ратко возмущением, разгладились. Взгляд его смягчился, когда старший дозорный поделился:

– Знаю. У меня дочка твоего возраста. Если бы она оказалась на твоём месте, я бы сам беглеца нашел да шею ему свернул.

Жестокие слова не напугали Руслану, но заставили вспомнить об отце. Думает ли Моймир так же, как и Ратко? Наверняка. И не кинься Руслана в ночь искать Войко, это тут же бы сделал отец.

– Сапоги, к слову, починить не смогу, – почесал светловолосый затылок Зоран.

– Что-то сложное? – Руслана задумчиво повертела в пальцах обломок каблука.

Вместо Зорана ответил Ратко:

– Он не умеет. Этот баламошка даже дырку заштопать не сможет. А ты на обувь замахнулась...

Руслана вскинула бровь и с укоризной посмотрела на своего неудавшегося помощника. Почему сразу не сказал? Но Зоран старательно избегал встречаться с ней взглядами.

– Есть что-нибудь, во что можно переодеться? – спросил он Ратко. – В таком виде с ней тяжело будет возиться.

– А не надо со мной возиться! Просто одолжите коня, я сама разберусь!

Зоран встал перед Ратко, заслонив Руслану.

– Она не ездит верхом. Так что я поеду с ней, – он свел на нет ее план. – Но одежда все равно нужна.

Ратко через плечо Зорана глянул на Руслану, беззащитно сидевшую на сене – как птенец, который еще не научился летать и ждет чьей-то помощи. Ратко коротко кивнул, шепнул что-то про божедуров и ушел.

Оставшись наедине с Зораном, Руслана встала и кое-как осталась стоять на ногах. В сапогах разной высоты она ощущала себя скрюченным уродцем с конечностями разной длины.

– Я и одна справлюсь. Доеду как-нибудь до мельницы и вернусь. От твоего присутствия я ездить лучше не стану.

– Не станешь. Поэтому и вози тебя буду я. Так для всех безопаснее.

Уговорить Зорана отпустить Руслану одну с конем было пустой затеей. Он наотрез отказался даже слушать об этом, как и о другом плане – взять двух коней.

– Чтобы ты угробила и себя, и Лучика? Нет, – строго припечатал Зоран. – Ты либо остаешься здесь, пока я сам съезжу к мельнице, либо едешь со мной на Князе.

Им обоим не нравился второй вариант, но остальные не устраивали либо Руслану, либо Зорана еще больше. Поэтому, после того, как Руслана сменила легкий кафтан на принесенный Ратко поношенный, но теплый тулуп, в котором она утонула, а красные сапожки – на грубые и слегка большие, зато сухие и не сломанные, ей

пришлось выполнить условие Зорана. Он скоро подготовил Князя к дороге и помог Руслане забраться на хребет скакуна.

– Как же ты одна ехать собиралась? – покачал головой Ратко, наблюдая за тем, как судорожно Руслана пыталась поймать равновесие. – Свалилась бы в сугроб, и все тут.

– Или копытом в лоб, – подкинул дров Зоран и запрыгнул в седло, сев позади Русланы.

Она не стала спорить. Сама видела, как жалко держится на коне: хватается за гриву, сжимая ее в кулаки, вся съежилась и боится шелохнуться.

– Спасибо, – пролепетала она.

– Впервые вижу девку, которую хаешь, а она благодарит, – усмехнулся в усы Ратко.

Зоран тоже хохотнул. Он сидел настолько рядом, что Руслана спиной ощутила, как дрогнула его грудь. Его тепло грело даже через толстый тулуп. Еще никому из парней Руслана не позволяла находиться столь близко. И пусть их тела разделяли слои одежды, но от того, как им пришлось прижаться друг к другу, горели щеки и уши. Руслана обрадовалась, что Зоран не видит ее лица, а уши закрывает шапка, которую принес Ратко.

Зоран чуть подстегнул Князя, и тот двинулся к выходу из конюшни. Ратко поспешил открыть двери. Князь шел небыстро, но уже сейчас Руслану накрыла паника. Она никогда не ездила верхом. На что рассчитывала, надеясь уехать одной? Сейчас она не падала лишь благодаря Зорану. Его руки, что расположились по обе стороны от плеч, не давали свалиться и были будто защитное кольцо.

– Да хранит вас мать сыра земля, – пожелал Ратко перед тем, как Князь, едва выйдя в зимнюю ночь, сорвался на галоп.

Глава 4

Байстрюк

Разбуженный конюх встретил дозорного и его спутницу с недоумением:

– Здесь никого не было, – зевнул паренек, потирая слипшиеся после сна глаза. – Я бы заметил этого вашего...

– Войко, – подсказала Руслана нетерпеливо.

– Его самого, ага, – лениво моргнул конюх.

Зоран внимательным взглядом обвел конюшню. В полутемном помещении его глаза будто светились, отражая отблески огня, что плясал на фитиле свечи в руках мальчишки.

– Пересчитай коней, – сухо, но жестко приказал Зоран.

Остатки сонливости стекли с конюха, как белила с лица красавицы. Он протер кулаком глаза, оглянулся на стойла, а затем виновато выдавил:

– Я не умею считать.

Руслана шумно выдохнула и поправила шапку из лисьего меха, которая съехала на глаза. Зоран же не изменился в лице и спросил:

– Но ты ведь помнишь всех лошадей, так? – Когда паренек в протертом зипуне кивнул, Зоран попросил: – Тогда иди и проверь, все ли животные на месте.

Мальчик умчался к дальним стойлам, унося с собой огонек свечи. В тающем свете взгляд Зорана, провожающий конюха, стал жестче, а черты его лица, наоборот, перестали казаться такими острыми. Лишь нос с горбинкой явственно выделялся в полумраке.

– Думаешь, Войко украл коня? – переминаясь с ноги на ногу, спросила Руслана.

– Два сапога пара, – едва слышно шепнул Зоран, заставив Руслану возмущенно скрестить руки на груди.

Шапка с отворотами снова опустилась ниже бровей, из-за чего Руслана казалась насупившимся ребенком.

– Не пара мы, – устало напомнила девушка. – И ищу я Войко вовсе не по зову сердца, а чтобы свою честь сберечь.

– Думаешь, что-то изменится, когда ты его найдешь? Или ты готова выйти за него, лишь бы не быть опозоренной?..

Руслане показалось, что в словах Зорана сквозило разочарование. Но она отмахнулась от этой мысли. Ей ни к чему ни его жалость, ни осуждение.

– Меня хотя бы не будут судить, как ведьму, и не придется опозоренной бежать из Хрустала, оставив и дом родной, и друзей. Да и жениться необязательно. Мы что-нибудь придумаем.

Зоран улыбнулся, но не весело, а как-то обреченно. Так в лицо пугающей судьбе улыбаются те, у кого уже нет иной дороги. Он ничего не сказал, оставив Руслану наедине с ее решением.

Неужто считает, что избежать позора поможет лишь брак с Войко?

Конюх промчался мимо них. Голова его вертелась туда-сюда, пока парнишка заглядывал в каждое стойло.

– Все на месте! – бодро оповестил он, и сердце Русланы упало. Неужели и в этом ее Войко вокруг пальца обвел?

– Благодарим тебя, – Зоран склонил голову в остроконечной шапке с отворотами. – Но у нас еще одна просьба есть.

Конюх вытянулся в струнку, готовый внимать княжескому слуге. Руслана же вопросительно покосилась на Зорона. Что он задумал?

– Позволь нам переночевать в конюшне на случай, если тот, кого ищем, придет, но позже? Мы тревожить тебя не станем.

Мальчишка, даже не дослушав, закивал так резко, что Руслане показалось – еще немного, и голова оторвется и клубком покатится в стог сена.

– Конечно, господин, – пролепетал мальчуган, глядя в землю. Оставил свечу на ящике и скрылся за дубовыми дверьми.

Зоран завел Князя с улицы в пустующее стойло, а сам прошел к стене, у которой пушистым холмом лежало сено. Стянул шапку и опустился на подушку из сухих стеблей. Он неотрывно смотрел на Князя, который задремал, едва оказавшись в стойле. В его черной гриве еще путались снежинки.

Неизвестно, сколько времени они проведут тут, выжидая Войко. И пусть что-то подсказывало, что ловить беглеца здесь бесполезно, Руслана не могла сдаться и уйти. Эта конюшня – единственная ни-точка.

Она тоже села на сено, подальше от лошадей, поджала ноги и поставила локти на колени. Зоран сидел на расстоянии вытянутой руки и молчал. Тишина тяготила, но еще больше Руслана боялась услышать: «Мы зря тратим время. Он улизнул».

Лошади в стойлах спали, свесив головы или уткнувшись ими в стену. Догорала свеча. До утра ее точно не хватит, подумала Руслана, а потом сквозняк задул огонек. Все погрузилось во мрак так резко, что показалось, стало даже чуть холоднее.

– Не надо, – Зоран поймал Руслану за запястье, когда она встала. – Не зажигай свечу. Если Войко собирается сюда прийти, будет лучше, чтобы наше присутствие было сокрыто. Мне стоило сразу об этом подумать.

– Ладно. – Руслана мягко высвободила руку и села обратно.

Чувство бессилия в темноте навалилось еще пуще. Окутанная мраком, Руслана ощущала, как тяжело легли на плечи события прошедшего дня. Цена возможной ошибки маячила перед глазами назойливыми видениями, в которых Руслану то забрасывали камнями, то изгоняли из Хрусталя, то она проводила всю свою жизнь в одиночестве изгоя. Ее сторонились, боялись и ненавидели... И, наверное, этот кошмар пугал Руслану больше всего.

– *Засынай, соколица,* – вдруг запел Зоран, заставив Руслану удивленно вскинуть голову.

Видя сны волшебные.
Пусть тебе покажутся:
Самоцветы красные,
Да рубины алые, да сапфиры синие,
Да опалы золотые, жемчуга красивые.

Засынай, прекрасная,
Не боясь кошмаров:
Будут сны лишь светлые —
Встану я на вратах.
Не пушу сумятицу, темноту и мглу.
Разгоню руками все,
Верь мне, я смогу.

Засыпай, невинная,
Пусть не дрогнут очи,
Звезды пусть окутают
И осветят ночью
Сны лишь безмятежные,
Легкие, безбрежные.
Темнотой не тронутые,
Чистые и светлые,

Что подарят душеньке
Лишь покой и негу.
Засыпай, соколица,
Дай пролиться свету^[1].

Голос у Зорана был совсем не для колыбельных. В нем слышался шелест дождя по латам, шорох приминаемой сапогами травы. Его голос – как ветер, играющий в листве перед грозой. Он не подходил песне, которую юноша тянул. Строки, как объятия ночи, были обволакивающие, гладкие.

– Что ты делаешь? – смущенная происходящим, Руслана не смогла сдержать смешка. – Пытаешься меня усыпить?

– Успокоить, – раздался из темноты невозмутимый голос. – Ты так ногой дергаешь да зубами стучишь, что всех лошадей сейчас перепугаешь.

Руслана обиженно поджала губы и обняла притянутые к груди ноги. Она и не думала, что страх ее так очевиден... Но ведь время текло, рядом в темноте скользили тени духов, а Войко все не шел.

Когда Зоран снова запел, его голос заглушил невеселые мысли. Как ни старалась Руслана закрыться от его колыбельной, не слушать, чтобы снова в свое горе окунуться, да не могла. Мелодия, которую мурлыкал дозорный для них двоих, просочилась в кровь и соболиной душегреей укутала сердце.

Руслана сдалась. Закрыла глаза всего на миг, но, убаюканная неумелым пением и теплом чужого тулупа, уснула.

Сквозь сон пробиралось тепло и мягкость, ласкающие левую щеку и плечо. Руслана заворочалась, и нос что-то назойливо защекотало. Уже почти окончательно пробудившись, она махнула рукой перед лицом, но раздражающее ощущение никуда не исчезло. Нехотя разлепив веки, Руслана обнаружила, что провела ночь на стогe сена.

– Он не появился, – раздался совсем рядом низкий голос, от которого Руслана резко подскочила.

Она мигом вспомнила, о ком речь, где и с кем она находится и почему это случилось. Умиротворение пробуждения сменилось гадким, скребущим где-то под ребрами чувством. Лучше бы все это было сном и заполнило собой ночь, проведенную без видений.

– Я не знаю, что теперь делать. – Собственный голос вмиг состарился от навалившейся ноши, а сама Руслана скрючилась, точно дряхлая старуха. Она обхватила побледневшее лицо ладонями, надеясь укрыть слезы, но те все никак не шли.

Она ждала, что Зоран, так же, как и Войко, предложит бежать из города, но тот молчал. Сидел неподалеку на сене и крутил в пальцах оберег из орешника – круг, внутри которого высечена не то буква, не то руна. К амулету была привязана красная, как переспелое яблоко, лента, с потрепанными краями и тонкими редкими прорехами.

– Матушка с горя умрет, – хныкнула Руслана, но заплакать вновь не получилось. – Она мечтала, чтобы я замуж вышла. Хотела внуков нянчить...

– А ты сама чего хотела? – вмешался в причитания Зоран, но взгляд от оберега так и не ото– рвал.

Быть как все.

– Не сгореть на костре, – буркнула Руслана, стыдясь истинных мыслей. Признаваться вслух, что она боится осуждения, страшно. А понимать, что вместо мечты существует только обязательство следовать по проторенной дорожке, – стыдно.

Разочарование в себе окатило Руслану, точно ушат снега после раскаленной бани. Она уставилась перед собой, лицо окаменело, а в глазах застыли невыплаканные слезы. Затрепетали темные ресницы, и вот хрустальная капля скатилась по жемчужно-бледной щеке.

– У тебя нет других догадок, куда Войко мог пойти? – Зоран упрямо не смотрел на Руслану, но она не сомневалась – ее слезы тайной не остались.

Зоран смущался ее печали так же, как она стыдилась себя.

Быть как все...

Горячие капли оставляли на тулупе влажные пятнышки. Руслана касалась их кончиками пальцев, представляя, как ее чаяния растворятся вместе со следами слез.

– Я знаю немного, – хлюпнула носом она, не поднимая глаз. – Войко и его возлюбленная обменивались письмами. Он не получил ответ на последнее и ужасно из-за этого волновался, потому и оказался утром у меня под окном.

– Хотел отправиться искать возлюбленную?

Руслана кивнула, придержав шапку мокрой от слез ладонью.

– Сказал, что не мог ждать ни ответ, ни когда они с отцом вновь поедут в то поселение. Это должно было случиться снова через седмицу – слишком долго для Войко. Вот и все.

На улице истошно закричал петух. Он вопил долго и громко, но когда замолк, Зоран вдруг по– просил:

– Подожди-ка. Повтори, что ты сказала?

– Вот и все, – надежда задохнулась в Руслане. Ей едва хватило сил, чтобы повторить этот приговор еще раз. Но Зоран остался недоволен.

– Нет. Не это. Ты сказала, что они с отцом собирались в то поселение в ближайшее время. И про письма...

Руслана сморгнула слезы и ненадолго задумалась. Когда петух закричал вновь, в ее синих глазах загорелся тот же азартный огонь, что уже подсвечивал сочную зелень в очах Зорана.

– Нужно всего лишь узнать, куда из купеческого дома отправляли письма, – поняла Руслана.

– И если таких городов и деревень будет несколько, допросить купца. Куда он собирался везти товар на седмице, там и нужно искать Войко.

* * *

На вопросы княжеского слуги любой станет отвечать с куда большей охотой, нежели городской девке, опозоренной сорванной

свадьбой и обвинениями в колдовстве. Зоран пообещал взять допросы горожан на себя, а Руслане наказал никуда не влезать и ждать вестей.

– Вернусь, когда что-нибудь разузнаю, – звучало над ухом его заверение, когда они мчали к избе Русланы. Светало, а она с вечера не появлялась на родном пороге. Ох, что же дома, должно быть, творится...

– Возьми меня с собой, – попросила она, крепче стиснув жесткую гриву Князя. Скакать верхом было страшно, но еще больше пугала неизвестность. Ей претило сидеть сложа руки и не иметь возможности влиять на собственную судьбу.

Зоран потянул за поводья, направляя Князя по узкой улочке меж укрытых снегом низеньких избенок. Белый покров искрился, переливался всеми цветами, точно пыль из драгоценных камней. Только не внушала эта красота Руслане ни трепета, ни восторга.

– Не могу тебя с собой взять, – ожидаемо дал от ворот поворот новый знакомый. – Если один пойду, больше шансов будет.

– Потому что один ты ищешь пропавшего человека, а со мной – пытаешься выгородить колдунью, – поняла Руслана, едва представив себя на месте допрашиваемого гонца. Она бы куда охотнее отвечала дозорному, но не его спутнице.

Если Зоран явится с ней, это вызовет вопросы и подозрение.

– Живи, как жила, не мечись и жди вестей от меня. Поняла?

Кивнуть стоило больших усилий. Сложно представить, что, едва она спрыгнет с коня у родной калитки из ясеня, все будет по-новому. Жить, как раньше, уже не получится, Зоран.

Из-за покато́й крыши соседской избы показался родной дом. Руслане почудилось, что в крохотном окошке горницы мелькнуло бледное лицо матушки. Сердце потяжелело, щеки обожгло стыдом. Вчера Руслана умчалась, ни слова не сказав...

– Здесь, – подсказала Руслана, и Зоран подвел Князя к низенькой калитке. Потянул за поводья, и послушный конь тут же остановился.

Зоран спрыгнул первым, чтобы помочь Руслане спуститься. Он придерживал девушку, пока та неловко перекидывала ногу через хребет коня. В этот момент дверь избы скрипнула, и на крыльце возникла Бояна. Строгое лицо матушки не предвещало спокойной беседы, а рука, замершая на дверной ручке, намекала – нужно быстрее заходить в дом.

Руслана тяжело вздохнула. Она заслужила предстоящее наказание.

– Почему ты мне помогаешь искать Войко? – спросила она, медленно сползая с Князя на выбеленную снегом тропинку.

– Потому что сторожить покой Хрусталя – мой долг. Хорошо, если ты права и Войко просто сбежал. Но ты не думала, что все на самом деле может быть иначе?

– Руслана! – гаркнула мать так, что каждая косточка внутри подпрыгнула.

Она вздрогнула, побледнела, но поблагодарить Зорана не забыла. Лишь после этого она нырнула за калитку, напоследок проводив дозорного и его коня взглядом. Набрав полную грудь искрящего морозом воздуха, она повернулась к дому.

– Быстро в избу! – Бояна распахнула дверь, но осталась стоять на крыльце. Она будто боялась, что дочь снова убежит, а следы ее растворятся в снегу под первыми лучами солнца.

Понуро опустив голову, Руслана побрела внутрь. В сенях она отхватила несколько хлестких ударов рушником, но приняла их, даже бровью не поведя. Знала, что заслужила.

– Где ты шлялась всю ночь?! Мы глаз не смыкали! Отец до сих пор тебя ищет! Мы думали, ты из Хрусталя сбежала!

Бояна не забывала между слов хлестать Руслану тряпицей по плечам и спине. Но злость ее с каждым ударом испарялась, и скоро Бояна осела на половицы, уставшая, обессиленная после бессонной ночи. Перед Русланой теперь была не волевая, жесткая хозяйка, а женщина, которая впервые не знала, что теперь делать.

– Мам...

Руслана, не снимая чужой тулуп, опустилась на пол, села рядом с матерью. Принялась гладить ее по ссутулившейся спине, по плечам, по ладоням, на которых отпечатался возраст. Кожа грубая, морщинистая, и под ней, как под полупрозрачным шелком, выступали синеватые вены, полные крови.

Руслана с нежностью накрыла ладони матери своими. Она помнила то время, когда руки матушки еще были гладкими и тонкими, когда их не коснулось время. Эти руки гладили ее по волосам перед сном, а наутро заплетали косы. Прямо как вчера вечером перед обрядом... Она крепче обняла матушку, будто и не было криков и ударов рушником.

– Лучше бы ты сбежала, Руслана, – горько шепнул материнский голос так тихо, что она засомневалась – не показалось ли?

Но когда Руслана отодвинулась от матери, в лице той уже не осталось ни страха перед будущим, ни жалости к себе или дочери. Растерянность сменилась решимостью, и Бояна, будто и не было той мимолетной слабости, встала с пола, невозмутимо расправила юбку и сказала:

– Больше с тем дозорным никуда не ходи. Поняла?

Руслана взглянула на мать снизу вверх, так и сидя на полу и утопая в чужом тулупе, как мысли тонули в сомнениях.

– Он помог мне, – нахмурилась девушка. – Дал одежду, отправился со мной на конюшню искать Войко...

– Он просил что-нибудь взамен? – резко спросила матушка.

– Нет. Ничего.

Бояна задумчиво отвела взгляд, поджала губы. Руслана хорошо знала мать, чтобы понять – та догадалась, что к чему. Догадалась, что Войко сбежал.

– Руслана, – строго произнесла мать. Дождалась, когда дочь вскинет загнанный взгляд. – Держись от Зорана подальше. Я запрещаю тебе к нему приближаться. Уяснила?

Руслана непонимающе уставилась на мать. Она вспоминала все, что произошло за их с Зораном недолгое знакомство, и не могла понять, в чем причина такого наказания. Дозорный не сделал ничего, за что его можно было бы хотя бы упрекнуть! Ну, разве что обещал без суда отрезать пальцы... Но этот вопрос они вроде бы уладили.

– Почему?

Бояна хотела что-то сказать, темные глаза ее сделались еще чернее. На какой-то миг Руслане показалось, что матушка мыслями нырнула глубоко в воспоминания, и не было в них ничего хорошего. Но слова остались невысказанными. Бояна отмахнулась рушником и заторопилась накрывать на стол.

– Раздевайся и помоги мне. Отец скоро вернуться должен, – уже порхая у печи, прокричала Бояна. – Он тебя всю ночь искал, неблагодарную!

Вина и горечь кандалами тащились за Русланой, оттого каждый шаг давался ей с большим усилием. Она чувствовала, что подвела родителей, хоть и знала, что не по ее вине Войко исчез. А ведь ни

матушка, ни отец еще знать не знали о сделке с аукой... Ох, что же она натворила?

На стол накрывали, не проронив ни слова. Молчание тяготило, но Руслана не пыталась его нарушить. Понимала, что безмолвие матери – это тоже наказание.

Над изголовьем стола на нескольких деревянных полочках, покрытых красной тканью, стояли обереги, выточенные из орешника. Медведь – воплощение мужской силы. Защитник воинов и глав семейства. Кошка, которую чаще чтили хранительницы домашнего очага. Но находились и молодые девы, которые верили – эта Покровительница дарует удачу в любви. А вот Оленя, самого загадочного Покровителя, каждый просил о чем-то своем.

Кто-то верил, что в его раскидистые рога, как в паутину, можно ловить счастье и солнечный свет. Иные утверждали, что рога Олень унаследовал от Борового, а потому поклоняться ему – значит почитать Навь и ее духов. Но в доме Русланы Оленя считали королем чащи. Его просили о доброй охоте и благосклонности леса.

Были и другие Покровители: Лис, Ласка, Рысь... Всех и не вспомнить. Кажется, каждый человек мог найти себе заступников, будь он верный семьянин или неуловимый разбойник.

Искусные фигурки Покровителей из священного дерева, сторожившие покой домочадцев, всегда успокаивали Руслану одним своим видом. Теперь же она, таская посуду, поглядывала на медведей и оленей из светлой древесины с абсолютным безразличием, ощущая себя одинокой и брошенной. Где их защита теперь, когда так нужна?

Моймир вошел в сени, запуская с улицы холодный воздух, когда на столе уже стоял горшок с горячей кашей. От нее к низкому потолку вился густой пар, разнося по дому запах овсянки. Только вот знакомого уюта Руслана не чувствовала.

– Отец? – не то позвала, не то спросила она и резко поднялась с лавки.

Моймир посмотрел на дочь так, как смотрел на мелких птичек, что случайно попадались в силки. Толку с них почти никакого, убивать жалко было, да спасать уже поздно. От отцовского взора, исполненного горечи, внутри Русланы что-то треснуло. Все это время она еще старалась держать и осанку, и лицо, но огорчение отца оказалось самым жестоким наказанием.

– Простите меня, – уронила она, низко опустив голову. – Я не хотела пугать вас! Лишь Войко найти да домой вернуть!

В горле стоял ком, но слезы не шли. Руслане не хотелось плакать – лишь вырвать с корнем из себя эту слабость и искупить вину перед родными.

– К чему было одной бежать? – не выдержала матушка. – Вылетела за калитку, будто ветром сдуло, и ищи-свищи по всему Хрусталу! Хоть бы о нас подумала!

– Я думала. Не хотела позорить наш дом.

Бояна уже потянулась за рушником, но голос Моймира заставил всех замереть и слушать, что скажет хозяин дома:

– Заботы о чести семьи нам с матерью оставь, Руслана. От тебя лишь одно требуется – помнить о родных. Ты же убежала, ни слова не сказав, а нам с матерью думай – то ли в лес, то ли в другой город, то ли к обрыву.

Руслана виновато посмотрела на отца и тут же прикусила дрогнувшую губу.

– Думаешь, если бы я узнал, что ты за Войко отправилась, стал бы тебя останавливать? – Моймир прошел вперед, встал перед Русланой. Она выдержала прямой взгляд отца, и тогда он сказал: – Не для того я тебя с детства в лес с собой брал, чтобы ты потом от беды под материнской юбкой пряталась!

Бояна охнула, а Руслана оторопела.

– Ты не слабая девочка, не беззащитная боярыня. Ты охотница, и я не раз в этом убеждался. Но еще, Руслана, ты наша дочка, которую мы любим.

Моймир, ища поддержки, посмотрел на жену. Она улыбнулась ему сквозь слезы и кивнула, соглашаясь.

– Я тоже вас люблю, – пролепетала Руслана, давясь слезами, которые все никак не хотели скатываться из глаз.

– Любовь, Руслана, – это ответственность. Родительская или любовь иная – все одно. Быть связанным ею с кем-то – значит сплести запястья нитью судьбы. Потянешь ты, а станет больно нам, – отец снова посмотрел на матушку, и та не выдержала. Захныкала, как ребенок.

Руслана и раньше понимала, какую боль причинила родным своим побегом. Теперь же, видя, как плачет матушка, как трепетно

отец гладит ее по растрепанным после бессонной ночи волосам, успокаивая, Руслана с лихвой окунувшись в чувство вины. Поэтому она спокойно кивнула, когда отец сказал:

– Из избы ни ногой.

Справедливо. Да и куда ей идти теперь? В Хрустале все сторониться будут да за спиной про колдовство и Борового шептать. Даже Богдана наверняка и парой словечек перекинуться не захочет. А что до других ребят...

– Сегодня в полдень пойдем с отцом к Яромиру, – шаркнув ложкой по дну деревянной тарелки, неожиданно оповестила матушка. На Руслану она не смотрела, как бы давая понять – это решение не обсуждается.

– Зачем? – вскинула голову Руслана. Неужто Яромир что-то про Войко знать может?

В душе затеплилась надежда, но слова отца затушили ее, точно ушат ледяной воды, вылитый на угли.

– Предложим ему сыграть с тобой свадьбу. Он ведь хотел...

– Столько за тобой ходил, а ты все нос воротила! – Бояна с укоризной посмотрела на дочь. – И вот к чему это привело! Лучше бы не ждали ни твоего решения, ни сердцевцветов. Ни с того, ни с другого толку нет.

Во рту пересохло, а тело показалось тающим воском. Вот-вот Руслана растечется по лавочке, соскользнет на пол и спрячется в зазорах между досками да в трещинах. Там ей будет и то лучше, нежели с Яромиром. Хотя кривиться уже поздно...

– На Яромира вся надежда, – выразил общую мысль отец. – Больше никто тебя замуж не возьмет после побега Войко и обвинений Некраса... Даже с таким приданым.

– Приданным? – Руслана отодвинула полную тарелку. Она пыталась поймать взгляд отца, но тот под стать матери упрямо на нее не смотрел. – Отец! Откуда у нас деньги? Да и зачем думаете Яромира за большое приданое купить?

– Боюсь, даже если любит он тебя, одними чувствами вопрос не решится, – хмуро качнула головой матушка. – Так что пей молоко, Руслана.

«Пей, пока есть», – поняла она и невольно глянула в небольшое окошко. Сквозь него не было видно ни хлев, ни Рожку, и от этого стало

еще больнее. Корова – кормилица семьи. Как же они будут справляться без нее?..

– Не надо Рожку продавать! Я найду Войко, я все исправлю, я...

– Войко сбежал, и след его простыл! – В синих глазах отца бушевала злая вьюга, на лбу его вздулись вены. Еще никогда отец не говорил с Русланой так грубо, громко. Каждое слово безжалостно рубило надежду, точно топор со свистом – бревна. – Я всю ночь бродил по Хрусталу, но о Войко ничего не узнал. Зато отследил, где была ты. Знаю, что до сторожевой башни добралась, а оттуда – к конюшне у мельницы с дозорным направилась. Я тоже был там незадолго до вашего ухода. Разминулись.

Так вот почему отец вернулся аккуратно после Русланы! А на след наверняка помог Ратко напасть, когда отец, запутанный аукой, все же отправился в ту сторону Хрусталя, что с лесом граничила.

– Пока есть след, можно продолжать охоту. Но, Руслана, смирись – Войко свой замел безупречно.

Больше никто не ел. В тишине каждый переживал горе по утраченной спокойной жизни наедине со своими мыслями.

Моймир поднялся из-за стола первым и ушел на улицу, ничего не сказав. Убирая со стола, Руслана все же увидела, как отец выводит Рожку за калитку. По щекам покатались слезы бессилия, и тогда, стоя напротив орешниковых талисманов, Руслана впервые мысленно зывала не к ним:

«Прошу, Зоран, возвращайся скорее».

* * *

Руслана заболела.

Несколько дней она провалялась в постели с жаром, сквозь который всплывали, как яблоки в чане с водой, родительские голоса. Они прорывались сквозь недуг и сон, точно небо выглядывало сквозь об– лака.

– Яромир отказал.

– Не взял приданое.

– Зря Рожку продали, ох, зря...

– Продешевили. Когда теперь теленка купить сможем?

– Столько шкур продать придется и мяса...

– Может, кто другой замуж тебя возьмет, Руслана? Приданое есть, да неплохое...

– Надо узнать. Пойдем с отцом за тебя просить.

Руслана что-то лепетала сквозь сон, слабо протестуя. Просыпалась на печке, на мокрых подушках, сквозь силу пила целебные тягучие отвары из липы и меда да чай с мятой и мелиссой, которые готовила Бояна, и снова засыпала. Обрывки чужих слов оттого казались размытыми сновидениями, как и происходящее вокруг – очередной небылицей.

Сердцецветы, Крашняна, побег Войко... Разве это правда было?

Когда Руслане стало немного легче, ломота в костях и слабость отступили, Бояна отправила ее выпаривать болезнь. Матушка встретила ее в предбаннике, и воспоминания волной нового жара нахлынули на Руслану, стоило ей зайти в тесное помещение. Здесь все так же пахло мылом и древесиной, только теперь было не зябко, а душно, а через щель под дверью из мыльни вился горячий пар.

– Никто не хочет тебя в жены брать. – Бояна помогла снять тулуп, накинутый поверх успевшей промокнуть от пота сорочки. – Мы с отцом почти весь Хрусталь обошли, ко всем неженатым парням и мужчинам заглянули. Даже к Косому наведались, – она покачала головой, а Руслана скривилась.

Косым звали холостого немолодого крестьянина, которому лет десять назад вилами рассекли добрую половину лица. Слепой на один глаз и черствый сердцем, он распугал всех соседей и теперь жил один на окраине Хрусталя. Никто уж и не помнил настоящее имя Косого, зато все знали, за что тот получил свои шрамы.

– Он же курошуп! – Руслана с возмущением всплеснула руками. – Да еще и на замужних девиц падок!

– Зато холост, – с обреченной холодностью выговорила матушка. И что-то в ее делано безразличном тоне, в пустом взгляде и опущенных руках подсказало Руслане – мать не одну ночь провела в слезах. Ей самой было тошно от того, на какую тропу чуть не толкнула дочь.

Насколько же плачевно положение, если родители готовы отдать ее лишь бы кому?

– К чему мне замуж сейчас так торопиться? Может, когда Войко вернется, все уладится?

– Некрас злится, – прошептала матушка. Сначала Руслане показалось, что это не Бояна сказала, а прошелестели сухие листья веника, который мать сняла со стены и протянула ей в руки. Но загнанный взгляд матушки, точно она опасалась, что Некрас прямо сейчас ворвется в предбанник, расставил все по местам.

– Опять клеветает на меня? – Руслана устало улыбнулась кончиками губ, села на лавку, отложила веник и принялась расплетать растрепанную косу.

Бояна, как скошенная травинка, почти без сил опустилась рядом. Заохала тяжело, и Руслане вдруг стало так страшно, что пальцы онемели.

– Матушка, никакие злые слова его не способны мне навредить. – Успокаивая их обеих, Руслана приобняла отчего-то дрожащие материнские плечи. – Может сколько угодно на меня народ травить, но все на места встанет, когда Войко вернется. Некрасу ой как стыдно будет!

Но лживая улыбка слетела с лица, как сухой лист, оборванный ветром, всего от одной фразы Бояны, сказанной глухо, с надрывом:

– Он палачей созывает.

Руслана резко отодвинулась от матери. В жаре предбанника ей вдруг стало так холодно, что хоть в кипяток ныряй. Палачами звали чародеев, охотников на злых колдунов и духов. Им самим князем было дозволено самостоятельно вершить правосудие.

Палачам не нужен суд и мнение бояр, которые в колдовстве ничего не смыслят. Они как собаки, которые бросятся на жертву, едва та зацепит их внимание. А что может привлечь палачей сильнее, чем громкий слух о ведьме, что на глазах у десятков людей растворила во выюге неугодного жениха?

– Некрас сам сказал, что письма в столицу пишет и других на это подбивает. Александрит, должно быть, скоро атакуют почтовые птицы да гонцы из Хрусталя с гневными посланиями...

– Чтобы отправлять письма, нужно хотя бы уметь писать. То есть поддержать Некраса смогут только бояре да редкие крестьяне. Думаешь, многих он на свою сторону переманит?

Матушка промолчала и сцепила ладони в замок, чтобы хоть как-то скрыть дрожь в пальцах. Руслана смотрела на материнские руки, с тоской отмечая – Бояна похудела. Ее ладони уже не казались полными, и оттого в высушенную морозами кожу явственно вгрызались морщины.

– Если бы ты успела замуж выйти до прихода палачей, защитить тебя от них было бы проще. Муж бы подтвердил, что колдовства за тобой не замечал, и палачи бы уже не забрали тебя так просто.

– А ваших с отцом слов будет недостаточно?

Мать качнула головой, из ее строгой прически выбилась прядь седеющих волос.

– Мы вырастили тебя. Любой родитель будет защищать свое дитя.

Ясно. Значит, от слов отца и матушки палачи только отмахнутся. И хорошо, если не тронут родных. А что, если тоже виновными сочтут? Что, если решат, будто дома знали о зле, которое дочь творит, но не решались ее правосудию предать? В топке трещал огонь, и перед взором Русланы, как наяву, возникла картина – то горела ее родная изба вместе со всеми домочадцами. Лишь старшая сестра, Лета, давно ушедшая в другую семью, осталась нетронута пала- чами.

Матушка опять заохала и вдруг заплакала, раскачиваясь вперед-назад. Руслана вспорхнула с лавки, упала перед матерью на колени и обняла крепко-крепко.

– Если жениха тебе не найдем, беги из Хрусталя, как только от болезни оправившись, – всхлипывала между словами мать. – Лучше я буду тосковать, но знать, что ты где-то жива и здорова, чем увижу, как ни за что тебя огню предадут!

Руслана не выдержала, завывала от боли, точно умирающий зверь. Спрятала заплаканное лицо на груди у матушки и вцепилась в нее крепкими, как цепи, объятиями.

– Не хочу убегать! Не хочу с тобой и отцом расставаться!

Бояна ласково гладила ее по мокрым от жара волосам, по липкой от пота шее.

– По-другому никак, Руслана. Мы всех неженатых мужчин в Хрустале обошли... Никто не хочет связываться с «ведьмой», – она выплюнула это слово, как прокисшее молоко.

– Всех? – дрогнувшим голосом спросила Руслана. Рассудок, все еще захлебывающийся в жаре и яде недуга, вдруг заставил спросить: –

А Зоран? Он тоже отказался?

Матушка молчала, и пальцы ее больше не перебирали темные пряди Русланы. Она вскинула голову и встретила холодный и жесткий, как самый толстый лед, взгляд матери.

– Забудь это имя, Руслана. – Непокколебимая твердость в родном голосе заставила сжаться в клубок. Руслана чуть отползла, путаясь в подоле сорочки, уперлась спиной в бревенчатую стену.

– Почему? – только и выдохнула она.

Бояна упрямо молчала. Нервно кусала губу, крепче сжимала замок из пальцев и на дочь больше не смотрела.

– Почему? – громче повторила Руслана. – Ты запретила мне видеться с ним, ничего не пояснив. Он помогает мне искать Войко, а ты... Ты ведь даже не знаешь его!

– О нет, милая. Как раз таки я отлично знаю Зорана. Мальчик, названный в честь утренней зари. Случайно это иль нет, но надеюсь, солнце в имени выжжет тьму души...

– Что это значит? – Руслана дрожала изнутри, кожа покрылась липкой испариной. Жар раскалил тело и плавил его, постепенно выжигая крохотный запас восстановившихся сил. Так же плавилось терпение Русланы. – Поясни мне! Как я могу выполнять твои наказания, если даже не понимаю, что они значат?!

– Никто не должен знать. И тебе не следовало. Зря я язык за зубами не держала.

Бояна, сидя в кафтане в жаре предбанника, сейчас была бледнее луны. Руслана не могла даже представить, какая тайна могла настолько напугать мать.

– Скажи мне, – попросила она настойчиво. – Скажи, иначе я ослушаюсь твоего наказания!

Сказала это, а сама едва не рассмеялась. Было бы чего ослушиваться! Зоран пообещал узнать, куда Войко мог направиться, но на этом все. Матушка зря беспокоится о новом знакомом Русланы, ведь скоро их короткая связь разорвется.

Едва поняв это, девушка задумалась: а нужна ли ей тогда чужая тайна? Раскрытый секрет все равно ничего не изменит – Зоран скоро и без того исчезнет из ее жизни.

Но Бояна вдруг набралась решимости. Наверняка потому, что мысли ее были точь-в-точь противоположны думам Русланы.

– Я хорошо знала мать Зорана, – начала она потускневшим голосом. Почти не моргая, смотрела в пол, ибо внутренний взор был устремлен в воспоминания. – Мы с детства дружили с Веселиной, мечтали в один день собрать сердцеветы и замуж выйти, а потом также, в один день, родить детей. Я девочку, а она мальчика.

Бояна улыбнулась искренне, но грустно. У истории Веселины не будет счастливого конца, догадалась Руслана, и на душе почему-то стало тяжело и горестно. А ведь она никогда не знала этой женщины...

– Сыграть в один день свадьбу не вышло. Веселина была старше и собрала сердцеветы, когда ей едва исполнилось шестнадцать. Она вышла замуж на три года раньше меня, а моего мужа, Моймира, даже увидеть ни разу не успела...

Руслана тяжело сглотнула. Она уже знала, что случится с Веселиной. Видела жестокую правду в потускневших глазах матери, слышала ее в голосе, полном скорби. Она нутром ощущала, что история эта мрачная и вовсе не похожа на счастливую сказку о нареченных, связанных самой матерью сырой землей.

Она хотела остановить матушку, попросить не терзать сердце горькими воспоминаниями. Да только язык прилип к небу, и не хватало духу перебить рассказ, вырванный из самых глубин души.

– Тогда были тяжелые времена. Князь Ивад расширял земли Бирянского княжества, из-за чего начались распри с соседями. Таафеитские люди были готовы вырывать глотки зубами, стоило Иваду хотя бы глянуть в сторону их земли. Война была недолгой, но жестокой и бесплодной. Государи остались при своем, но народу полегло столько... Вспоминать страшно. Те сражения забрали у меня отца, а у Веселины – мужа. А ведь они и пожить толком вместе не успели – времени у них было от полнолуния до растаявшего месяца.

– Они любили друг друга?

– Очень. – Матушка улыбнулась так, что в горле Русланы встал горький ком. – Это была любовь, о какой рассказывают сказки. Чистая, искренняя, беспрекословная. Она же и сгубила Веселину.

Огонь в топке трещал уже не так живо. Он притих, будто тоже внимая чужим тайнам. Надо было поворошить дрова да новых подкинуть, но Руслана не шелохнулась.

– Радогор, муж Веселины, погиб в первые же дни, как оказался на поле боя. Он не умел сражаться и был юн... Именно так сказал гонец,

который принес ужасную весть. Веселина была безутешна. Она осталась одна в доме почившего мужа – матери у Радогора не было, а отец тоже сражался за этот проклятый кусок земли. Я ходила к Веселине столько, сколько позволяли мне родители. Пыталась поддержать ее, быть рядом... Она и Радогор действительно были связаны судьбой, ведь, когда его не стало, Веселина начала постепенно увядать. Каждый раз, глядя на нее, я видела потухающее солнце.

Вот она – обратная сторона великой любви. Окрыляя, она возносит к самым небесам, но потом может безжалостно швырнуть с высоты на камни. Руслана поежилась, думая о том, как несоизмерима была плата Веселины за короткое счастье.

– А потом... – Матушка шумно втянула носом воздух, обхватила себя руками, набираясь сил, чтобы сказать. – Потом Веселина будто сошла с ума. Однажды я пришла к ней, ожидая увидеть ее, как обычно, сидящую у окна. Так она проводила дни напролет и могла даже не шевелиться с полудня до вечера. Но в тот день встретила меня с улыбкой, такой широкой и искренней, что мне стало страшно от столь резкой перемены. Тогда Веселина впервые со дня смерти мужа сказала, что ночью виделась с Радогором. Помню, как я рассмеялась в ответ, но саму в дрожь бросило. Я говорила Веселине, что то был сон, а она все твердила – он приходил. Настоящий, осязаемый. А потом эти ее рассказы начали повторяться изо дня в день. Я испугалась, перестала ходить к Веселине. Вдруг она не сошла с ума и то правда дух Радогора ее навещает? Страшно было, никто ведь не знал, как хоронили умерших на войне. Предавали ли их тела огню, как положено? Или не согреты пламенем души и правда по земле бродили?

Руслана слушала мать и старательно гнала от себя образ Зорана, что стоял перед глазами. Гнала из мыслей голос, неумело убаюкивающий колыбелью. Не хотела думать о том, что сам Зоран, возможно, даже не знает о трагичном прошлом своей семьи. Мать ведь ото всех это в тайне держала...

– Когда я осмелилась снова прийти к Веселине, надеясь, что горе и безумие ее отпустили, она уже понесла ребенка. Тогда я окончательно убедилась, что рассказы подруги не бред, не сновидения, а проделки нечистой силы. Бедная Веселина так сильно тосковала по мужу, что дух его явился на зов и продолжал приходиться каждую ночь.

Веселина делила с нечистью постель, находя в этом утешение, а я не смогла раскрыть ее тайну, даже чтобы спасти.

Что-то внутри Русланы просило закрыть уши ладонями, не слушать. Еще никогда чужие истории не ложились на душу столь темным и густым слоем пепла.

– Никто не догадывался, что бремя Веселины – это прорастающее семя не человека, а духа. Редкие злые языки шептали, что Веселина нагуляла ребенка в соседских объятиях, переживая смерть мужа. Но все же большинство считало, что Радогор и Веселина успели зачать дитя еще до начала войны. Веселина всегда была худой, почти болезненной, носила тяжело, и поздно округлившийся живот никого не удивлял. Да и родила она своего байстрюка-бесенка не в срок, а значительно раньше. Человеческое тело будто отторгало чуждое ему и мерзкое. Ох, сколько же крови было...

Руслана не осмелилась спросить, почему матушка присутствовала на родах Веселины. Наверняка, даже несмотря на страх, не смогла бросить подругу в столь тяжелый момент.

Воображение нарисовало эту картину: пустая изба, черные окна, в которые заглядывала медленно рассеивающаяся ночь. Умиравший огонь в печи, красные тряпицы, мокрые от крови. Матушка, еще совсем юная, сжимает ладонь подруги, которая в муках рождает дитя. От кого?

Невзирая на долгий рассказ Бояны, Руслана слабо верила в то, что Веселина действительно понесла от призрака умершего мужа. Скорее правы были те, кто считал, что слабое тело не сразу выдало окружающим правду – в нем зарождается новая жизнь. Веселина сошла с ума, но ребенка родила вовсе не от духа.

Бояна и сейчас падка на слухи да рассказы. Чего уж говорить о тех временах, когда она была даже младше Русланы? Наверное, безумие Веселины пугало гораздо сильнее, чем сказка о призраке, откликнувшемся на зов боли.

– Рожая, Веселина заставила поклясться, что буду заботиться о нем. Я не хотела. Смотрела на мальчишку и не чувствовала ничего, кроме страха. Это ведь не Радогора сын. Байстрюк от хитрого духа, что воспользовался слабостью Веселины и резвился с ней. И вот к чему это привело... Веселина умерла, чтобы на свет появился этот бесенок.

– Так ты дала клятву Веселине? – не своим от долгого молчания и пересохшего горла голосом спросила Руслана.

Бояна сгорала от стыда: взгляд ее метался, но на Руслану мать не смотрела, на лбу проступила глубокая мрачная морщинка. Руслана поджала губы, не зная, жалеть мать или осуждать за слабость и трусость.

– Я не смогла даже взять мальчишку на руки, – сокрушенно покачала головой Бояна. – А уж думать, что полукровка однажды станет названным братом моим собственным детям, было до одури противно.

Руслана всего на миг представила, что у нее и Леты мог бы быть старший брат. Зоран. Неродной по крови и совершенно на них непохожий: светловолосый, зеленоглазый, с тяжелым взглядом, но наверняка добрым сердцем. Ведь злой человек или нечистый дух ни за что не стал бы помогать и, успокаивая, петь колыбельную едва знакомой девчонке.

«...Да и воровке к тому же», – голосом Зорана подумала Руслана.

Как же жестока была матушка... И как слепа она сейчас.

– Веселина рожала сама. Повитух никто не позвал, потому что роды начались глубокой ночью. Я сама-то прибежала к ней лишь под утро, когда сердце почуяло неладное и терпеть это больше не было сил. Выбралась через окно и побежала в одной сорочке по мокрой от росы траве. В избе были только мы, а потому... когда Веселина умерла с новорожденным мальчиком на руках, я думала, что и он погибнет тоже. Иначе и быть не могло. Ведь я просто сбежала, оставив их там!

Бояна зарыдала взхлеб. Горькие слезы ручьями катились из глаз, но облегчения не приносили. Руслана знала это, потому что сама едва не плакала, пораженная тем, как жестоко было глупое, юное сердце матери.

Никакие слезы не смоют этот грех с души.

– Уже потом я узнала, что назвали мальчика Зораном, потому что сердобольные соседи нашли его в тот миг, когда солнце развеяло ночь. Хороший выбор, ведь свет в имени поможет выжечь нечистую кровь, – слова, что были закупорены в душе долгие годы, теперь лились из Бояны, как отравы вытекает из раны.

Только вот Руслана, слушая мать, чувствовала, что яд теперь коснулся и ее души. Эту горечь и боль она будет вспоминать всякий

раз, смотря в глаза Зорана.

Больше слушать мать Руслана не хотела. И так ясно, что соседская семья нашла маленького Зорана в объятиях уже мертвой Веселины и приютила. Единственное, что оставалось загадкой, – навещала ли Зорана Бояна? Поглядывала за ним хоть издалека? Хоть изредка?

Наверняка. Иначе как она узнала уже взрослого Зорана, когда тот провожал Руслану до избы?

Значит, совесть у матери все-таки есть.

– Я уже заметила, что судьба в отместку часто сталкивает нашу семью с Зораном, будто наказывая за то, что я не исполнила последнюю волю Веселины. Сначала твой отец, теперь ты...

Отец? Руслана вскинула глаза, немо прося дать ответ. Что связывает отца и Зорана? Но Бояна сделала вид, что не проговорила случайно, не заметила вопросительный взгляд дочери.

– Теперь ты все знаешь, – теребя в пальцах ткань поневы, выдохнула Бояна. – Зоран – не человек, хоть и правда от него сокрыта. Он байстрюк. И тебе с ним лучше не иметь ничего общего. Неисполненная последняя воля так же опасна, как нарушенная клятва.

Мать посмотрела на нее заискивающе, надеясь узреть поддержку и такой же благоговейный страх, что уже дрожал в глазах Бояны. Страх, который змеем оплетал душу долгие годы. Но Руслана наследовать ни страхи, ни предубеждения не хотела.

– Мне бояться нечего, – сказала она, поднимаясь с пола. – Не я бросала новорожденного ребенка умирать. И не я ищу оправдание чужому безумию. Не я упиваюсь небылицами, за которыми не вижу собственную жестокость!

Голос оставался тверд, но Руслану потряхивало. Коленки едва не стучали друг о друга, как деревянные ложки в руках музыканта. Хорошо, что подол сорочки спускался почти до пят, а ладони девушка стиснула в кулаки. Ими она будто хотела разбить прошлое, которое отравило уже не одну жизнь.

– Руслана, пойми меня! Я боялась!..

Матушка вскочила с лавочки, бросилась к ней, а Руслана, наоборот – отступила к двери в мыльню.

– Хочу понять тебя, но не могу.

Она, не раздеваясь, зашла в раскаленную баню и захлопнула перед носом матери дверь. От жара тело и одежда быстро взмокли,

ткань прилипла к коже. Руслана осела на пол, подальше от пышущих теплом камней, и уткнулась лицом в дрожащие ладони. В новой боли лишь одно было хорошо – Руслана почти забыла о собственной несчастной судьбе.

– Бедный Зоран, – прошептала она и расплакалась.

Глава 5

Ведьма должна сгореть

На третий день после разговора с матерью Руслана окончательно оправилась от простуды. Из дому ей все еще выходить не разрешалось, хотя по тревожным переглядываниям родителей Руслана догадалась – скоро это изменится. Ее *заставят* бежать.

Ничего в Хрустале за время ее болезни не изменилось. Войко не вернулся. Другой жених не нашелся. И, судя по тому, что никто из друзей ни разу не проведал Руслану, ее все еще считали ведьмой. Зоран тоже пропал – никаких вестей. Ничего не нашел или передумал с Русланой связываться?

Впрочем, если Некрас и правда успел палачам весточку отправить, Зоран опоздал. В городе Руслане оставаться уже небезопасно.

– Мы до ярмарки, – доев безвкусную кашу, заваренную на воде, объявил отец.

Солнце только-только проснулось и тонкими ручками-лучиками заглядывало в избу. Этого слабого света хватило, чтобы Руслана заметила новые морщины, что пролегли под глазами отца, в которых сейчас не было ни искорки, ни отголоска тепла.

– Мы ненадолго, – не поднимая головы, сказала Бояна, но Руслана сделала вид, что не услышала.

С матерью она не разговаривала с той самой беседы в предбаннике. Не получалось простить Бояну за малодушие, которое чуть не сгубило невинное дитя. Даже теперь, понимая, что разлука уже близко, Руслана не могла пересилить себя. Не хватало духу взглянуть в глаза матери.

Над избой точно туча нависла, и разразиться она должна была скорым отъездом Русланы. О том, чтобы покинуть родной дом, даже думать было страшно. Она умела выживать и охотиться в лесу, но совершенно не знала, как это делать в новом городе, среди людей. Но неизбежность надвигалась, и другого выхода пока не было.

Руслана догадывалась, что в такую рань посреди седмицы родители спешили на ярмарку не просто так. Эта мысль укоренилась,

когда Руслана, убирая со стола, заметила – Моймир достал из-за печи крынку и выгреб из нее несколько горстей монет.

Опустошенный тайник не оставил сомнений – ей придется уехать сегодня, едва родители вернутся с ярмарки с новенькой кобылой.

Когда дверь за родными захлопнулась со скрипом, Руслана нехотя, точно ленивое облако, гонимое ветром, прошла в свою небольшую комнату. В тесной спальне, пойманной в короб деревянных стен, друг напротив друга стояли две широкие лавки, застеленные пышными одеялами. Одна из них с детства принадлежала Руслане, а вторая уже два года пустовала. Лета покинула дом, обретя новый – рядом с мужем. Руслана же вынуждена оставить родной кров и кинуться в объятия неизвестности.

Тяжело выдохнув, будто пытаясь так изгнать из души все сожаления, она опустилась между подушками, набитыми лебяжьим пухом, смяла в пальцах край лоскутного одеяла. В этих стенах звучало столько смеха, все здесь пропиталось былыми улыбками. Хотелось выжать эти чувства, как сок из ягод, и забрать с собой.

На самом дне сундука, стоявшего под окном, Руслана нашла холщовую суму. Много уместить в нее не выйдет, это не заплечный туес тебе. Вытряхнув содержимое сундука, она огорченно покачала головой. Легкие расшитые сарафаны, пара сорочек, соболиный полушубок, дюжина цветных ярких лент... Ничто из этого брать с собой смысла нет.

В светлице был еще один сундук. В нем хранились зимние вещи, из которых Руслана выбрала свой подбитый волчьим мехом кафтан жаркого цвета переспелого яблока и удобные теплые сапоги. Она примерила все это с простым светлым платьем: длинные рукава кафтана частично закрывали ладони, заменяя варежки, высокий воротник вполне защищал шею от ветра. Вырез спереди был оторочен теми же жемчужными нитями, что и ткань на запястьях. На бледный металл застежек крепились шнурки, которые Руслана сразу затянула. Осталось лишь надеть шапку, и она готова к дороге.

Руслана провела кончиками пальцев по вышивке на плотной ткани, уже тоскуя по временам, когда ее семья ни в чем не нуждалась. Меха для одежды отец сам добывал, а матушка заботилась о том, чтобы наряды всегда радовали глаз красивой вышивкой да блеском камней. Всего в достатке было: денег, шкур, мяса, молока.

А что теперь?

С уходом Русланы канет в Лету и то беззаботное прошлое. Станут ли в Хрустале покупать дичь у отца «лесной девки»? Не будут ли стороной обходить матушку?

С улицы послышался затихающий топот копыт. Кто-то остановил коня у калитки. Сердце сжалось, едва Руслана вспомнила о Некрасе и его угрозах, но инстинкт охотницы заставил тенью скользнуть к стене у окна. Она осторожно выглянула и сквозь морозные узоры увидела дозорного в темно-зеленом, как гладь запруды летом, кожухе и шапке с меховыми отворотами.

Зоран стоял у калитки, держа Князя за поводья. Руслана увидела, как в доме напротив приоткрылась дверь и наружу высунулось взволнованное личико Богданы. Бывшая подруга юркнула обратно в избу, стоило Зорану обернуться на скрип.

– Зоран! – шикнула Руслана, чуть притворив дверь. – Входи!

Она едва сунула нос за дверь, но тут же спряталась обратно. Выходить к дозорному и цеплять жадные до сплетен соседские взгляды не было никакого желания. Поэтому Руслана, сложив руки на груди, ждала Зорана внутри и нервно притопывала.

Он принес с собой запах снега и колючие, как снежинки во вьюгу, воспоминания о рассказе Бояны. Стоило взглянуть в луговые глаза, и внутри все оборвалось.

«Байстрюк», – шептал голос матушки, но Руслана не верила ему. Не может злой дух, даже пускай тот наполовину человек, смотреть так открыто и без– злобно!

– Хозяйка ты, конечно, никудышная. Кто же так гостей встречает?

– А ты тогда никудышный помощник, – подшутила в ответ Руслана с деланным безразличием, хотя на душе кошки скребли. – Пообещал помочь и сгинул. Я уж решила, что без тебя разбираться придется.

Зоран безмолвно осмотрел наряд Русланы, скользнул взглядом по брошенной в сенях полупустой суме. Сейчас там лежало только запасное платье.

– Бежишь из Хрусталя? – догадался он. От слов, произнесенных кем-то другим, снова стало тошно.

Руслана подняла с пола холщовый мешок, затянула узел. Не оборачиваясь на Зорана, с затаенной надеждой сказала:

– Может, и нет. Я ведь не знаю, какие вести ты принес.

Зоран долго молчал, и последние крохи надежды увяли, как цветы под дыханием осени. Руслана нутром чувствовала, как тяжело Зорану было сказать:

– Лучше тебе все же бежать.

– Из-за палачей? – слова сорвались с губ несмело, как первая капель срывается со льда.

– Ты уже знаешь? – Зоран тоже понизил голос, хотя слышать их могли только домашние духи, спрятавшиеся от человеческих глаз.

Вместо ответа она устало коснулась ладонью лба, будто нежная дева, у которой закружилась голова. Зоран тут же приблизился, готовый придержать Руслану, но она выставила перед собой ладонь:

– Я в порядке. Просто в голове не укладывается...

– Что на тебя теперь охоту ведут?

– Да. И что ее затеял отец моего друга, – сказала, а сама задумалась. А был ли Войко ей другом, раз так легко бросил? Ценой навлеченной на Руслану беды купил собственное счастье.

– Раз знаешь, то почему еще не сбежала? От Александрита до Хрусталя всего несколько дней пути.

Зоран прошел вслед за Русланой, когда она молчаливо двинулась в светлицу. Она снова распахнула сундук и нависла над ним, сама не зная, что ищет.

– Я сильно простыла в ночь, когда Войко сбежал. Если бы не ты и Ратко, наверное, совсем бы от болезни слегла. – Руслана кивком указала на лавочку, где лежал чужой тулуп. На нем – огромная, как свернувшаяся в клубок рысь, шапка, а под лавкой – разношенные сапоги. – Спасибо.

Зоран посмотрел на одежду, но ни на шаг не сдвинулся. Стоял в паре локтей от Русланы, держа ладонь на рукояти меча. Обычная привычка для дозорного, но сейчас она внушала лишь тревогу. Скорые сборы, вооруженный и готовый к сражению Зоран... Казалось, прямо сейчас дверь распахнется и внутрь ворвутся палачи.

Руслана неуместно вспомнила, что ни разу не видела княжеских чародеев, слуг правосудия. Узнает ли она палачей в толпе?

«Охотница сама вот-вот станет добычей», – воспоминания прозвучали голосом ауки. Мог ли дух заглядывать в будущее или

просто чувствовал беду, которая вилась вокруг Русланы, как голодная лиса вокруг курятника?

– Ждать твоего выздоровления было ошибкой, – не прибавлял спокойствия Зоран. – Если верить допрошенным гонцам, письма в Александрит Некрас начал слать со следующего же дня, как пропал его сын.

– Думаешь, палачи примчат сюда по первому же зову? – нервный смешок выдал волнение, хотя должен был его скрыть. Руслана уперлась ладонями в края сундука и нависла над ним, точно путник, умирающий от жажды, над колодезем. – Сомневаюсь, что это так. Будь палачи столь доверчивы, то половина княжества давно бы полегла от рук тех, кого так легко натравить. Они ведь должны как-то проверять слухи и донесения?

– Руслана, – выдохнул Зоран с такой горечью, что захотелось, чтобы это имя принадлежало не ей. – Некраса поддерживают многие бояре, – сказал он то, что она и так уже знала от матушки. – Из-за этого я так долго искал хоть какую-то ниточку, ведущую к Войко. Никто не верит, что он сам сбежал. Даже другие дозорные, даже дружинники уверены, что его исчезновение – злое колдовство.

Руслана отошла от сундука и принялась кругами ходить по небольшой светлице. Невысокие каблуки стучали по деревянному полу, а сердце – о ребра.

– Они заподозрили тебя? – догадалась Руслана, резко остановившись. Она вскинула голову и пристально взглянула в глубоко посаженные хризолитовые с россыпью янтаря глаза. – Решили, будто ведьме помогаешь следы ее колдовства замести?

Зоран поджал тонкие губы, из-за чего его выдающийся, с горбинкой нос стал еще больше похож на ястребиный клюв.

– Все так, – кивнул он, и несколько светлых прядок выбились из-под шнурка, что перетягивал короткий неопрятный хвост на его затылке.

– Проклятье.

На столе еще лежал свежеиспеченный хлеб. Руслана ринулась за ним почти бегом, чтобы закинуть в суму. Ей действительно придется покинуть Хрусталь. И будет лучше, если Руслана запасется едой. Вслед за выпечкой в холщовый мешок упал веночек из ненавистных сердцевидных цветов, что все это время ждал хозяйку на подоконнике.

– Зря родители надеялись, что мое замужество поможет от палачей отделаться, – невесело улыбнулась она, а затем чуть тише добавила: – Здесь уже ничто не спасет.

– Замужество? Но ведь твой жених...

– Родители искали другого. Хоть кого-нибудь, – носясь по избе в поисках чего-нибудь полезного в пути, поделилась Руслана.

«Искали хоть кого-нибудь. Кроме тебя», – закончила она безмолвно и остановилась у стола. Мысль кольнула сердце, как прорастающий в груди шиповник.

Стоя у полок с оберегами из орешника, Руслана смотрела не на выточенные фигурки животных-покровителей, а на Зорана. Если бы Бояна не бросила его, новорожденного, в страхе, Зоран мог бы быть ее названным братом. Если бы матушка не продолжала бояться его сейчас, то...

Глупости. Зоран бы не взял Руслану в жены.

– У тебя такое лицо, будто полный рот пчел набрала, – заметил Зоран, который все это время ходил за ней по пятам. – Хочешь что-то сказать? Говори, пока я тут.

Сначала Руслана качнула головой, но потом все же осмелилась спросить о том, о чем матушка ведать отказалась:

– Ты знаком с моим отцом?

Зоран явно удивился такому вопросу. По его широко распахнутым глазам, по вскинутым бровям и ладони, что дернулась на эфесе меча, Руслана поняла, что застала его врасплох.

– Знаком, – кивнул Зоран. С его лица исчезли любые признаки эмоций. Дозорный легко надел маску невозмутимости, но Руслана успела рассмотреть истинные чувства. – Я обязан Моймиру жизнью.

– Почему?

– В детстве я заблудился в лесу, а он меня нашел и вывел. Я дал клятву, что исполню любую просьбу, с которой твой отец ко мне придет.

Что-то неприятно царапнуло сознание, и Руслана вспомнила, как Зоран в дозорной башне обратил внимание на ее пальцы. «Ты лучница», – тогда угадал он с почти детской радостью. Теперь Руслана понимала, что понял он кое-что другое...

– Ты узнал меня. Догадался, что я дочь Моймира.

– Предположил, – поправил он и по-птичьему склонил голову набок. – Но что с того?

– Ничего, – слабо улыбнулась Руслана. – Просто интересно стало.

Она, не задумываясь, повернулась к полкам и схватила первое, что попало под руку. Орешниковая фигурка оленя, на чьих рогах, как паутина, была натянута алая нить, отправилась в суму.

Нужно было чем-то отвлечься, чтобы не думать... Не думать о том, что Зоран решил помочь ей, лишь чтобы отплатить Моймиру. Не думать, что, приди родители к Зорану, он бы точно не смог отказать в их просьбе.

Она обернулась, глянула на Зорана украдкой и снова нависла над сумой. Смущение поцеловало щеки румянцем, в то время как боль вуалью окутала сердце.

Если бы не матушка, Руслане не пришлось бы бежать из Хрусталя. Она бы вышла за Зорана. Он бы сказал палачам, что она не лесная девка...

Но потом она вспомнила, что Зорана уже пытались обвинить в помощи ведьме. Горечь упущенного шанса отступила. Оплетающий сердце терновник ослаб. Осталось лишь принятие: нужно бежать, другого пути сейчас нет, не было и не будет, пока Войко не вернется.

– Что ты выяснил у гонцов? – спросила она то, что стоило узнать, едва Зоран переступил порог. – Куда купец посылал письма?

Ответить Зоран не успел.

Дверь распахнулась, впуская в избу хозяина дома. Моймир прошел в сени, но застыл, словно громом пораженный, едва завидел дозорного. Зоран обернулся, и напряжение на отцовском лице сменилось на узнавание. В тот же миг шумно охнула матушка.

– Здравствуй, хозяин, – с поклоном произнес Зоран, не дожидаясь, когда Руслана представит его родителям. Но разве он нуждался в представлении?

– Зоран! – отец улыбнулся, приблизился и положил загрубевшую ладонь на плечо юноши так, будто встретил старого друга. – Сколько лет, сколько зим!

Он не видел, как побледнела Бояна, как она отшатнулась к двери и отчаянно, до побелевших костяшек стиснула подвеску-оберег из орешника. Руслана помнила похожий у Зорана, а потому страхи

матушки не разделяла. Разве может злой дух касаться священного дерева, что от нечистой силы защищает?

– Какими судьбами? – спросил отец уже не так радостно и будто невзначай скользнул взглядом за плечо Зорана, на Руслану.

Она мотнула головой, безмолвно говоря: «Все хорошо. Он не враг и меня не обидел».

– Я помогаю Руслане искать Войко, – прямо сказал Зоран, и из его уст это прозвучало вполне обнадеживающе. Может, все дело в высоком росте и ровном стане, что под мятлем, струящимся темными волнами, затынут в одежды княжеского слуги?

– И как успехи? – поинтересовался Моймир, когда снова взглянул на дочь, а та только плечами по– жала:

– Мы как раз собирались это обсудить. – Руслана широким жестом пригласила всех в избу. Не толпиться же в тесных сенях.

Зоран пропустил хозяина вперед и только тогда прошел следом. Моймир сел во главе стола, под оберегами из орешника. Зоран расположился по правую руку от отца Русланы. Там обычно сидела матушка, но бледная, как отражение звезды на воде, сейчас она не могла заставить себя сесть за один с Зораном стол.

Руслана поджала губы и отвела разочарованный взгляд от родительницы. Та, что-то невнятно пробормотав, вышла прочь из избы.

Руслана поймала на себе недоумевающий взгляд отца. Он молчаливо искал в лице дочери ответы, которые Руслана дать не могла. Хоть она и злилась на Бояну, но тайну ее выдавать не станет. Она пожалала плечами и коротко посмотрела на Зорана. Тот казался абсолютно невозмутимым, когда произнес:

– Буду краток: судя по словам гонцов и самого Некраса, вариантов, куда направился Войко, несколько.

Руслана чуть сгорбилась, ощутив навалившийся груз проблем. Мало того что Войко сбежал, так еще и непонятно – куда именно.

– Если сопоставить города, куда чаще всего отправляли письма из дома Некраса, и его прошлые торговые планы, то остаются Циркон, Родолит и Би– рюза.

Отец озадаченно почесал затылок, когда Руслана посмотрела на него, ожидая поддержки. Она не помнила карту княжества, а потому даже близко не представляла, где находятся эти города.

– Надеюсь, они все граничат друг с другом? – наивно протянула Руслана, но ее чаяниям было суждено разбиться о тяжелый взгляд Зорана.

– Бирюза – портовый город на берегу моря Ураганов. Родолит – почти столица, город прилегает к Александриту. В Циркон попасть быстрее всего, но только если срежешь через лес.

– Отлично! – хлопнула в ладоши Руслана, едва Зоран закончил ее просвещать. – Туда и направлюсь первым делом.

– Через Холодный лес?! – отец наклонился вперед, положив ладони на стол. – В одиночку туда даже соваться не смей!

– Почему? Ты хорошо меня обучил охотиться и выживать. Я справлюсь. И чем быстрее это случится, тем лучше.

«Для всех лучше», – подумала она с горечью, вновь вспомнив то видение, нашептанное огнем. Горящая изба, пламя, обгладывающее кости родных...

– Лучше я поеду. Прямо сейчас, – решительно кивнула Руслана и встала с лавки.

Отец поймал ее за локоть, и Руслана не стала вырываться. Однако и обратно за стол не села. Зоран зачем-то тоже встал и снова вцепился в грубую, некрасивую рукоять меча.

– Ты ведь все равно уйдешь сегодня, – не глядя на дочь, но и не выпуская ее руки, сказал Моймир.

– Уйду, – проглотив ком в горле, выдавила Руслана.

– И просить тебя в лес не соваться смысла нет, – выдохнул он твердо, вовсе не спрашивая.

Руслана качнула головой, но отец этого не увидел. Смотрел на тонкую, узкую ладонь с вытянутыми пальцами. На них не было перстней и нитей с рунными талисманами, а кожа на подушечках загрубела от тетивы.

– Вот уж не думал, что такую охоту тебе судьба уготовила, – из-под густых усов и бороды блеснула короткая улыбка. – Погоди здесь.

Он отпустил ее руку, и Руслана едва сдержалась, чтобы вновь не юркнуть своей ладонью в отцовскую, что внушала спокойствие и защищенность. Моймир вышел из комнаты, и на душе стало как-то пусто и холодно.

– Ослушаешься отца? – тихо спросил Зоран, о присутствии которого Руслана почти забыла. Дозорный тенью держался чуть

поодаль и, пока Моймир не ушел, не вмешивался в семейный разговор.

– Не знаю, – не поднимая тяжелой от переживаний головы, честно ответила она. – Если отец говорит, что одной в лес лучше не лезть, может, оно и верно? Я никогда без него в чащу не заходила. Всегда знала, что он рядом, что подскажет, если ошибусь...

Руслана вспомнила день, когда отец впервые позволил пойти с ним лес. Было жаркое лето, и в густой зелени ей мерещились горящие интересом глаза духов. Они смотрели на нее, изучая и еще не зная, что девочка с лентой в волосах и самодельным луком станет частой гостьей в их живом доме.

Тогда ей казалось, что так будет всегда: она, отец и свобода, пахнувшая мхом и хвоей.

– Не попросишь родителей бежать из города с тобой? – Зоран разрушил приятное видение, ожившее в воспоминаниях.

– Они отказались, – помрачнев еще сильнее, припомнила недавний разговор Руслана.

Отец бы мог уйти вместе с ней, но не станет, потому что матушка не решила покинуть родной Хрусталь. И пусть Руслана все еще злилась, но понимала это желание матери. Сердце жалобно сжималось, стоило представить, как невыносимо тяжело будет Бояне в путешествии, а потом – в разлуке с родными краями, старшей дочерью и всем привычным и дорогим.

– Да и не бегу я, а на поиски ухожу. – Руслана расправила плечи, подняла голову, мигом перестав быть похожей на цветок, давно не видевший солнца. – Хрусталь – мой дом, и я докажу наше право оставаться здесь.

Она не смогла прочесть эмоции Зорана. Всего на миг ей показалось, что в зеленых глазах мелькнуло удивление вперемешку с... уважением? Но стоило моргнуть, и вот лицо Зорана вновь ничего не выражает.

В горницу вернулся Моймир, и едва Руслана обернулась на отца, из груди вырвался изумленный вздох.

– Я ведь обещал шапку из того волка сделать, – улыбнулся Моймир и вложил в руки Русланы объемный головной убор из серого меха, что мягко приминался под пальцами. На макушке торчали два острых уха. Тоже волчьих.

Руслана никогда не видела таких шапок. Она с интересом потрогала упругие, стоящие торчком серые уши.

– Настоящие! – охнула она.

Отец рассмеялся, а Зоран неловко протянул руку, чтобы тоже коснуться чудного головного убора.

– Заслужила, дочка, – сказал отец то же, что и в тот день, когда Руслана спасла его от волка. – Пусть будет напоминанием – ты больше не та слабая девочка, какой когда-то впервые пришла в лес. Пусть будет напоминанием о доме. Обо мне.

– Отец...

Руслане не нравилось, как он говорит это. В его словах угадывалось прощание, как скорая гроза – в свинцовых облаках. Она наспех надела шапку и порывисто заключила отца в крепкие объятия. Он засмеялся, глядя Руслану по волосам, которые та не успела заплести в косу перед приходом Зорана.

– В этой шапке ты – настоящая волчица, – рассмеялся отец, сжимая Руслану в прощальных объятиях. – Я бы сказал, что осталось только зубы и когти отрастить, но они, верю, у тебя уже есть.

На дрожащих губах расцвела горькая, как полынь, улыбка. Внутри плескался океан, но выпустить на волю этот ураган чувств Руслана не могла. Даст слабину, и пока еще маленькая трещинка в самообладании разрастется, расколется ее, разрушая.

– Спасибо, – только и смогла выдохнуть она из сжатого подступающими рыданиями горла. А потом...

– Давай! Повтори, что ты сказала! – дверь в избу распахнулась, и в сени, точно принесенные ветром, влетели двое.

Руслана отошла от отца и с недоумением уставилась на девушку, которую матушка втащила в избу. Казалось, Богдана стояла лишь благодаря тому, что матушка цепко держала ее под локоть. Бывшая подруга была такой бледной, что Руслана сощурилась, пытаясь разглядеть корку инея на лице Богданы. Ее губы дрожали, когда девушка несмело произнесла:

– Они сказали, что ведьма должна сгореть.

Руслану точно толкнули в грудь, а из-под ног выдернули опору. Однако она не шелохнулась и строго спросила:

– Кто это сказал? Когда?

Когда Богдана подняла загнанный взгляд на Руслану, ей стало даже жаль бывшую подругу. Такая запуганная, дрожащая, точно это на нее натравливали палачей.

– Скажи им то, что сказала мне! – торопливо попросила матушка, на эмоциях даже не замечая, как сильно вцепилась в Богдану.

Руслана обернулась на Зорана, но тот сосредоточенно смотрел на женщин, впитывая информацию не только из слов, но из каждой детали. На платке Бояны еще искрились снежинки, край юбки был влажным от снега, комья которого налипли на валенки. Богдана же была одета в легкое платье, поверх вместо кафтана успела накинуть лишь шерстяной платок, а обута подруга оказалась в сапоги из разных пар.

– Мои родители, – едва дыша начала Богдана, – они сказали, что вчера видели на площади Некраса. Он говорил, что из Цаворита весть пришла – палачи едут и остановились в городе передохнуть.

– От Цаворита до Хрусталя один день пути, – шепнул Зоран, чуть склонившись к уху Русланы.

Если бы она оторвала взгляд от пола и посмотрела на мать, то увидела бы все метания, отпечатавшиеся на материнском лице от этого зрелища. Матушка побледнела, лицо ее вытянулось. Бояна не знала, бежать ей из избы от сына беса или же на него, чтобы отогнать от дочери.

Только вот Руслана оцепенела и стеклянным взглядом уставилась в пустоту.

– Один день, – повторила она, прекрасно понимая, что даже этого времени у нее больше нет.

– Я вот только об этом узнала, – запинаясь в волнении, продолжала Богдана, – когда матушка звала к городским воротам. Они с батюшкой туда пошли смотреть на приезд палачей.

Руслана, как в дурмане, подняла голову, тяжело сглотнула. Избегая смотреть на родителей, боясь увидеть в их глазах горечь или слезы, она повернулась к Зорану.

«Что мне теперь делать?» – немо спросили ее глаза, хотя ответ давно был известен. Полупустая сума валялась где-то в светлице, одежда для дороги уже была на Руслане, а в хлеву, она не сомневалась, ждала снаряженная кобыла.

– Почему ты говоришь об этом? – Руслана с подозрением склонила голову набок, будто это могло помочь рассмотреть Богдану еще внимательнее. – Ты ведь веришь слухам и боишься меня.

Руслана шагнула вперед, а Богдана – назад. Между ними будто тянулась длинная незримая спица, и если расстояние сокращалось, ее кончик впивался в нежную кожу бывшей подруги. Она не могла стерпеть эту боль – смесь страха перед «лесной девкой» и отвращения из-за собственного предательства – и бежала от нее.

– Боюсь, – призналась Богдана, опустив глаза стыдливо. – Но еще я помню, что мне ты зла никогда не делала, Руслана. Помню подаренные рукавички из лисьего меха. Помню, как ты меня часто пирожками с мясом угощала и вечерами украдкой разделанных кроликов к калитке приносила.

Руслана почувствовала на себе удивленные родительские взгляды, но виду не подала. Она часто помогала подруге без ведома родных, потому что знала – семья у Богданы небогатая. С охотничьего дома пары кроликов не станется, а подруге радость.

– Может, ты и ведьма. Может, даже ты ту вьюгу наслала. – Богдана заметно помрачнела на этих словах, но потом смело вскинула подбородок и сделала несколько шажков в сторону Русланы. – Но мне ты только добром отвечала. Не смогу смотреть, как палачи твою казнь чинить будут!

Ясные глаза Богданы смотрели прямо и твердо, и Руслане, несмотря на все беды, на душе вдруг стало спокойно и тепло. Все-таки не смогла подруга от нее отвернуться, как бы страшно ей ни было перед «злой ведьмой» лицом к лицу стоять.

– Когда палачи будут здесь? – голос прозвучал на удивление ровно, хотя сердце вот-вот выпрыгнуло бы из груди.

– К полудню. Времени мало. Уходи, пока не поздно. Если палачи твое лицо увидят, скрыться сложнее будет, куда ни беги.

Матушка запричитала что-то, сцепила руки у полной груди. Руслана успела увидеть на немолодом лице влажные, блестящие дорожки, а затем мать упорхнула в другую комнату.

Ну и пусть. Не хочет прощаться, Зорана боится? Пусть!

Но на душе все равно было мерзко. Как дождь размывает дороги, так обида смыла боль и тоску. Так даже лучше. Точно не будет плакать, прощаясь.

– Почему мы должны тебе верить? – Зоран выступил вперед, впервые открыто вмешавшись в разговор.

Богдана, кажется, побледнела еще больше, хотя еще миг назад это мнилось невозможным. Она пораженно, почти с трепетом смотрела на Зорана.

– Княжий слуга, – охнула она совсем тихо и покорно склонила голову. Настолько напугана была, что раньше дозорного не замечала?

– Говори же, – сухо, но твердо произнес Зоран, и даже Руслане стало неудобно. Не просьба – приказ.

– Мне незачем лгать. В ловушку Руслану мне не заманить, ведь не знаю, куда она двинется. Я лишь пришла предупредить об опасности и помочь выиграть время.

Когда Зоран и Руслана переглянулись, Богдана добавила:

– Я останусь здесь, чтобы меня приняли за Руслану.

– Что? – не поверила ушам она. – Зачем?..

– Хочешь, чтобы палачи тебя схватили? – тоном, который обещал отнюдь не веселые приключения, поинтересовался Зоран.

Когда Богдана уверенно кивнула, Руслана засомневалась в том, что девушка в своем уме. Она ведь даже подойти к Руслане боится! Зачем ей подставляться вместо нее?

– Тебя ведь убьют, когда в Хрустале подтвердят, что ты и есть та самая ведьма, – ясные глаза Богданы смотрели неотрывно, а слова ее целили в самое сердце. Руслану пробрало до костей от этого тихого голоса, который говорил абсолютную правду.

Ее убьют, едва она попадется. Палачи не станут ее судить, потому что доказательств – слов свидетелей колдовства – уже достаточно, чтобы свершить казнь.

Раньше она не задумывалась, как все это глупо и нечестно... Косые взгляды и злые языки решают судьбы, пока сам ты не имеешь даже права доказать невиновность. Подтвердить, что ты колдун, – легко. Убедить, что им не являешься, – невозможно.

Был волчонок, станет волк. Зло нужно убивать в зачатке.

Так думали многие в Бирянском княжестве. Так же считала мать Русланы, когда бросила Зорана с уже мертвой Веселиной. Эти же мысли ополчили против Русланы почти весь город.

– Меня не казнят, потому что все в Хрустале подтвердят, что я – не ты. Палачи только время потеряют, – настаивала Богдана все

жестче. Время ведь утекало, а Руслана все так же топталась на месте.

Отец тяжело вздохнул и почесал затылок:

– И что же ты скажешь палачам и своим родителям, Богданка? Почему сидела у нас в избе, а не у себя дома? Не навлечешь на себя беду ли?

– Скажу, что вы пригласили к себе, потому что потеряли Руслану, – предложила подруга. – Якобы расспросить хотели, не видела ли я ее.

– План неплох. – Зоран выглянул в окно, проверяя улицу. Та была пуста, но тревога Русланы от этого никуда не делась. – Так мы еще и с родителей твоих, Руслана, снимем подозрения.

– Не получится. Они сегодня были на ярмарке и купили кобылу.

– Откуда ты знаешь? – в сени вновь влетела Бояна. Раскрасневшаяся, растрепанная. Она подошла к Руслане и что-то вложила в ее ладонь, так уверенно, будто и не было между ними ссоры и недомолвок. Лишь взгляд, которым матушка одарила, – виноватый, ищущий искупления – говорил о сожалениях Бояны.

– Догадалась, – выдавила Руслана. – Увидела, как отец достал сбережения.

Матушка шикнула на отца, покачала головой. Тот что-то буркнул, извиняясь.

Руслана опустила глаза к раскрытой ладони, на которой лежала ладанка – небольшой мешочек из кожи, внутри которого было что-то рассыпчатое. Бесформенное.

– Родная земля, – пояснила матушка. – Будет тебе оберегом.

Руслана не выдержала смотреть, как матушка взволнованно переминается с ноги на ногу и старательно не глядит в сторону Зорана. Все же матушка здесь ради нее. Она смогла переступить через себя. Значит, и Руслане пора. Тем более никто из них не знал, будет ли на это второй шанс.

– Спасибо, – искренние теплые объятия растопили последний лед между ними.

Бояна обхватила дочь руками, покачала, будто пытаясь вернуться в те беззаботные времена, когда Руслана была еще совсем крохой.

– Береги себя, – шепнула матушка и резко разомкнула объятия, словно боялась, что потом этого сделать уже не сможет.

– И вы берегите себя.

Руслана торопливо подняла с пола полупустую суму, в которой были лишь платье, сердцеветы, хлеб да высеченный из орешника олень. Она поправила подаренную отцом шапку, которая и без того сидела как влитая, затянула потуже шнурок на каф-тане.

– Выходит, мне пора, – сказала это, а на душе стало пусто. От родных стен к сердцу будто тянулись тугие веревки, но каждый шаг Русланы обрубал их одну за другой.

Хотелось поскорее оставить эту муку в прошлом, вырваться за дверь и разрыдаться в дороге, зализывая раны. Но путь ей преградил Моймир.

– Возьми еще это, – он протянул ей кошель, не слишком увесистый и наверняка порядком похудевший после покупки коня. Однако и этого Руслане было более чем достаточно.

– Не нужно! Оставьте себе!

Но отец, несмотря на все сопротивление, все равно спрятал кошель в суму Русланы:

– Тебе нужнее. В дороге каждая монета до-рога.

Зоран молчаливо кивнул. Матушка старалась держаться от дозорного как можно дальше, но тоже согласно тряхнула головой. И даже притихшая Богдана выступила вперед:

– Моймир дело говорит. Не отказывайся от подарков, Руслана.

Сказала это и вдруг достала из-под платка и протянула к ней, держа на раскрытых ладонях, серебряный клинок. Короткий нож был аккуратным и тонким, как линия, в которую превратились губы подруги. Она поджала их, надеясь скрыть дрожь.

– Зачем? – только и выдохнула Руслана, пораженная.

– Нож этот – оберег. Уже много лет он от матери к старшей дочери в нашей семье передается. От любых злых сил защищает, любое колдовство рушит, – стыдливо глядя в пол и не опуская протянутый подарок, пояснила Богдана. – В пути тебе могут всякие духи встретиться, и не все они друзьями будут.

Руслана невольно мельком глянула на матушку. Нет, она сдержалась, не посмотрела на Зорана, пусть и сгорбилась вся и сжалась, как щепка.

– Я не могу принять твой подарок. Это ведь семейная реликвия.

Богдана порывисто вложила рукоять в ладонь Русланы и тут же пугливо отскочила.

– Бери, – сказала, опустив глаза. – Этот нож моей прапрабабке достался так же, как тебе достается от меня, – он из одной семьи для защиты перешел в другую.

Руслана не верила в услышанное. Такой тонкий, изящный нож! Чистый металл ловил каждый лучик солнца и блестел в нем ярче новорожденных звезд. Неужели ему уже столько лет?!

– Что же... Спасибо, – Руслана улыбнулась, как смогла, и все же приняла подарок. Спрятав нож за пояс, она так и не решилась обнять Богдану, как и та не осмелилась сделать это первой.

Она сняла с полки свой ясеневый лук и колчан со стрелами, оглянулась на всех, собравшихся в сенях. Поклонилась и, ничего больше не говоря, шагнула к двери. Уже приблизившись к порогу, она услышала голос отца, обращенный вовсе не к ней:

– Зоран, помнишь, ты мне говорил, что за спасенную жизнь однажды окажешь услугу? Любую, какую попрошу.

– Помню и не отказываюсь от своих слов.

Взгляд метнулся на матушку, и в этом безмолвном диалоге их чувства наконец-то стали едины. Обе знали, о какой услуге попросит Моймир, и обе этого не желали. Пусть каждая – по своей причине.

– Отец, не надо! – Руслана бросилась обратно, в центр сеней, и встала между Моймиром и Зораном, покорно склонившим голову.

– Отойди, Руслана. Я сам разберусь, что стоит делать, а что нет, – не зло, но жестко ответил он и обошел дочь.

– Это эгоистично! – не унималась она и снова возникла перед суровым ликом отца. – У него ведь служба, дом...

– Руслана, не влезай, – на этот раз говорил уже Зоран. От его холодного тона стало зябко, и Руслана отшатнулась от дозорного так, будто он толкнул ее в плечи. – Я знаю цену словам и клятву не нарушу. О чем бы ни попросил твой отец, я это выполню, потому что обязан ему жизнью.

– Ему! Но не мне!

Стоило прикусить язык, стоило покорно молчать и не влезать в мужские разговоры о клятвах. Тем более от Русланы только отмахнулись, как от назойливого комара.

– Ох, что будет... Что будет, – причитала матушка, едва не плача. Ее, как могла, тихим шепотом утешала Богдана.

В воспоминаниях Русланы материнским голосом прозвучало: «Неисполненная последняя воля так же опасна, как нарушенная клятва». Как же так вышло, что в ее судьбе все переплелось?

– Зоран, я прошу тебя защищать Руслану и помогать ей, пока ее путешествие не завершится.

Руслана едва не схватилась за голову. Просил отец, но ощущение, будто цепи на Зорана накидывает она сама, было таким острым, что хотелось выть в голос.

– Не надо, – шепнула она, – не соглашайся, Зоран!

Кажется, о том же молила матушка. Но Зоран уже поклонился Моймиру, прижал ладонь к сердцу.

– Клянусь, – сказал он так легко и смело, будто не вверял себя в слуги едва знакомой девице.

Руслана выскочила из избы, не находя там себе больше места. В спину долетел надрывный плач матушки и звонкое прощание Богданы. Отец о чем-то напутствовал Зорана, от которого хотелось сбежать как можно скорее, как можно дальше. Она не желала того, о чем просил Зорана отец. Не хотела, чтобы чья-то жизнь танцевала вокруг ее собственной судьбы.

– Это неправильно, – бормотала под нос Руслана, бегом пробираясь через снег к хлеву. – Так нельзя!

Раньше здесь жила Рожка, но вместо коровы в хлеву Руслану встретила рыжая кобылица. По виду – нестроптивная, молодая, полная сил. Седло, поводья, узда, удила – все было на месте. Кто-то заботливо снарядил лошадь в путь. Руслане оставалось только запрыгнуть на хребет и скакать, скакать прочь.

– Неужто научилась ездить верхом, пока болела?

Она обернулась на голос Зорана, несколько не удивившись, что он последовал за ней. Волею отца так будет еще не один день...

– Я не выходила из избы, пока болела. Не знаю, на что матушка с отцом рассчитывали, когда решили купить мне лошадь. Я ведь не ездила верхом никогда, да и коней, если честно, побаиваюсь.

Зоран приблизился, встал бок о бок с Русланой и, так же как и она, уставился на лошадь, что лениво жевала сено.

– Боишься? – с недоверием переспросил он. Руслана без лишних слов поняла, что Зоран вспомнил о своем Князе. Похоже, конь был очень дорог его сердцу.

– Да. Не знаю, на что я рассчитывала, когда собиралась твоего Князя... Хм... Одолжить. Матушка рассказывала, как одного мужика конь в живот лягнул. Бедняга скончался в муках.

– О, – только и выдохнул Зоран, пока Руслана смотрела на кобылу и пыталась усмирить свои страхи.

– А еще, если коню еду неправильно подать, говорят, он пальцы откусить может...

– А если долго стоять на месте, поговаривают, можно на костре сгореть, – безобидно произнес Зоран, но Руслану передернуло от ужаса. – Чего смотришь? Выбирай, что страшнее – конь или палачи?

Руслана исподлобья глянула на лошадь, потом на Зорана, а затем мотнула головой, крепко зажмурившись.

– Нет. Не сяду на лошадь! Не могу!

– Ездить верхом совсем не сложно. Я покажу, ты быстро научишься.

– Не в этом дело! – в сердцах бросила она и метнулась на улицу. Зоран ринулся следом. – Я не могу на этой лошади уехать, иначе палачи точно родителей заподозрят! Скажут, что помогли ведьме сбежать, а значит, тоже наказания заслуживают!

Они оставили хлев и кобылу позади, бегом направились к калитке, у которой ждал Князь.

– Да и деньги, – бормотала Руслана, – отец ведь все последние монеты мне отдал! Пусть эту лошадь обратно продадут, хоть жить на что будет. Лучше я пешком пойду, чем...

Сначала она решила, что ей показалось. По улице подобно ручью лилась песня. Издали она звучала еще совсем тихо, напоминая еле различимое журчание первых хрустальных змеек весной. Но мелодия звенела отнюдь не скорым теплом и радостью проснувшейся жизни.

Это были тяжелые напевы, от которых кровь в жилах леденела. В стройном хоре голосов, что нес ветер, Руслана еще не могла различить слов, но мелодия звучала как поздняя осень, как закат, когда небо затянуто тучами, как шорох вороньих крыльев.

Эта песня звучала как смерть.

– Полезай на Князя! – приказал Зоран, уже подсаживая Руслану на коня. – Держись!

Он вскочил следом и пятками ударил коня по бокам. Руслана подавила вскрик от неожиданного рывка и что есть мочи схватилась за

поводья, ища хоть какой-то опоры. Из-за лука, что висел за спиной, Зоран не мог сидеть к ней слишком близко, и потому ощущение опоры и защищенности, какое было в их прошлую поездку, в этот раз не успокаивало встревоженное сердце.

– Держи крепко, – напутствовал Зоран, и голос его заглушил тревожные распевы, что становились все ближе к родной избе. – Вот так, молодец. Когда нужно будет повернуть, просто потяни с той стороны. Смотри...

Он показывал, как обращаться с поводьями, и это казалось таким неуместным сейчас, когда за ними шла охота. Хотя Руслана догадывалась, что так Зоран просто отвлекает ее внимание, чтобы эмоции не вырвались в самый неподходящий момент.

И все же она обернулась. Одной рукой придерживая волчью шапку, Руслана в последний раз посмотрела на низенькую избенку с яркой, как рябина на снегу, крышей и резными наличниками. Родители не вышли на улицу, чтобы проститься, но Руслана знала, что прямо сейчас они смотрят на нее сквозь окно.

Матушка наверняка заливалась горячими слезами и молилась всем хранителям, чтобы они даровали Руслане защиту от «беса», с которым она теперь связана. Ну а отец... Он точно опомнился, что дочка ускакала, а новая кобыла осталась в хлеву. Злится, небось, жутко.

– Они справятся, – прозвучал над ухом голос Зорана. Он говорил мягко, почти заботливо, пытаясь успокоить... Но сделал только хуже.

Руслана всхлипнула, но тут же стиснула челюсти, пытаясь запечатать боль в себе, не дать ей вырваться наружу. Она сморгнула непрошеные слезы и снова обернулась – нужно увидеть палачей, она должна знать врага в лицо! Но частые домики уже скрыли за собой охотничью избу, столпились, пряча и палачей, пришедших за Русланой.

Мимо проносились и редели соседские дома, а вот люди по пути почти не встречались. А может, они просто прятались, издали завидев «лесную девку» и ее «слугу».

Город таял, как слезы на щеках Русланы, пока лес, стеной подпирающий Хрусталь, наоборот, становился все ближе.

Глава 6

Незабудки и осока

Ветви сомкнулись над головами плотной зеленой крышей, сквозь которую лишь кое-где тонкими нитями пробивалось солнце. В стекающих струях света медленно кружились искры снежинок, что падали с пушистой хвои под легким дуновением ветра.

Лесная тишина была привычна для Русланы, но даже она сейчас не успокаивала. Вслушиваясь в каждый шорох, рожденный зверем или духом, она боялась различить топот копыт или мелодию голосов, поющих пугающие строки о каре и смерти.

– Как думаешь, палачи не тронут моих родителей?

Зоран шел чуть впереди и вел Князя под уздцы. Руслана, сгорбившись и боясь шелохнуться, сидела в седле – Зоран настоял. Мол, так девушка быстрее к верховой езде привыкнет. К тому же двигаться в лесу галопом было сложно, да и опасно, хотя в самую чащу они не заходили. Зоран отнекивался всякий раз, стоило Руслане предложить свернуть в глубь леса.

– Ты сделала все, что могла для их безопасности. – Зоран переступил через поваленное деревце, отодвинул ветку, что тянулась к его задумчивому лицу. – Теперь лучше о себе волнуйся.

Руслана сверху вниз посмотрела на Зорана, все еще до конца не веря, что теперь юноша связан с ней клятвой. Он не казался расстроенным или опечаленным, будто навязанная служба его нисколько не тяготила.

– Мне жаль, что так вышло, – искренне поделилась Руслана и стыдливо отвела глаза. Она все еще чувствовала себя виноватой. – Прости, Зоран. Я не хотела, чтобы ты...

– Прекрати, – сказал он так резко, что девушка чуть не рухнула с седла. – И больше никогда не извиняйся за то, в чем нет твоей вины.

О нет, Зоран. Вина ее была хотя бы в том, что послушалась матушку. Если бы Руслана прогнала дозорного, тот бы не сумел встретиться с Моймиром и не стал заложником старых обещаний.

– Но твой дом, служба...

– Пустое, – отрезал Зоран и умолк.

Руслане показалось, что пальцы его чуть сильнее стиснули кожаные уздцы, а на скулах заходили желваки. Мрачный, отстраненный, сейчас он напоминал вечерний туман, в дымке которого невозможно разглядеть, что кроется за призрачной стеной.

«Байстрюк. Сын покойника», – шепнул то ли ветер, то ли голос матушки в воспоминаниях, но Руслана не испугалась.

– Не печалься обо мне, Лучница, – сказал Зоран после долгого молчания. Ему будто было совестно за резкий тон, каким он заставил Руслану прикусить язык, и теперь парень пытался загладить вину толикой откровенности. – На службу мне сейчас все равно возвращаться было бы опасно. Многие ведь узнали, что я Войко ищу, тебе помогаю. Может, оно и к лучшему, что нас теперь общая цель объединила?

«И клятва», – Руслана не стала озвучивать эту мысль, но усмехнулась ей горько. Зоран это услышал, обернулся недоуменно.

– Чего смешного? Ты докажешь, что не ведьма, а я – что не околдован тобой. Войко вернется домой, я на службу, все будут довольны и счастливы.

– Обязательно, – кивнула Руслана, а сама подметила – Зоран ничего не сказал про дом и возвращение к родным.

Спросить об этом она не решилась – не придумала, как подступиться с таким вопросом. Это ведь наверняка личное. Почему же Зоран по дому не тоскует?

Руслана обернулась, сидя на Князе, посмотрела на цепочку следов, что почти ровной линией убегала за край холма. Они двигались вдоль леса, который тянулся полосой. Бестолковое занятие.

– Не лучше ли нам все-таки срезать через чашу? Циркон ведь так же, как и Хрусталь, с лесом граничит?

– Граничит. Просто с другой стороны.

– Вот! Нужно срезать!

Зоран молчал. Лишь снег скрипел под его сапогами.

Руслана шумно втянула носом морозный воздух, напитанный еловой свежестью с кислыми ягодными нотками. Что за пустое упрямство?

– Нам нет смысла огибать лес, – спокойно разъясняла она, – это несколько дней пути против одного или двух, если срежем через чашу.

– Зато так безопаснее, – настаивал Зоран тоном, не терпящим возражений. И Руслана бы обиделась на столь грубую речь, если бы спутник не добавил: – Я ведь не только за свою голову отвечаю. Я должен защищать тебя, так что, будь добра, не мешай мне это делать.

Зоран не обернулся, не посмотрел на Руслану, но невозмутимость его треснула. Спина уже не была такой ровной, шаги стали шире, резче.

Не выдержав, Руслана вопреки своему страху на ходу сползла с Князя. Она едва не рухнула в сугроб, но все же удержала равновесие. Лишь теперь Зоран остановился и посмотрел на нее со смесью усталости и темного предвкушения грядущих споров.

– Я ведь хорошо знаю лес, – опередив Зорана, Руслана заговорила первой. Она выбралась из сугроба, но демонстративно осталась стоять на месте. По пути, выбранному Зораном, она и шагу больше не сделает, пока они не поговорят. – И в чаще не раз бывала. Умею добывать дичь, разводить костер и находить дорогу. Чего ты боишься?

Лишь едва уловимая тень, скользнувшая по лицу Зорана, выдала его волнение. Руслана же цепко смотрела в потемневшие от тяжелых дум зеленые глаза и ждала.

– Я верю в твои умения, охотница. Но есть вещи страшные, необъяснимые...

– Ты о духах, что ли? – вскинула темные брови Руслана и с удивлением отметила, как едва дрогнули пальцы Зорана, лежащие на рукояти меча.

Он боится навьих духов?..

Зоран вымученно посмотрел на Руслану, и в малахитовых глазах она прочитала немую мольбу. И она была готова поддаться, проиграть Зорану, сделать так, как он просит. Но земля вдруг задрожала, и сразу отовсюду, отражаясь эхом и быстро набирая мощь, полилась темная, как вода на дне колодца, песня:

Над далекими лесами,
В небе темном, словно ил,
Мы восславим человечность,
Колдовство рассеем в пыль!

Эту песнь мы запоем,

разожжем скорей костер,
И да будет предана плоть колдунья
для огня!^[2]

Зоран метнулся к Руслане. Она даже моргнуть не успела, а он уже посадил ее на коня и сам запрыгнул следом. Князь недовольно зафырчал, уставший, но жалеть его было некогда. Палачи нашли их по следам.

– Нет! – Руслана не позволила Зорану взять поводья. Отринув страх, сама решила вести Князя. – Ты нас к гибели приведешь! Нельзя по прямой и дальше идти!

Зоран скрипнул зубами, но спорить не стал – и так ясно, на чьей стороне правда. Он лишь положил свои руки поверх ладоней Русланы, которыми она вцепилась в поводья, и ударил пятками в бока Князя.

– Веди. Я помогу, если потребуется, – услышала она сквозь лошадиное ржание и смело кивнула.

Прорываться в глубь леса по снегу, сквозь густые кустарники было страшно до головокружения. Дыхание замирало на губах всякий раз, стоило Князю едва не слететь в овраг или прыжком пересечь поваленные деревья. Снег взметался в воздух, а голоса все пели-пели, гоня беглецов все дальше, в глушь.

Ладони Зорана лежали поверх рук Русланы, и стоило ей замяться хотя бы на миг, испугавшись, он действовал вместо нее. Решительно, резко он направлял Князя по узким тропам, сквозь сугробы и вопреки своим страхам.

Пение и гул погони стихли, только когда сугробы почти сровнялись с землей. Остался лишь тонкий слой белоснежного покрывала, не тронутого ни людьми, ни зверьми. Зоран уже крепче сжал поводья ладонями Русланы, готовясь дать новую команду Князю, но она его остановила.

– Смотри, – выдохнула густым белым облаком. – Земля чуть колышется.

Князь замер на месте. Зоран молчал, вглядываясь в вовсе не безобидную поляну. Местами снег редел, и сквозь него виднелось что-то темное, но вовсе не земля.

– Это чаруса, – пояснила Руслана и заерзала, пытаясь слезть с коня. Зоран вновь спрыгнул первым и помог девушке. Она осторожно, щупая землю ногой, прошла чуть вперед и замерла на краю бездонной трясины, укрытой ковром болотных трав.

Руслана огляделась и поняла, что вокруг не осталось деревьев, кроме осин. На тонкоствольных, но раскидистых деревьях облетели еще не все ярко-пламенные листья. Они дрожали от ветра, сбрасывая с себя снежные накидки.

Вот теперь точно стало не по себе. Это место внушало тревогу ничуть не меньше, чем палачи, наступающие на пятки.

– Зоран, – позвала Руслана, медленно пятясь от болота. – Мы оставили на въезде в лес угощение для духов и Борового? У меня с собой хлеб был...

– Почему спрашиваешь?

Руслана торопливо подбежала к Князю, к седлу которого была привязана ее сума. Она и так знала, что увидит, когда развяжет узелок. Хлеб был на месте.

– Проклятье, – простонала Руслана и тут же прикусила язык. Нечего беду кликать, когда и так стоишь с ней лицом к лицу. – Духи гневаются, что мы в лес без подношений пришли.

– С чего ты взяла? – пытаясь сохранять твердость голоса и духа, спросил Зоран. Он взял Руслану за локоть и в очередной раз потянул к лоснящемуся боку Князя, чтобы помочь забраться на хребет коня. – Уедем и все тут. Давай скорее...

И хоть он пытался казаться скалой, какой клялся стать для Русланы перед ее отцом, но девушка слышала, как подрагивает его голос. Зоран боялся ничуть не меньше ее самой.

– Не выйдет. – Руслана мягко высвободилась из рук Зорана. – Смотри. Это осины. Отец учил, что они – проклятые деревья, растущие в проклятых местах. Говорят, через осиновую древесину злые духи себе ход из Нави прогрызают и селятся в рощах. Там-то трепет листвы их присутствие и выдает. В тени осин нельзя прятаться ни от солнца, ни от дождя, и в дом их древесину лучше не приносить. И мы здесь, уверена, оказались не просто так.

– Это потому что мы забыли про угощение?

– Не только. – Руслана кивком указала за спину Зорана. Там из тени осинок показался знакомый низкорослый силуэт.

– Охотница пришла вернуть долг, – осклабился аука широкой острозубой улыбкой и засмеялся, когда Зоран в один миг оголил клинок.

Он вышел вперед, закрывая собой Руслану, принял оборонительную позицию и выставил меч перед собой. Смех ауки напоминал скрежет металла. То острые зубы стучали друг о друга, пока дух надрывал хохотом живот.

– Не в того клинком тычешь, – хихикнул хитрый дух.

– Сгинь, – сквозь зубы прорычал Зоран. Свободной рукой он потянулся к своей шее. Руслана могла лишь догадываться, для чего, однако не сомневалась – Зоран коснулся орешниковой подвески-оберега.

– Я не с тобой говорить пришел, – больше не улыбаясь, дух уверенно вышел из тени осин.

Он вовсе не боялся ни Зорана, ни его меча, которым юноша вполне мог разрубить ауку пополам одним махом. Дух в лживой застенчивости свел руки за спину и наклонился играючи, будто ребенок.

– Охотница-а, – протянул ележно. – Пора вернуть должок. Я свою часть сделки выполнил. Твоя очередь!

Руслана попыталась выйти из-за спины Зорана, но защитник оказался упрям. Он выставил перед ней руку, не позволяя приблизиться к духу. Аука умиленно заулюлюкал, но Руслана не позволила духу вывести ее из себя.

– В прошлый раз ты меня обманул, – произнесла она, как могла ровно. Зоран не сдвигался с места, поэтому пришлось впервые ощутить себя знатной девицей и говорить из-за плеча стража. – Я хотела подсказку, где Войко, а ты...

– Охотница сама ошиблась, – затараторил дух, и черные, маслянистые глаза его блеснули раздражением. – Это люди способны врать и обманывать, нарушать клятвы и сделки и сбегать. Но духи – никогда. Я исполнил твою просьбу, и не моя вина, что ты неверно ее истолковала.

Все в Зоране – от напряженной спины до позы, что стала чуть менее уверенной, – говорило, как остро он желает обернуться, посмотреть в глаза Русланы. Дух не врет? Она правда заключила сделку?

Она тяжело вздохнула и сказала единственно верные слова:

– Ты прав. Я ошиблась. Но сейчас неподходящее время для решения сделок и возврата долгов.

– Знаю-знаю, – замахал грязными ладонями дух, точно отменяя от себя слова Русланы. – За вами гонятся эти гадкие чародеи.

Аука скривился, будто съел горсть кислой жимолости. Руслане показалось, что после того, как аука упомянул палачей, лес зашевелился, зашумел. В тенях заблестели десятки пар глаз, но быстро потухли, снова спрятавшись.

– Именно поэтому сейчас для твоей услуги – самое время.

За спиной раздался плеск. Охотничьи инстинкты действовали безукоризненно, и когда Руслана обернулась на шум, в руках ее уже был готовый к выстрелу лук. Натянутая тетива дрожала, как и девушка, в чье сердце метила стрела.

– Не надо! – слетело с бледных, почти синих губ. Светлые, но мутные глаза смотрели прямо на Руслану и молили о пощаде.

На выдохе она сняла стрелу с тетивы, опустила лук и лишь тогда ослабила натяжение. Омутница взволнованно схватилась за грудь, точно успокаивая испуганное сердце. Только вот Руслана знала, что оно давно не бьется.

– Хочешь скормить нас своей подруге?! – гневно выкрикнула она. – Не удивлюсь, если сюда нас вовсе не палачи загнали, а ты, ушлый дух!

Она повернулась лицом к ауке, оставив омутницу позади. Зоран тут же сменил позицию, встал спиной к спине с Русланой, чтобы не упускать из вида утопленницу. В этом не было смысла, ведь сама омутница к суше подобраться не могла, потому обычно и заманивала заблудших сладкими речами да красотой. Только говорить об этом Зорану сейчас не было вре– мени.

– Скормить? Ей?! – оскорбился аука.

Руслана поняла, что сказала глупость. Ауки ведь редкостные обжоры. Если бы и просил еду, то для себя.

– Тогда зачем мы здесь? – выкрикнул Зоран, который хоть сейчас был готов кинуться в бой, но ждал знака от Русланы.

Обида сползла с морщинистого лица духа, как вторая кожа. Он хитро сверкнул зубами в подобии улыбки, и Руслана окончательно убедилась.

– Никаких палачей ведь в лесу не было... Это твое колдовство нас обмануло!

– Не было, – сдался дух. – Но скоро будут.

– Будут-будут, – эхом тонко пропела омутница, которая, свесив ноги, сидела посреди болота на гниющем бревне.

– Следы прямиком к вам чародеев приведут, – стращал аука. – Их ведь никто не замел...

– При чем здесь она? – Руслана махнула рукой на утопленницу. Та длинными тонкими пальцами расчесывала темные волосы, убранные осокой и незабудками. Влажные пряди доходили до белых колен и чуть вились на концах.

Заметив взгляд Русланы, омутница острозубо улыбнулась. Утопленница была бледна, будто в теле ее не осталось ни кровинки, и абсолютно нага. Она медленно расправила плечи, убирая волосы с аккуратной груди. Кончики длинных ногтей скользили по холодной коже, заставляя капли воды катиться вниз по красивому, но мертвому телу.

Зоран, чья стойка была тверда, вдруг начал мяться, топтаться на месте. Спина его коснулась плеча Русланы. Омутница звонко рассмеялась, и несколько птиц вспорхнули с ближайших к чарусе осин.

– Милый мальчик! Ах, так ты никогда не видел настоящей женской красоты! Не купался в девичьей ласке, не нырял в это тепло, – томно, тягуче проворковала покойница. – Зачем тебе грубая охотница, которая сама не умеет, не знает, как дарить наслаждение? Иди ко мне. Останься со мной...

– Еще слово, и я тебе горло насквозь прошью, – прорычала Руслана, и тетива натянутого лука вжалась в ее губы.

Та лишь звонко захохотала. Из мутных глаз исчезла притворная томная сладость и поддельное желание.

– Шучу, – махнула фарфорово-бледной рукой омутница. – Ни ты, ни твой нареченный страж мне не нужны.

Руслана бы смутилась, если бы не знала хитрую природу духов. Все норвят запутать речами да от сути увести.

– Так для чего мы здесь? – сбивчиво спросил Зоран, и, даже не видя его лица, Руслана поняла, что юношу слова омутницы равнодушным все же не оставили. – И при чем тут палачи?

– Я дружна с ветром и могу помочь спрятать следы. Но взамен кое-что потребую, – без былой сладости в голосе и плавности в движениях утопленница одной рукой оперлась на край бревна.

– Новая сделка? – крепче стиснув рукоять лука, вспыхнула Руслана. – Ну уж нет! Хватит с меня!

– Не новая, – напомнил о себе аука. Руслана опустила глаза на его голос и заметила, что тот подкрался к ней, отвлеченной, вплотную.

Она вспомнила все истории, рассказанные матушкой, о том, как духи съедали нарушивших сделку бедолаг. Несмотря на теплый кафтан и волчью шапку, стало холодно.

– Твоя часть сделки, Охотница, – это помощь Морошке.

– Помоги, Охотница, – ласково протянула омутница, которая в человеческой жизни носила названное аукой имя. – А я помогу тебе и твоему стражу.

Зоран коротко оглянулся на Руслану. Он был так же сбит с толку, как и она.

– Не понимаю, – качнула головой девушка. – К чему тебе, навъему хитрому духу, просить за омутницу?

– Ты зря мелешь языком, но, вижу, пока не получишь ответов, и с места не сдвинешься, – аука исподлобья посмотрел на Руслану, и ей показалось, что дух вот-вот подпрыгнет и укусит ее за нос. – Упрямая Охотница!

– Вы тянете время, – нетерпеливо напомнила Морошка. – Чародеи скоро подойдут к лесу.

– Откуда ты знаешь? – спросил Зоран.

– Ветер красиво поет, – улыбнулась омутница. – Но я не смогу попросить его о помощи, пока вы не поможете мне.

Тогда Руслана впервые посмотрела на Морошку внимательно. Не на ее острые зубы и пугающие глаза, не на тонкое бледное тело и мертвые цветы в волосах. Ее взгляд скользнул к ногам, ниже колен покрытым чешуей.

Одна нога Морошки была закована в ледяные кандалы. Холодный хрусталь крепко обнимал тонкую лодыжку, уходя под воду.

– Освободи меня, – попросила омутница и подняла закованную ногу над водой. Она растопырила белые пальцы, и между ними натянулась молочного цвета перепонка. – Это нам всем выгодно.

Руслана не торопилась кидаться на помощь утопленнице. Ее настораживала новая сделка и обещания омутницы призвать на выручку ветер. Но и Морошка, и аука смотрели на Руслану с надеждой и нетерпением. То были вовсе не голодные взгляды изголодавшихся хищников, а взоры напуганных человеческими голосами зверей.

– Вы боитесь палачей, – догадался Зоран. Руслана тоже это поняла:

– А наши следы охотников и к вам приведут. Вот к чему эта сделка.

– Это не сделка, – омутница едва не шипела, раздраженная нерасторопностью помощников. – Это... Как там говорится у людей?

– Взаимовыгодный союз, – услужливо подсказал Зоран.

Руслана понимала, что вариантов у нее всего два – помочь Морошке или умереть. Однако все равно медлила. Пыталась нащупать в словах духов, в их поведении намек на обман.

– Я истосковалась по подругам, – хныкнула Морошка, – не могу из-за проклятых цепей Мороза нырнуть в эти воды, а вынырнуть в других. Не могу, скованная, говорить с Ветром на равных. Не могу спасти ни себя, ни кого-то еще.

Аука жалобно покачал лохматой головой, Зоран чуть опустил меч. Слезы утопленницы растрогали даже Руслану, но она была не так доверчива.

– Тебя сковал сам Мороз. Откуда мне знать, за что? Вдруг твое наказание справедливо?

– Меня наказали за глупость, – с обидой поделилась омутница и склонила голову в наигранной печали. – Но тебе о ней не расскажу. Нет-нет, не расскажу. Кто знает, что Мороз сделает, если узнает про мой слишком длинный язык?

Почувствовав на себе взгляд Зорана, Руслана поняла, что и он не ведает, о чем речь. Однако спрашивать было уже некогда.

– Тихо! – омутница вдруг подняла ладонь, прося всех умолкнуть, и сосредоточенно вслушалась в повисшую тишину. Ветер промчался меж деревьев и затих, а Морошка будто стала еще бледнее. – Они идут, – сказала она едва слышно. – Идут за нами.

Устав ждать, напуганный аука пнул Руслану по пятке. Ощущалось это, как удар отлетевшего с дороги камешка.

– Иди уже! Вытащи Морошку из цепей! – приказал аука. – Иначе нас всех здесь...

– Руслана, не смей, – встрял Зоран и снова вырос перед ней, как щит. – Я обещал защищать тебя, поэтому сам пойду к Морошке.

Она вспомнила, как утопленница зазывала Зорана в болото, а тот размяк, растерялся, как мальчишка. Нет, не только Зоран в ответе за Руслану, но и она за него. И плевать, что клятв охотница никаких не давала.

– Я сама пойду, – твердо сказала она и вручила Зорану свой лук и колчан. От того, как резко она впихнула оружие ему в руки, парень на несколько мгновений потерял дар речи.

Повернувшись уже к духам, Руслана произнесла:

– Вы должны поклясться, что это не ловушка. Что не тронете ни меня, ни Зорана.

– Дура городская! – выплюнул аука так ядовито, что Руслана невольно ощутила укол обиды. – Наши жизни на кону, а ты тележишься!

– Что? – горько рассмеялась омутница, глядя в озадаченное лицо Русланы. – Удивлена, что мы тоже чего-то боимся? Так вот знай, Охотница, ты бежишь от людей, что куда опаснее духов, от которых сейчас стараешься защититься и тянешь время. Когда те люди нагонят тебя, поймают заодно и нас, – Морошка коснулась ладонью груди, кивнула на ауку, а затем широким жестом обвела рукой лес. Она говорила не только о них с аукой, но и о других духах. – Они предадут нас огню, который зовут «очищающим». Из обугленных костей изготовят порошок для яда, которым смазывают оружие. На вырванных зубах высекут руны и сложат в кожаный мешочек, что будут носить на поясе. Из пепла сотворят снадобья, которыми станут травить таких же невинных, как ты, пытаясь получить признание в несуществующих грехах. О, Охотница! Неужели ты думала, что духи – зло большее, нежели люди, творящие чары, сотканые из смерти?

Руслана хотела бы думать, что омутница лишь запугивает ее, но видела этот животный страх в белесых глазах. Слышала, как дрожит голос той, что боялась умереть вновь. В этот раз – мучительно и окончательно.

Руслана не хотела представлять, как ее тело, сожженное, измученное, разделенное на кусочки, станет пеплом в бутылке с ядом.

Как ее зубы лягут в кучку чужих. Она до тошноты боялась *такой* смерти и того, что ждет после нее. Не хотела оставаться неуспокоенной душой, разорванной на клочки и призванной стать источником черной магии.

И они смеют звать себя палачами?! Смеют верить, что истребляют зло, хотя сами являют собой его уродливый лик?!

– Шевелись, Охотница, – в очередной раз поторопила Морошка. – Если откажешься помочь, живой ни тебе, ни нам не уйти.

В этот момент аука будто невзначай щелкнул зубами, но Руслана поняла намек. Если попытается улизнуть, не вернув долг, ее убьют не палачи, а духи.

Под внимательными взглядами трех пар глаз она шагнула в сторону болота, но остановилась прежде, чем Зоран успел поймать ее за запястье.

– Все равно. Обещайте, что после того, как мы поможем, вы нас не тронете, – попросила она упрямо.

Аука зашипел недовольно, но все же проворчал:

– Даю слово. И в отличие от слова человеческого, это ценное обещание. Нерушимое.

Руслана довольно кивнула и повернулась к Морошке. Та так и сидела на бревне, водя кончиками пальцев по черной воде, что больше не пряталась под тонким слоем льда.

– Я и не собиралась вас трогать, – пожала плечами омутница. – Тебя, Охотница, все духи в лесу знают. Ты с детства к нам приходишь и всегда оставляешь угощения.

– Сегодня я забыла о подношении, – не то с сожалением, не то с подозрением напомнила Руслана.

Омутница на это только фыркнула:

– Духи и лес помнят твою доброту. Тебя никто не тронет, если соглашение не нарушишь. Как пройти ко мне по болоту, я подскажу.

Почувствовав себя чуть более уверенно, Руслана расправила плечи. Не зря отец научил, как себя в лесу вести, как общаться с его обитателями, даже если те глазу невидимы. Но Руслана пришла не одна. Ни на миг она не забывала о юноше, что должен был ее защищать, но по странному велению судьбы теперь сам от Русланы зависел.

Она знала, чувствовала, что Зоран боится духов. Он храбрился, пытался не показывать слабость, но Руслана нутром ощущала – что-то его страшит. Недаром Зоран долго противился тому, чтобы в чащу идти. Не просто так его хватка слабла, стоило на Морошку взглянуть.

– А он? – Руслана указала на Зорана, когда тот уже вцепился в ее руку чуть ниже локтя. Пытался оттянуть от чарусы подальше, но Руслана отступать и не думала. – Его вы не знаете, но тронуть его не позволю. Обещайте, что не обидите Зорана!

Омутница скучаяще посмотрела на парня, что стоял плечом к плечу с Русланой. Храбрился, понимала она, хотя мечтал сбежать.

– Он пропах ду`хами, – Морошка отвернулась от Зорана, как покупатель на рынке – от протухшего мяса. – Мне он неинтересен.

– Ты звала его в болото! – напомнила Руслана, ощутив, как необъяснимый жар, зародившийся под ребрами, поднялся к коже и лизнул щеки.

– Я шутила! Мне было просто скучно. Твой защитник, – утопленница хмыкнула, – мне ни к чему. Клянусь.

– Клянусь, – эхом повторил аука, и только тогда Руслана удовлетворенно кивнула.

Что значат слова Морошки о том, что Зоран «пропах духами», Руслана догадывалась. Помнила рассказ матушки, и потому по коже теперь гулял противный холодок. Что, если Бояна не ошиблась? Что, если Зоран и правда человек лишь наполовину?

«Да какая разница! – отрезвляюще пронеслось в голове. – Он не дал ни единого повода сторониться себя! Если стану его без причины бояться, чем лучше матушки буду?»

Руслана протянула Зорану промерзшую до кончиков пальцев, но твердую руку, раскрытой ладонью вверх:

– Одолжи меч? – Она не смогла взглянуть ему в глаза, пристыженная собственными трусливыми мыслями. Потому не увидела, как выгнулись брови юноши в удивлении, что тенью залегло меж малахитовых прожилок радужки. – Нужно чем-то сломать оковы. Мой лук слишком легкий и тонкий – не подойдет, а нож Богданы против льда все равно что иголка. Бесполезно.

Не сразу, но все же послышалась песня металла, на время прощающегося с ножнами. Зоран вложил рукоять меча в ладонь

Русланы, накрыл ее руку своей, сжимая пальцы девушки вокруг холодного же– леза.

– Не урони.

– Еще чего, – хмыкнула Руслана, затолкав страх куда подальше.

Вот ведь глупая. Как можно бояться того, кто поклялся тебя защищать? Она все же осмелилась поднять взор, и тогда кривая усмешка слетела с губ. Зоран смотрел в ее глаза серьезно, взволнованно.

– Может, все же останешься на берегу, – предложил он и потянулся обратно за своим клинком. Почти коснулся пальцев Русланы, чтобы забрать рукоять, но она спрятала руку с мечом за спину.

– Сделку я заключала, мне и отдуваться.

– Я обещал...

– Защищать меня, помню. Но ты сам все слышал. Духи меня не тронут.

Зоран всего на миг над плечом Русланы глянул на Морошку, и его лицо едва уловимо переменилось. Руслана знала этот взгляд. Так Лета смотрела на собак, которых до жути боялась после того, как одна из них укусила ее за ногу. Так Руслана наверняка смотрела на новую кобылу в хлеву родного дома.

– Умеешь стрелять? – спросила она, вспомнив об утекающем времени. Дождалась кивка Зорана, а затем попросила: – Тогда будь готов это делать, если что-то пойдет не так.

Сказав это, она уверенно развернулась к Морошке и крикнула:

– Я готова!

– Наконец-то, – проскрежетал аука где-то за спиной.

Омутница поманила белоснежной рукой и предупредила:

– Делай, как я говорю, если не хочешь упасть в болото. Поняла?

– Да. – Пальцы крепче обхватили металл, и Руслану вдруг пронзило странное чувство. Ей показалось, что вместо рукояти она сжимает ладонь Зорана.

– Будь осторожна, – напутствовал он, когда девушка обернулась, прежде чем сделать первый шаг в трясину.

«Нареченный страж».

«Байстриук».

Руслана сбежала от этих мыслей и зеленых глаз, скакнув на первую кочку, выступающую над спрятанной под тонким льдом водой.

– Молодец, Охотница, но больше так не делай! Без моего совета никуда не ступай! – услышала она голос Морошки. – Это ведь болото, здесь полно обманок!

– Прости, – буркнула Руслана, удерживая равновесие на зыбком клочке земли. Меч был непривычно тяжелым, что только усложняло задачу.

– Извиняться перед стражем своим будешь! Он ведь за тобой в трясиину полезет!

Духи рассмеялись. Руслана могла лишь позавидовать им – она-то даже натянутую улыбку выдать не могла. Опасность обступила плотным кольцом, которое все сужалось, дыша в лицо близящейся смертью. Не до веселья.

Да и перед Зораном было стыдно. Духи правы: начнет тонуть она, и Зоран кинется следом.

– Справа от тебя над водой надулся пузырь, – указала омутница, – видишь?

Руслана нашла взглядом названный ориентир и нахмурилась. Ни островка, ни камешка. Ничего. Зато с другой стороны из-под воды выглядывало вполне надежное возвышение.

– Даже не думай! – прикрикнула Морошка, заведя взгляд Русланы. – В воду провалиться хочешь? Делай, как я говорю!

– Но там же...

– Слушай меня, Охотница! Прыгай!

И она прыгнула, крепко зажмурившись и задержав дыхание. Но вопреки ожиданиям, ее не окутал липкий холод мутной воды, рот не наполнился пресным вкусом, а мокрая одежда не тянула на дно. Руслана стояла на крепком островке, едва прикрытом пенистой водой, как невеста – кружевной фатой.

– Хватит зевать! Прыгай снова вправо! – скомандовала Морошка, и на этот раз Руслана подчинилась без раздумий.

Слушая подсказки омутницы, Руслана скоро добралась почти до центра огромного болота. Ее и Морошку разделяло не больше десяти локтей. Отсюда утопленница выглядела еще более пугающей... и красивой.

Незабудки в темных волосах давно отцвели. Мертвые цветки пожухли, но не утратили своей яркости. Нежно-голубые, такие же, как острые и длинные ногти на холодных тонких пальцах. Кожа – нежный шелк, блестящий от россыпи мелких капелек воды. Губы – мягкие лепестки дикого шиповника. Но глаза, словно затянутые молочной пенкой, выдавали в Морошке навьего духа.

Интересно, почему она однажды утонула здесь?

– Ну? Чего застыла?! – поторопила мертвая красавица. – Я слышу... Те чародеи уже идут по вашим следам к чаще.

– Подсказывай, – на выдохе попросила Руслана. Она устала и запыхалась. – Куда?

– Прямо. Просто иди, тут не провалишься. Только вот здесь, – Морошка вытянутым пальцем ткнула в воду у одного края бревна, на котором восседала, – остановишься. Ближе не подходи, а то упадешь.

Руслана благодарно кивнула и двинулась вперед. И хоть Морошка уже доказала – ей можно верить, Руслана все равно прощупывала почву перед собой кончиком меча. Идти по воде, под которой ничего не видно, все же не так-то просто. Страшно.

Когда Руслана приблизилась к Морошке, омутница достала из-под воды ногу и вытянула перед собой на бревне. Ступня с перепонками между пальцами, блестящая чешуей, точно жемчугом, была так близко, что Руслана легко могла коснуться кожи духа. Лодыжку обнимал хрустальный обруч изо льда, а уже от него отходила прозрачная цепь, что ныряла в мутную трясину.

– Постарайся не отрубить, – попросила Морошка и зажмурилась.

Руслана подняла меч двумя руками, хотя Зоран управлялся одной. Постаралась прицелиться. Как бы замахнуться, чтобы разбить цепь, а не кости духа?

– Торопись, – не открывая белесых глаз, наказала омутница, – я слышу, как они скачут по нашим землям.

Краем глаза Руслана увидела, как засуетился аука, а Зоран наложил на тетиву стрелу.

«Руби же!» – взвилось что-то внутри, приказывая обрушить тяжелый клинок хоть как-нибудь. Не жалеть ни кожи, ни костей. Быстрее. Скорее! Сейчас!

Но Руслана сдержала этот порыв. Вдохнула глубоко, примерилась и только тогда замахнулась. Нанесла удар. А потом еще, и еще...

– Не получается, – качнула головой она. – Не выходит!

Омутница открыла один глаз, не веря Руслане. Наклонилась вперед, чтобы самой взглянуть на цепи.

– Проклятая девка! – прорычала утопленница и ударила рукой по воде. В стороны полетели черные брызги, будто заменяя непролитые слезы духа.

Руслана чуть отшатнулась. Она-то тут при чем?! Но чем дольше причитала Морошка, тем яснее становилось – злится она вовсе не на Руслану.

– Да откуда я знать могла, что ее трогать нельзя?! Сама в воду полезла! Я не виновата была! Мор-р-роз! – прорычала она злобно. – Цепями твоими колдовскими да тебя самого бы...

– Колдовскими, – шепотом повторила Руслана.

Морошка ее не услышала и продолжила, убиваясь, лупить воду, будто это могло как-то помочь. Тогда Руслана повторила уже громче, увереннее:

– Цепи ведь колдовские!

– И что с того?! – всхлипнула Морошка, ощерившись, как дикий зверь. Но ни ее горящий гневом взгляд, ни оскал острых зубов Руслану не напугали.

Она достала из-за пояса тонкий серебряный нож, подаренный Богданой, и повторила слова по–други:

– Нож этот – оберег от злых сил, от колдовства. Что, если он и чары Мороза разрушит?

От одного вида аккуратного, будто свитого из звездного света ножа Морошка зашипела. Омутница отползла почти на самый край бревна, но Руслана, отбросив меч Зорана, успела поймать ту за ногу.

– Не с-смей! Ты заденешь меня! Ож-жоги останутся! – сквозь зубы прорычала она и дернулась, пытаясь вырваться.

Мокрая кожа скользнула под ладонью, жесткая чешуя оцарапала руку. Руслана стиснула зубы и крепче сжала пальцы. Не отпустит. Раз дух боится, значит, нож и правда колдовство рассечь может!

Руслана и Морошка замахнулись одновременно. Одна подняла серебряный клинок, а другая – руку, что разила ничуть не хуже меча. Жесткие длинные когти целились прямо в грудь охотницы, но все замерло, как только послышался звонкий треск.

Лед раскололся.

Когда Морошка вдохнула полной грудью, ветер засвистел меж осинок. Те задрожали, испугавшись звонкого смеха омутницы.

– Свободна! – пропела Морошка, любуясь на лодыжку, которую больше ничего не сковывало. – Снова свободна!

Под радостные возгласы ауки она с плеском нырнула в болото, превратив белое полотно на чарусе в поляну с черными проталинами. Но не успела Руслана подумать, что Морошка сбежала, как та вновь забралась на бревно.

– Всего несколько дней на цепи провела, а будто целая вечность прошла! – убрала за спину промокшие волосы омутница. – Ах, как чудно!

Руслана не спешила прятать нож за пояс. Когда же Морошка перевела свои глаза, точно подернутые туманом, на свою спасительницу, Руслана и вовсе сжала рукоять так, что узорчатый металл до боли врезался в кожу.

– Возьми, – Морошка протянула Руслане несколько цветков, которые достала из своих волос. – Ну же! Не бойся!

– Зачем они мне?

– Ты ведь не веришь словам, Охотница, – хитро улыбнулась Морошка. – Не веришь, что теперь ни тебя, ни твоего спутника мы не тронем.

Говоря «мы», Морошка взглядом окинула поляну. Так, будто та была полна зрителей. Руслана невольно оглянулась, но увидела только Зорана, который встревоженно следил за происходящим. Аука уже исчез. Получил, что хотел, и пропал.

– Коль не веришь клятвам, вплети мои незабудки в волосы себе и стражу, – посоветовала Морошка, – тогда вы станете пахнуть, как духи. Лес вас не тронет.

Ее рука была мокрой и влажной, как камни на дне колодца. Руслана осторожно сжала цветы в кулак и благодарно кивнула. Наградой ей стала довольная острозубая улыбка.

– И все же запомни, Охотница: клятвы духов нерушимы. Некоторым обещаниям даже смерть не преграда.

Говоря это, Морошка вдруг стала серьезной и даже пугающей. Руслана слушала ее внимательно и чувствовала, как странное ощущение холодом скатывается по позвоночнику, а затем наполняет

нутро. Она попятилась, споткнулась о меч Зорана, и тогда что-то будто лопнуло. Губы Морошки снова вытянулись в улыбку:

– Бегите отсюда. Сейчас начнется ураган.

Морошка вытянула из волос еще одну незабудку и согрела цветок легким дыханием. Он сорвался с бледной руки, но в воду не упал. Подхваченная ветром незабудка рассыпалась на лепестки, которые запорхали в воздухе, точно бабочки.

– Они укажут дорогу, – напоследок крикнула Морошка уже в спину Русланы. Затем послышался плеск, а когда охотница вновь обернулась, омутница, совсем невесомая, уже сидела на тоненьких ветвях ближайшей к болоту осинки. Утопленница затила песню, в которой, кажется, не было ни смысла, ни понятных слов, но ветер услышал ее и послушно подчинился.

Руслана мчалась по своим же следам. Прыгала по кочкам, бревнышкам и камням. Иногда, когда следы терялись под тонким слоем воды, приходилось действовать по памяти. Но, что бы ни случилось, она крепко держала рукоять меча Зорана, который не забыла подобрать.

Поднялся сильный ветер, который только набирал силу, как и голос Морошки, что лился, будто хрустальная вода из кувшина. Деревья под его порывами клонились к земле, снег поднялся в воздух, однако лепестки незабудки урагану были неподвластны. Руслана послушно следовала за голубыми лепестками. До берега оставалось совсем чуть-чуть, но ветер выл все громче, злее.

– Дай руку! – Зоран поймал ладонь Русланы и почти рывком вытянул девушку на безопасный берег. Лепестки полетели дальше, сквозь поднявшуюся белую стену снега, и дозорный и охотница последовали за ними.

Зоран забрал меч и спрятал его в ножны. Руслана крепче сжала подаренные Морошкой цветы и обернулась. Ни Князя, ни Морошки уже не было видно, но пение ее не затихало ни на миг, оно несло все дальше по лесу.

– Теперь нас никто не найдет. Никто не будет знать, где мы, – не отпуская горячей руки Зорана, сказала Руслана.

Он крепко держал ее руку, но девушка и не думала вырывать ладонь. В таком урагане она не видела ничего дальше пары локтей.

Четкими были лишь рука Зорана и лепестки, что кружили вокруг гостей леса.

– Будем надеяться, что духам можно верить, – сквозь ветер прокричал Зоран. Руслана ничего не ответила. Лишь перебрала пальцами подаренные цветы.

Когда снежинки изрезали лицо острыми гранями, когда мороз забрался под одежду, а брести сквозь метель уже больше не осталось сил, Руслана с горечью подумала – Морошка обманула. Завела в глушь, тут им теперь и сгинуть. Но впереди вдруг показался теплый свет.

Укрытие.

Глава 7

Колыбельная в лесу

Под корнями дуба мельтешили вовсе не светлячки, как Руслане показалось сначала. То были крохотные духи – маленькие, с ноготок, огоньки суетились в небольшом углублении, похожем на земляную пещеру, которую сторожил могучий дуб. Снаружи его корни укутало снегом и заковало в иней, но под ними все было зелено. Ни намека на холод и снег.

– Осторожно, – Зоран первым спустился под корни и подал Руслане руку, помогая забраться следом.

Огоньки, напуганные, быстрее закружились в воздухе. Они подлетали к лицам гостей, самые смелые касались их одежды и растапливали снег на теплых шапках да кафтанах, отороченных мехом. Самого наглого духа Руслана, как мошку, отогнала от кончика зарозовевшего на морозе носа.

– Тепло, – натянуто улыбнулась она, когда Зоран выпустил ее руки из своих. Радоваться искренне даже найденному убежищу не получалось. Ни теперь, когда за плечами остался дом, когда Руслана не знает, что с ее родными. Ни тогда, когда за ними гонятся палачи.

– Это хорошо, иначе бы закоченели. Огонь разводить ведь пока нельзя.

Пригнувшись, Зоран снял с плеч мятль, кинул на землю. Стоять под дубом в полный рост не получалось. Когда кончится метель, насланная Морошкой, никто знать не мог. Ждать, возможно, придется долго, поэтому Руслана охотно села на постеленный плащ, когда Зоран похлопал ладонью по оставленному для девушки месту. Она подтянула к груди колени, укрытые подолом теплого кафтана, и задумчиво взглянула на раскрытую ладонь. Все незабудки, подаренные омутницей, были на месте.

– Кыш! – Зоран отогнал от лица настырных духов, что кружили вокруг него, как пчелы над ульем. – Да уйдем мы скоро! Хватит!

Руслана хохотнула, спрятав улыбку за ладонью. Зоран от этого звука на миг замер, а потом вдруг кончики его ушей начали стремительно краснеть.

– Прилипли, тоже мне, – буркнул он и с новыми силами стал отгонять от себя наглых светлячков.

Что это за духи такие? К Руслане они не липли так, да и не видела она похожих прежде. Взгляд вновь метнулся к голубым лепесткам, чью небесную яркость приглушила смерть. Вялые, жухлые, они напоминали о словах Морошки. От Зорана пахнет духами. Так, кажется, она сказала?

– Может, это поможет их отпугнуть? – Руслана протянула раскрытую ладонь Зорану.

– Подарок Морошки, – легко догадался юноша и с задумчивым видом стянул шапку. Часть светлых прядей, мокрых от растаявших снежинок, упала на его плечи. Неопрятный пучок совсем развалился, кожаный шнур почти развязался. – Что она про эти цветы сказала?

– Что они помогут отвести духов. Нужно вплести их в волосы.

– Тут на двоих хватит, – кивнул Зоран, но Руслана передала ему всю горстку, оставив себе лишь один цветок.

Морошка не обманула – подсказала укрытие, помогла замести следы. Значит, можно верить ее словам – Руслану в лесу знают и не тронут. А чтобы отвести от себя духов, которым на охотницу и ее подношения плевать, одной незабудки наверняка хватит. А вот Зоран... Он духов боялся. Даже сейчас Руслана видела, как он отшатывается от каждого светлячка, как широко распахнуты зеленые глаза и как мечется их взгляд.

– Бери. Я коснулась Морошки. Она сказала, что это тоже послужит мне защитой, – солгала Руслана, пользуясь тем, что на берегу Зоран мог слышать далеко не весь разговор.

Зоран опустил глаза к раскрытой ладони Русланы, и уже в тот миг она поняла, что произойдет дальше.

– Только если и ты возьмешь половину. – Зоран забрал себе несколько цветков так, чтобы такое же количество осталось у Русланы. Кончики его пальцев, еще прохладных после долгих блужданий по метели, скользнули по нежной коже ладони.

Это легкое касание отчего-то смутило. Руслана не выдержала прямого взгляда Зорана и отвернулась, сделав вид, что рассматривает оставшиеся незабудки. За все время с начала их знакомства Руслана испытала это чувство впервые – смущение, тайная уязвимость... Перед чем?

Перед собственным страхом, подумалось ей. Однако со страхом в последнее время ей довелось познакомиться очень близко. Руслана узнала множество оттенков этого чувства, но нынешнее не походило ни на один из них.

От Зорана исходило тепло, совершенно не похожее на то, что источали духи-огоньки. Его тепло пахло домашним утром: молоком и свежееиспеченным хлебом. Одежда дозорного сохранила этот запах, несмотря на все невзгоды, через которые им уже довелось пройти. Еще от Зорана слегка пахло овсом и сушеным сеном. Совсем чуть-чуть – потом и ов– чиной.

От него пахло человеком. И здесь, в заснеженном лесу, что содрогался от бури, Руслане ужасно не хватало именно такого тепла. Несмотря на рассказ матушки, намеки Морошки и ее собственный дурацкий страх и стыд за чужую клятву, ей нравилось присутствие Зорана. И именно это казалось неправильным.

– Мне страшно, – призналась она, опустив лоб на коленки. Слова сорвались с губ тихим шепотом, но Зоран все равно услышал.

Он не осмелился коснуться Русланы и долго не мог подобрать слова. Она уже думала, что юноша вовсе задремал, но он вдруг поделился:

– Мне тоже. Но благодаря тебе все не так уж плохо.

Руслана повернула голову, но не выпрямилась. Одна ее щека касалась колена. Девушка снизу вверх взглянула на Зорана, который почему-то улыбался.

– Благодаря мне, – подчеркнуто сказала она, – ты и оказался в страшном и холодном лесу.

Зоран проигнорировал едкие слова. Вместо этого он удивил:

– Ты очень смелая, Руслана. Не каждая девушка будет угрожать духу, целясь в его горло стрелой.

Она прыснула, прекрасно понимая, о каком моменте говорит Зоран. Так вот что его впечатлило? Не то, как Руслана скакала к омутнице по чарусе. Не то, как высвободила ее из ледяных оков, схватив и не дав спрятаться в воде. Дозорного, привыкшего защищать других, зацепило, что кто-то теперь защищал *его*?

– Если бы ты позволил Морошке себя завлечь, она бы тебя утопила, а потом съела, – пожалала плечами Руслана. – Я же видела, как ты замлел от ее красоты. Еще немного, и...

– Я не замлел, – уже не так весело поправил Зоран. Он сложил свою горстку незабудок между их бедрами на мятль и попытался вплести один из цветков себе в волосы. – Просто...

Он отвлекся, когда незабудка, стебелек которой Зоран усердно оплетал медовой прядью, упала ему на колени. Парень подобрал цветок и предпринял новую попытку.

– Просто это жутко. Смотреть в глаза кому-то, так похожему на человека, но понимать – тебе лгут. Прямо сейчас сладкими речами заманивают в пасть. В такие моменты я чувствую, как нить моей жизни натягивается. Сделаю шаг к чудищу, и она лопнет. Будто снова замираю на распутье.

«Снова».

Незабудка опять выпала из волос Зорана, но он ее больше не поднимал. Смотрел на порхающие рядом огоньки, но в их свете луговые глаза, наоборот, потухли. Свет духов точно впитывал его собственный.

– Давай помогу, – осторожно держа колдовской цветок за стебелек, Руслана подняла незабудку к волосам Зорана.

Лишь когда он перевел на нее взгляд, одновременно удивленный и благодарный, Руслана поняла, насколько личную помощь она предложила. Хотя... Может, Зоран так не считал? В конце концов, разговоры про заговоры и колдовство с использованием чужих волос чаще всего ходили среди женщин. Вполне вероятно, что Зоран даже не верил в то, что, имея волос человека, того можно хоть приворожить, хоть проклясть.

Зато матушка верила и заставляла верить Руслану. Потому она никогда не позволяла другим людям касаться ее косы и никогда не трогала чужих волос. Лишь в детстве шутливо заплетала еще совсем темные, соболиные волосы Бояны.

Теперь же она смотрела на Зорана, который ее касаний вовсе не боялся, а даже ждал. Он медленно кивнул, искоса поглядывая на духов, и она придвинулась, села на коленки для удобства.

Когда Руслана нерешительно коснулась его волос, Зоран прикрыл глаза и уткнулся подбородком в руки, сложенные на коленях. Он молчал, то ли слушая свист неутихающего ветра, то ли пытаясь успокоиться. Интересно, о чем твердил его внутренний голос?

Руслана потянула за шнурок, и тот окончательно развязался. Не слишком короткие, но и не длинные прямые волосы рассыпались из пучка, почти касаясь кончиками широких плеч. Пряди прикрыли лицо Зорана, но сквозь их золотые нити Руслана все же увидела, как хмурятся широкие брови, как дрожит жесткая линия рта.

Она собрала несколько пшеничных прядей у виска и начала плести тонкую косу, украшая ее голубым цветком. Руслана делала все аккуратно, кое-где расчесывая спутанные волосы пальцами. Думала, что Зорана успокоят осторожные движения, убаюкает чужое тепло, но он продолжал едва заметно дрожать.

«Что же с тобой случилось? Почему так боишься даже безобидных духов?» – хотела спросить Руслана, но не смогла. Не нашла в себе сил так прямо, так грубо влезать в чужую душу. Побоялась тревожить старые раны, чтобы ненароком не пробудить былую боль. Даже затухающий костер просыпается, если поворошить поленья.

Расспросы – не та поддержка, которая сейчас нужна Зорану. Если Руслана хочет спасти Зорана сейчас, то должна научиться говорить на его языке.

Перебирая его волосы и сгорая от смущения, она запела:

– *Не пущу сумятицу, темноту и мглу. Разгоню руками все, верь мне, я смогу.* – То были ввевшиеся в память строки колыбельной, которую для нее однажды пел Зоран.

– Ты пытаешься меня усыпить? – в его низком, металлическом голосе притаилось весеннее солнце. Оно могло бы растопить хоть колдовские оковы Морошки, хоть весь Холодный лес.

«Успокоить», – будто сотню лет назад на этот же вопрос ответил Зоран. Но Руслана спрятала за улыбкой глупое волнение и кивнула:

– Тебе нужно отдохнуть.

Незабудка в волосах Зорана будто стала чуточку ярче, живее. Но сам он быстро потух, точно солнце в его груди утонуло в тучах.

– Нам обоим нужно поесть, – хмуро качнул головой он. – Но все суммы пропали вместе с Князем. Ума не приложу, как нам его теперь искать...

От былого света в его глазах и улыбки не осталось ни следа. Зоран быстро понял, что зря рассказал о своих переживаниях Руслане, тяжело вздохнул:

– Прости. Я не должен тебя пугать. Я ведь поклялся защищать тебя, так что... Я что-нибудь придумаю. Я найду Князя, и мы выйдем из леса, и...

– Спи.

Руслана с беззаботной улыбкой взяла новый цветок и, глядя в глаза своему защитнику, принялась за новую косу, переплетая ее с другой. Пряди послушно скользили между пальцев, Руслана делала все неторопливо.

– Засыпай, Зоран. Подумаем об этом завтра. Сейчас у нас есть теплый ночлег и время на отдых.

В малахитах глаз мелькнула упрямая искра, но Зоран все же не стал спорить. Он послушно улегся на руки, сложенные на коленях, и прикрыл веки. В эти мгновения юноша напомнил Руслане кота, что растянулся на нагретой солнцем лавке. Эта мысль заставила девушку искренне улыбнуться.

Тихо напевая колыбельную Зорана, Руслана вплетала в его волосы незабудки, пока он не уснул. Духи больше не кружили вокруг юноши, потеряв к нему былой интерес. Руслана смотрела на них устало. Спиной она прижалась к крепкому корню, пробивавшемуся сквозь почву, ноги вытянула перед собой. На бедрах лежала шапка из серого меха, из которого на макушке выглядывали острые волчьи уши.

– Чего прицепились к нему? – спросила она строго у духов, вплетая последние незабудки уже в свои волосы. Метель снаружи стихала, и теперь Руслана слышала слабый писк, что издавали крохотные навьи светлячки. – Почему липнете к нему?

Внятного ответа от них не дождешься, а комариный писк охотница понимать не умела. Подумав об этом, Руслана начала ворочаться, пытаясь найти удобную позу для сна. Зоран давно тихонько посапывал, и ей пора хоть немного вздремнуть. Но стоило Руслане отмахнуться от безобидных духов, как один из них отделился от сияющего облака и, резко разогнавшись, падающей звездой расшибся о ее лоб.

Руслана даже вскрикнуть не успела. Перед глазами сверкнули искры, ослепляя, а затем все заволочла безупречная, как пасмурная ночь, тьма.

– Ты нам не родной! Ты даже на маму с папой не похож!

– Посмотри, какие черные у нас волосы и серые глаза. А ты? Подкидывай!

– Отбираешь то, что по праву наше!

Зоран пробежал пол-Хрусталя, пытаясь спрятаться от злых слов братьев и сестер. Но правда впиталась в память и кожу, сплелась с ветром и бежала за ним следом. Маленькие, еще детские ноги несли не так быстро, но зато не знали усталости. Зоран и не заметил, как оказался у границы Холодного леса.

Он ненадолго остановился, глядя на нависшую темную стену из дерева и хвои. Ветки могучих деревьев переплетались столь же хитро, как нити в паутине. Где-то кричали птицы, на ногах хрустели стертые и окончательно испорченные лапти.

Зоран крохотным чумазым кулачком вытер выступившие на глазах слезы. Маменька подарила ему эти лапти всего седмицу назад, когда только-только распустились яблони. Она расстроится, когда увидит, что Зоран сделал с обувью. На новую в большой семье простых крестьян деньги не скоро найдутся... А когда это случится, Зоран уже не сомневался, начнется очередная ссора.

Братья и сестры снова обвинят его, «мелкую кукушку», в том, что он ест их еду, отнимает их подарки. Опять скажут, что без него всем было бы легче.

Он всхлипнул, вспомнив, как Малинка рыдала: маменька подарила лапти Зорану, а не ей – новые ленты. Из-за этого-то и началось все...

Ну и пусть, подумал мальчик, пусть получают то, что так жаждут! Больше он домой не вернется! Он слышал, что Боровой порой берет себе учеников. Поговаривали, что иногда лесной хозяин даже крадет детей, чтобы обучать их колдовству. А Зоран сам придет и останется жить в чаще! Это лучше, чем косые взгляды братьев и обиженные – сестер. Малинка, Орен, Листава, даже Радимир, который был младше Зорана на пару лет, – все они его терпеть не могли! Только и ждали, когда Зоран исчезнет из их жизни!

– Эй, мальчуган!

На границе Холодного леса Зоран стоял не один. Из-за шиповника показалась кучерявая темноволосая макушка, а затем – густые усы и борода. Мужик в простой рубахе и льняных штанах поправил лук,

висевший за спиной, перешагнул через небольшую кочку. О колчан застучали стрелы.

Охотник.

Зоран насупился, спешно вытер с лица следы своей слабости и сурово свел брови у переносицы. Правда, он тут же вспомнил, как Малинка говорила, что и нос у него «горбатый», а у них у всех «ровненький и красивый». Это воспоминание поубавило уверенности, вгрызлось в старые раны. Зоран шмыгнул носом и отступил, не желая, чтобы охотник приближался.

Мужик тут же остановился и вскинул безоружные руки:

– Да не трону я тебя! Чего скалишь зубы, волчонок?

Зоран молча отвернулся и тяжелым шагом направился напрямиком в лес. Когда он почти нырнул в тень, охотник окликнул:

– Ты туда один идешь? Куда ж ты, мелочь?

– Один, – буркнул Зоран, не оборачиваясь.

– Ты ж заблудишься! Сгинешь!

Зоран было запнулся, ноги потяжелели. Сквозь изодранные лапти кожу стоп закололо шишками и хвоей. Но полная боли и обиды мысль «Ну и пусть!» с силой пихнула его в спину. Зоран упорно шел дальше.

– А как же подношения лесу, мелочь? – не отставал охотник.

Зоран не понимал, о чем ему толкуют, а потому даже оборачиваться не стал. Шагнул в тень леса и бегом рванул в его прохладные объятия. Стоило оказаться под густо переплетенными ветвями, что-то незримо переменилось. Здесь иначе ощущалась под ногами земля – она была будто живым существом, которое лишь позволяло ступать по себе. Иначе звенел чистый воздух, пахнувший сырой почвой и древней древесиной. Любой звук точно утопал, растворялся в лесной тиши. Каждый шорох превращался в шелест перьев, вскрик птиц или шуршание листвы под мягкими лапами.

И во всем этом царстве Зоран ясно понимал – он чужой. Даже здесь.

– Ма-а-альчик, – низкий женский голос, похожий на протяжный зов пастушьего рога, коснулся слуха. От этого звучания светлые волосы на голове встали дыбом.

Зоран против воли остановился. Ноги приросли к земле.

– Ма-альчик, – захохотало нечто за спиной, уже ближе. – Иди ко мне!

Сердце колотилось отнюдь не от долгого бега. Зорану казалось, что то пульсирует в горле, заставляя кровь в висках стучать, как копыта ретивого коня по пыльной дороге.

Одеревеневшее тело не слушалось. Казалось, оно едва не скрипит от усилий, какие Зоран прикладывал, чтобы просто обернуться. Первого навьего духа он встретил с широко распахнутыми от ужаса глазами.

Лихо неуклюже пряталось за осиной. Неповоротливое тело горбатой великанши нелепо торчало по обе стороны от тонкого ствола, которое уродина обхватила гигантскими ладонями. Кожа на них потрескалась до крови, точно едва налезала на рослую тварь. Зеленые листики дрожали не то от ветра, не то от дыхания духа, что с широкой желтозубой улыбкой пялился на Зорана.

У Лиха был всего один зрячий глаз. На месте левого остались лишь сросшиеся и покрытые гноем веки. Здоровый глаз был огромен и занимал добрую половину лица, а на другой растягивалась жуткая голодная улыбка.

Кровь отхлынула от лица. Зоран попятился, но лишь потешил чудище. Да и сам он знал – от Одноглазого Лиха еще никто не уходил просто так.

Он никогда не встречался с духами лицом к лицу, как и не видел людей, знавшихся с Лихом. Однако маменька часто пугала его и других детей. Каждый вечер перед сном она заходила со свечой в комнату, где все ребятишки уже лежали кто на лавках, кто на печи, и рассказывала истории. Порой добрые и сказочные, порой – страшные, но поучительные.

– Коль увидите одноглазую женщину, бегите, – всегда учила маменька. – Лихо не лежит тихо, либо катится, либо валится, либо по плечам рассыпается. Она оторвет вам руки или ноги, а если не повезет – и вовсе на части порвет и сожрет.

Зоран помнил, как Радимир расплакался после этих слов, а Малинка рассмеялась над младшим. Тогда Зоран тоже храбрился, но теперь едва ли мог хотя бы вдохнуть.

Мигом испарились, как пар над горячей водой, все мысли. Зоран пожалел о том, что смел думать, будто рад пропасть в лесу. Нисколько! Лучше и дальше терпеть нападки Малинки, Листавы и Орена, чем стать ужином для духа!

Лихо наслаждалась страхом своей добычи. Ее улыбка стала шире, губы в уголках треснули, и по плоскому белому подбородку змейками побежали струйки крови. Лихо слизнула их длинным острым языком, не сводя с Зорана глаз со светлой радужкой, и неторопливо вышла из-за осинки. Полностью нагая, уродливая, обрюзгшая, она медленно приближалась, наслаждаясь ужасом, который внушала.

– Не подходи! – Зоран хотел кричать, но у него не получалось ничего, кроме сдавленного шепота. – Не трогай меня!

Лихо гулко засмеялась, и этим раскатистым звукам вторило эхо. Или то были голоса других духов, что ждали начала пиршества?

– Мальчик не принес лесу даров, – прошипела одноглазая великанша. – Мальчик сам станет даром.

Лихо и Зорана разделяло не меньше десяти локтей, когда та вдруг кинулась и в один прыжок сократила это пространство. Она повалила мальчика наземь. Перед глазами закружились деревья, их кроны и голубое небо, что заглядывало сквозь крохотные зеленые окошки. Зоран почувствовал, как защекотало кожу чужое дыхание. Лихо вытягивала его аромат так, точно с наслаждением нюхала свежий яблочный пирог. Им-то себя Зоран и почувствовал за миг до того, как желтые зубы и черные ногти должны были вонзиться в его плоть, разрывая на части.

– Ты, – вместо боли Зоран снова услышал этот ужасный голос. Он вжал голову в плечи, так и не решаясь открыть глаза. Не хотел смотреть смерти в лицо.

Но та все не шла.

– Ты наш, – прозвучало над головой, и... все.

Зоран еще какое-то время лежал на земле, дрожа и не решаясь приоткрыть веки. Он вслушивался в тишину леса, в собственные ощущения, которые подсказывали – рядом никого. Но Зоран еще долго не мог в это поверить.

Молчание чащи давило. Вдруг Лихо издевается над ним? Ждет, когда Зоран поверит в освобождение, откроет с надеждой глаза? Тогда-то мерзкий дух его и разорвет, вдвойне наслаждаясь причиненной болью.

Кошмар. Это все злой кошмар! Маменька всегда прогоняет такие колыбельной... Может, и сейчас выйдет?

– *Встану я на вратах. Не пущу сумятицу, темноту и мглу. Разгоню руками все, верь мне, я смогу,* – нерешительно запел Зоран, но с каждым словом голос становился громче, звонче. В эту песню он будто выливал страх, больше не смея томиться в нем один на один.

Он сжался в клубок, лежа на хвое. Так и не открывая глаз, пел колыбельную, находя в этом хоть какое-то успокоение. Слова будто переносили обратно в избенку, где маменька, сидя у лавок Листавы и Малинки, тихонько напевала строки про соколицу, драгоценные камни и волшебные сны... Зоран любил эту колыбельную больше остальных.

– Мелкий! Ты чего тут разлегся?

Зоран не поверил, что его нашли. Не верил, что тот охотник, который пытался не пустить его в лес, теперь спасал от Лиха и недружелюбного леса. Не верил даже тогда, когда жесткие руки подхватили его, закинули на сильное плечо. Зоран не прекращал петь и не открывал глаз всю дорогу, убежденный, что это проделки Лиха. Лишь когда под чужими подошвами перестала шуршать хвоя, а пение птиц сменилось на знакомый глас Хрусталя, Зоран нерешительно приподнял веки.

– Спасибо, – выдохнул он сквозь слезы. – Век должен буду!

– Век? – добродушно усмехнулся в усы охотник. – Мне это не нужно, мелкий.

– Но, господин, ты спас мне жизнь! – по-детски наивно щебетал Зоран, без устали утирая бегущие крупными каплями слезы. – Как я могу тебя отблагодарить?

Зоран сидел под яблоней, неподалеку от дороги, виляющей меж избушек с яркими резными наличниками. Из окна одной из них на мужчину и мальчонку с неодобрением поглядывала темноволосая женщина. Зоран не понимал, чем заслужил столь колючий взор, но смех охотника отвлек от тяжелых дум.

– Какой я господин тебе? Мой мир я. И если уж считаешь, что должен мне... Пообещай, что, когда однажды приду к тебе с просьбой, ты исполнишь ее.

Зеленые глаза зажглись щенячьей благодарностью и преданностью. Ответ мог быть только один:

– Клянусь!

Глава 8

Уйка

Когда Руслана проснулась от чужого кошмара, Зорана в пещере под дубом не было. У входа в их укрытие виднелись свежие следы, глубокими ямами выделяющиеся на безупречном снежном покрове.

И хорошо, что Зорана рядом нет, подумалось Руслане. Она пока не готова с ним говорить. Не хочет выдавать пережитое во сне растерянным взглядом или спутанной речью.

Что это был не простой сон, Руслана не сомневалась. Это видение ей показал дух Нави, а это что-то да значило. Неужели ей позволили заглянуть в чужое воспоминание? Руслана завертела головой, пытаясь выглядеть вчерашние блуждающие огоньки, но ни одна искорка больше не парила в укрытии. В пещере было сумрачно и прохладно. Кто-то будто задул ярких духов, как свечное пламя.

Значит, ответов ей теперь уж точно не добиться. Кто такие эти духи? Почему показали воспоминание Зорана? Они сами были частью того дня, видели встречу мальчика и Лиха своими глазами? Руслана не понимала речь огоньков, но могла хотя бы попытаться найти с ними общий язык. Но теперь их след простыл, и оставалось только гадать. Или же – спросить у Зорана... Но об этом она и думать не смела.

Руслана заворочалась, разминая тело, затекшее после сна в неудобной позе. Выглянула из теплой берлоги, взяла горстку чистого снега и растерла лицо. Спать больше не хотелось. Слишком уж живым, настоящим был сегодняшний кошмар.

Она похлопала себя по порозовевшим щекам. Кожу кололо от холода, но сейчас это ощущалось как-то иначе. Точно касание, притупленное плотной тканью. Тело уже проснулось, но мысли все еще бродили рядом с маленьким Зораном. Неужели... Неужели он встретил Лихо и выжил?

Руслана шумно втянула носом морозный бодрящий воздух и зажмурилась. Перед глазами, как пламя свечи, вспыхнул уродливый образ плотоядного духа, которого считали одним из самых опасных.

– Проснулась?

Зоран присел на корточки у спуска под корни. Из-под его шапки на висках выглядывали незабудки, вплетенные в светлые волосы, которые страж вновь собрал в короткий хвост. Руслана хотела бы улыбнуться, умилиться этому зрелищу. Но теперь она смотрела на обереги от Морошки, а сама вспоминала желтозубый оскал Лиха, ее слипшийся глаз и другой, здоровый, что безумно вращался, когда чудовище предвкушало трапезу.

– Только что глаза открыла, – соврала Руслана и, словно не заметив протянутую ладонь Зорана, сама выбралась из сумрака на заснеженную поляну. – Дай мне немного времени, и можем выдвигаться.

Не оборачиваясь, она отошла за деревья. Убедившись, что Зоран за ней не последовал, Руслана прижалась лбом к шершавому стволу сосны и тяжело вздохнула. Из рта вырвалось облако пара, но тут же растворилось, разогнанное слабым ветром. В этом легком порыве не было ни намека на недавний ураган. О буре напоминали лишь сугробы, за ночь выросшие до колен.

Руслана без ведома Зорана знала о нем слишком много. Это начинало отпечатываться на ее отношении к юноше, хоть она и пыталась это отрицать. Руслана жалела Зорана, сочувствовала ему и, к своему стыду, все же немного опасалась. Теперь она понимала, почему Зоран не заикнулся про возвращение домой. Настоящего дома у дозорного попросту не было: лишь приемные родители и сводные братья и сестры, которые с трудом терпели чужую кровь. Понимала, что за колыбельную Зоран поет и почему мелодия, однажды уже «спасшая» его, так успокаивала. Понимала его страх перед духами...

Но помнила, что, возможно, и сам Зоран вовсе не человек.

– Есть плохая новость, – Зоран встретил вернувшуюся Руслану, задумчиво вертя в руках тонкую палочку.

Руслана вопросительно выгнула бровь, а внутри все стянулось в узел. Куда уж хуже?

– Я нашел Князя, – без особой радости выдохнул Зоран, и Руслана догадалась, что услышит дальше. Коня нигде видно не было, зато седельные сумки ждали хозяев под молодой сосной. В небольшой горке Руслана разглядела и свою суму.

– Волки поели? – слова горчили на языке. Все же она привязалась к коню. А может, просто сочувствовала утрате Зорана. Видела ведь,

как он любит Князя...

– Пока что нет, но вопрос времени, когда это случится.

– Князь жив? Тогда чего сюда его не привел? – подалась вперед она, вспыхнув надеждой.

– Жив, но сильно ранен. Похоже, во время урагана он угодил в овраг. Задняя нога сильно повреждена. Даже встать не может, – говоря это, Зоран смотрел на свои руки, в которых продолжал крутить злосчастную ветку. – Надо было добить его, чтоб не мучился, но я... Я не...

Челюсти сжались с такой силой, что Руслане почудилось – она слышит хруст своих зубов. Смотреть на Зорана сейчас было невыносимой мукой.

– Я застрелю его, – прервала она пытку. – Просто отведи меня к Князю, и я сделаю все быстро. Он даже боли не ощутит. Обещаю.

В эти мгновения все чувства Зорана явственно отражались на его лице: горечь и отрицание, боль и страх, нерешительность и принятие. Руслана отвернулась, чтобы оставить Зорана наедине с ними. Видя лишь толику внутренних переживаний Зорана в его глазах, она даже представить не могла, что творилось у него на сердце.

Не успела Руслана дойти до сосны, под которой ждали их вещи, как Зоран быстро, будто боясь передумать, выпалил:

– Я согласен.

Скрепя сердце Руслана взяла из-под корней дуба свой лук. Не покидало ощущение, что она готовится стрелять не в Князя, а в самого Зорана.

* * *

Они быстро перекусили хлебом из сумы Русланы. Закончив со скромным завтраком, Зоран нарисовал на снегу простенькую карту, где между Хрусталем и Цирконом пролежала полоса Холодного леса.

– Нам сюда, – Зоран ткнул кончиком палочки в круг, который изображал Циркон. – Город на востоке, поэтому двигаться нам в ту сторону, – уже ладонью Зоран указал туда, где из-за горизонта недавно выкатило румяный бок солнце. – Я потому Князя и нашел – хотел посмотреть, какая впереди дорога... Так что он будет по пути.

От взора не укрылось, как дрогнул острый кадык Зорана. Руслана притворилась, что ничего не заметила, а Зоран принялся собирать вещи. Он нес все три сумы, которые у них были. Ноша нетяжелая, но Князя очень не хватало. Эта же мысль крутилась в голове, когда Руслана, едва дыша, продиралась через сугробы, взмокая под кафтаном от пота. Она шла молча, погружившись в мысли и стараясь наступать ровнехонько на следы Зорана.

Он за весь путь не проронил ни слова. Лишь когда они остановились у оврага, Зоран, глядя вниз, с тоской вымолвил:

– Не думал, что наши с Князем пути вот так разойдутся. Его оборвется, а мой...

– Зоран, – Руслана выступила перед ним, закрывая собой коня, жалобное ржание которого тянулось по склону к вершине. – Не смотри туда.

Она слышала, как Князь ворочается в снегу, силясь встать. Конь видел своего хозяина, пытался дорваться до него, но каждое движение причиняло боль. Ее осколки впивались в сердце Русланы, мучили душу Зорана. Его лицо побледнело, в глазах застыл ужас перед скорым расставанием.

– Я ведь его жеребенком выходил, – голос, с изнанки подбитый бархатом, задрожал. Вместе с ним дрогнула и Руслана. – Помню, как меня дружинники к себе на обучение забрали. Как на коня впервые усадили, а потом за успехи в верховой езде подарили Князя... Мальчишкой я мечтал, что вместе мы через много приключений пройдем. А теперь...

Руслана не спешила накладывать стрелу на тетиву. Понимала, что, рассказывая все это ей, на самом деле Зоран прощался с Князем. Она не посмеет отнять у него этот момент.

– Теперь я помогу тебе найти сбежавшего жениха и один, без Князя, вернусь в Хрусталь, – говоря это, он смотрел вверх, на небо, что проглядывало сквозь тесно сплетенные пушистые ветки елей. Припорошенные снегом, они напоминали облака.

– У тебя не будет трудностей на службе? Мы ведь сбежали. Ты не успел никого предупредить. Что воевода скажет? – хотела отвести тему Руслана, но Зоран лишь отмахнулся:

– Мой долг – защищать людей Хрусталя. Ты – одна из них. Если не помогу вернуть Войко, то правда о его побеге так и останется

сокрыта. Тебя продолжают считать ведьмой, и кто знает, чем это кончится?

– Выходит, помогая мне, ты и клятве следуешь, и долг исполняешь? – Руслана попыталась тепло улыбнуться, но ее старания пошли трещинами, точно лед по весне. Она видела, что мыслями Зоран там, на дне оврага, – умирает по кусочкам рядом с Князем.

Ей, охотнице, не понять этой любви к животному. Никогда она не была так привязана ни к одной животинке. Даже Рожку она любила не так, как Зоран – Князя.

– Я вернусь в дозорную башню, а он останется в лесу, – словно зачарованный, выдохнул юноша и вытянул из своих волос одну незабудку. – Животные его растерзают, ничего не смогу с этим сделать. Но духам глотать кости Князя не позволю.

Пальцы Зорана побледнели от того, с какой силой он сжал в них безжизненный стебелек. Последний подарок другу?..

С трудом проглотив ком, невольно вставший в горле, Руслана вынула из колчана стрелу. Охотница точно знала, что другая не потребуется. Выстрел будет метким, смертоносным. Милостивым.

Но еще никогда она не готовилась убивать с такой горечью и беспокойным сердцем.

– Отвернись, – попросила она, глядя на незабудку, которой вскоре было суждено оказаться вплетенной в смоляную гриву. – Тебе не стоит это видеть.

– Я должен...

– Нет! – прервала она почти грубо. Приблизилась слишком резко, зато тотчас привлекла внимание Зорана. Он перестал с тоской смотреть на цветок, точно тот уже был могильным камнем над телом Князя, и поднял глаза на Руслану.

Зелень, подернутая инеем...

– Ты не должен наказывать себя. Не должен потом сотни раз вспоминать миг, когда стрела оборвет нить жизни Князя. Твоя боль не сделает его гибель более значимой, не наполнит смыслом. Не терзай свое сердце, Зоран. Отвернись.

Зоран на какой-то миг засомневался, меж бровей его пролегла хмурая морщинка. Но стоило Руслане участливо коснуться его плеча, мягко заглянув в глаза, и Зоран сдался. Он отвернулся от оврага.

Ссутулился, когда услышал тихий шорох – то оперенье стрелы лизнула тетива.

Стиснув зубы и борясь уже с собственными чувствами, Руслана подняла лук, направив наконечник стрелы на Князя, и приготовилась натянуть тетиву.

– Руслана! – Зоран прыжком налетел на нее, и они вместе упали в сугроб.

Снег хлынул со всех сторон, попал под ворот и рукава, но мягкой подушкой уберег голову и спину от удара. Зоран навалился сверху, но даже так лицо засыпало колючей морозной крошкой. Снег жалил губы и щеки. Руслана зажмурилась, чтобы защитить глаза, – веки тоже щипало от холода.

Она было подумала, что Зоран просто струсил – не смог смириться с тем, что Руслана застрелит Князя. Но в следующий миг снег обрушился новой волной, хороня под белой скатертью и Руслану, и Зо–рана.

– Не позволю! – прозвенел тонкий девичий голос, и снег закружился сильнее, подчиняясь чужой боли. – Беззащитных, слабых не тронете!

Зоран навис над Русланой, опираясь на локти, чтобы не навалиться на нее всем весом. Ветер серчал, обрушивая злость незнакомки на дозорного, что стал щитом Русланы. Он закрыл глаза, стиснул челюсти так, что вздулись мышцы под желваками. Мокрые светлые пряди упали по обе стороны от напряженного лица Зорана, щекотали щеки Русланы.

– Можешь встать? – ощущая на губах и языке безвкусную влагу тающего снега, просипела она. – Нельзя вот так ждать, когда нас снегом заметет!

Зоран кивнул:

– Держись за мной и, если что, стреляй. Сейчас!

Выбраться из разросшегося сугроба оказалось не так-то просто. О том, чтобы убежать, Руслана даже думать забыла. Придется сражаться... или договариваться. Но с кем? Морошка обещала, что незабудки подарят защиту от духов. Выходит, ошиблась? Обманула? Или...

– Люди, – выплюнула девчонка так, точно слово было отравой для ее губ. – Злые. Железом обвешаны. Режут, колют. Убивают бездумно!

Белые волосы незнакомки почти сливались со снегом, которым лес оброс, будто броней. Волнистые локоны спускались ниже пояса. Ветер красиво перебирал их, будто струны заморского музыкального инструмента. Тонкая, как огонек свечи, бледная, как утренняя звезда, девушка была одета лишь в душегрею из тканевых лоскутов и в простое белое платье, длинный подол которого не скрывал босых ступней.

От одного взгляда на незнакомку Руслане стало холодно, а от осознания ее силы – страшно.

– Ведьма? – нерешительно спросила она, готовясь, но не решаясь поднять лук.

Колдунья нахмурила светлые, как лунная дорожка на воде, брови и по-детски фыркнула:

– Грубое слово. Некрасивое.

Она подняла перед собой руки, зашевелила пальцами, будто плела незримое полотно. Готовит чары, догадалась Руслана, и мысли в голове загудели роем.

– Почему ты напала на нас? – Зоран перекрикивал зарождающийся ураган.

– Не на вас, – сморщила бледный нос девица. – На нее, – она указала тонким пальцем на Руслану. – Она хотела убить! – Кончик пальца переместился, теперь уже указывая на Князя.

Ох, знала бы ведьма, сколько на счету Русланы зверей! На губах заиграла дерзкая улыбка, когда охотница вспомнила – прямо сейчас на ней шапка из меха убитого волка дразнит незнакомку серыми острыми ушами.

– Я хотела его спасти, – поспешила оправдаться Руслана, прежде чем колдунья сложит новые чары. Ее гнев направлен лишь на охотницу, но Зоран не отступит. Будет защищать до последнего и, если придется, погибнет вместе с ней.

Девчонка опустила руки, склонила голову набок, внимательно рассматривая Руслану. Она ей не ве– рила.

– Он страдает, – Руслана говорила спокойно, но твердо. Правой рукой, в которой уже не было ни стрелы, ни лука, она указала на дно оврага, где от боли метался на снегу Князь. – Посмотри.

Лица колдуньи коснулась тень сострадания, былая враждебность сошла с нее, как вода скатывается с гусиных перьев. Зоран тоже

обернулся на овраг, и Руслане показалось, что она чувствует то же, что и он, – раздирающую изнутри тоску и сожаление. Ничего нельзя сделать.

– Мы не сможем залечить его раны, но способны унять муки и защитить от голодных духов. – Она достала из своих волос незабудку, и незнакомка понимающе кивнула. Почувствовала, что это не обычный цветок.

Какое-то время ничего не происходило, и Руслана не могла понять – удалось ли убедить колдунью? Когда девушка разочарованно покачала головой, Руслану пробрало давно забытое чувство – детский стыд за собственную глупость.

– Я ошиблась. – Девушка шагнула к оврагу и, нисколько не проваливаясь в снег босыми ногами, стала спускаться по склону. Она будто скользила по сияющему алмазной крошкой холсту. Невесомая, легкая, как перышко. – Ты не жестокая. Просто глупая.

Сказала это и льдинкой скользнула ко дну оврага. Зоран было кинулся следом, но тут же обернулся. Он заглянул в порозовевшее от стыда лицо Русланы, но так ничего и не сказал.

– Пойдем, – буркнула она тихо, спрятала лук за спину и первая направилась следом за колдуньей.

Та уже крутилась вокруг Князя, но вовсе не изучая его сломанные ноги или пытаясь их как-то залечить. Девчонка, которая на вид была даже младше Русланы, раскладывала вокруг умирающего коня пучки трав.

– Что ты делаешь? – Зоран встал между беловолосой и Князем так, будто в ее руках были не травы, а отравленные клинки.

Девчонка насупилась и, сжав в руках перехваченные лентой сухие травы, обиженно выдала:

– Ты тоже глупый.

Она обогнула Зорана, будто тот был пустым местом, и продолжила свое дело.

– Так ты ведьма? – упрямо спросил он, следуя за девушкой по пятам. Говорил он с ней, но взгляд прочно пристал к Князю.

Конь, обрадованный тем, что хозяин рядом, будто немного оправился от ран. Перестал извиваться, не находя места от боли. Ржание, что напоминало крик о помощи, сменилось приветственным пофыркиванием. Однако встать Князь не мог, как ни пытался.

Руслана старалась не смотреть на изломанные задние ноги коня. То, что это сильное, жилистое тело теперь бесполезно, казалось неправильным, невозможным.

– Ведьма... Не люблю это слово. – Девушка положила один пучок прямо под нос Князю. Тот понюхал травы, а затем, вытянув шею, поймал их зубами и принялся жевать.

– О, я тоже не люблю, – себе под нос протянула Руслана так, что услышать смог только Зоран.

– Чаровница. Ворожея. Кудесница. Уйка, – каждый легкий шаг колдуньи сопровождался новым словом. Она снежинкой кружила вокруг Князя, а потому не заметила, как Зоран и Руслана недоуменно переглянулись.

– Уйка? – Зоран, думая, что останется незамеченным, ласково погладил Князя за ухом. Кашлянул в кулак, возвращая лицу серьезный вид, и спросил: – Это твое имя?

– Имя дается с рождением. Оно путешествует с хозяином по земле и с ним же под нее уходит.

Уйка положила перед передними копытами Князя последний пучок трав и со всей серьезностью посмотрела на Руслану. От этого взгляда, пронизывающего, как ледяной ветер, стало не по себе. Будто кто-то закинул в душу искусно сплетенную сеть, поймал в нее все чувства и мысли, а теперь перебирал их, точно жемчуг.

– Имя определяет путь, но мое – из пути родилось.

Сказав это, Уйка резко крутанулась на босых пятках и пошла прочь от Князя, Зорана и Русланы. Когда льдистые глаза перестали ворошить душу, Руслана вспомнила, что все это время и не дышала толком. Теперь же она набрала полную грудь воздуха и чуть не осела на землю от облегчения.

Странная, чудная ворожея! Речь – не звонкий ручей, а подземный ключ – пробивается неумело, грубо. Взгляд пронизывает насквозь, и нет в нем ни страха, ни смущения. Может, потому, что Уйка просто не знает таких чувств?

– Она уходит! – Зоран смотрел Уйке вслед так, будто с собой чародейка забирала и жизнь Князя. Только тот все так же лежал на снегу и жевал колдовские травы.

Руслана наклонилась, разглядывая пучки незнакомых фиолетовых цветов в хороводе засушенных листьев. Но даже узнай она растения,

суть странного ритуала Уйки все равно оставалась загадкой.

– А как же конь? – Руслана выпрямилась во весь рост, будто голос из-за этого мог звучать громче. – Уйдешь, бросив Князя умирать?

– Упрекаешь, злишься, хотя сама едва его не убила. – Уйка невесомой пылинкой скользила по снежным холмам. Не человек – бестелесный дух, легче воздуха. – От тебя разит смертью.

Уйка сморщилась, будто и правда кожа Русланы за годы охоты напиталась солоноватым железным запахом. Думая, что никто не заметит, охотница поглубже втянула носом воздух, принялась. Нет, одежда все еще пахла домом, а прочие запахи на морозе и вовсе не различить.

– Все. Прочь от коня. Я сделала, что могла.

– Ты ничего не сделала! Помоги ему! – с нажимом произнесла Руслана, на какой-то миг забывшись. Перед ней не человек вовсе. Ведьма – подруга духов, невеста бесов.

– Не тебе приказывать мне, Охотница, – тонкое, как льняное семечко, лицо исказило отвращение.

Светлые глаза скользнули по шапке Русланы, ощупали взглядом кафтан, подбитый мехом. Руслана всегда гордилась, что выросла в семье охотника и от отца переняла все навыки. Но впервые она чувствовала – ее за это презирают.

– Я не тебе помогаю. Ему, – Уйка кивнула на Князя, и взгляд ее тут же смягчился. Лицо разгладилось, а брови жалобно выгнулись. – Животные лучше людей.

Последние слова она произнесла едва различимо, после чего отвернулась и продолжила идти, куда шла. Зоран и Руслана остались на дне оврага, не понимая, что делать дальше.

– И что нам делать теперь? – прокричал Зоран вслед колдунье. Та почти растворилась на фоне белоснежного снега, исчезла за тонкими голыми березками.

– Пусть уходит, – Руслана насупилась, исподлобья провожая Уйку тяжелым взглядом. – Сами разберемся. И выход из леса тоже сами найдем.

Зоран ее будто не слышал.

– Что делать с конем? Сколько нам ждать? – он кинулся за Уйкой, как щенок за хозяином. Та даже не обернулась.

Ну и ладно. Зоран не сможет догнать лесную ведьму и вскоре вернется. Князь поправится... А если нет, Руслана закончит то, чему помешала Уйка.

Но о чем действительно стоило позаботиться, так это о еде.

С того момента, как они вошли в лес, солнце уже второй раз сияло в зените. И все, что съела Руслана, это немного хлеба. В животе урчало, в голове стоял голодный дурман. Еще чуть-чуть, и ноги начнут подгибаться!

Пурга нанесла таких сугробов, что ослабленным от голода, да еще и без коня и с сумками пройти не выйдет. Они околеют в лесу, так и не дойдя до Циркона.

На сук ближайшей ели, сбив крыльями с пушистых веток снег, опустился тетеревятник. Хищный золотой взгляд зацепился за Князя, но птица вскоре отвернулась. Даже мертвый конь вряд ли заинтересует тетеревятника, а вот белка или пташка помельче...

Зато Руслану тетерев вполне устраивал. Она быстро взвела лук и прицелилась, но спустить стрелу так и не успела.

– Нет!

Уйка возникла будто из вихря снежинок, который поднял слабый ветерок. Замерев между Русланой и ее неудавшейся добычей, Уйка широко раскинула руки.

– Сдурела?! – Стрела чуть не сорвалась с тетивы. Руслане стало дурно от одной лишь мысли, что она могла застрелить невинную... ведьму. – Куда лезешь?!

– Нет, все же ты жестокая, а не глупая! – будто не слыша Руслану, упрекнула Уйка.

Откуда-то издали послышалось недовольное «Эй! Куда?». Обе девушки недовольно обернулись на Зорана, а затем их взгляды вновь скрестились.

– Я могла тебя застрелить.

– Ты могла застрелить несчастную птичку!

– Я хочу есть!

– А она хочет жить! – выкрикнула в сердцах Уйка, да еще и ногой топнула. Снежинки взмыли в воздух, закружились вокруг чародейки, словно показывая нарастающую со злобой силу. – Посмотри на нее. Бедная. У нее ведь гнездо. Голодные птенцы.

– Мы с Зораном тоже голодные, – пробурчала Руслана, выглядывая из-за тощего плеча Уйки улетающего тетерева. – И ты, кстати, наверное, тоже... С такой чудью-то в голове.

– Что такое чудь? – искренне удивилась Уйка. Недовольная ведьма в ней будто уступила маленькой девочке, еще несмышленной и так мало знающей о настоящем мире.

Руслана удивленно приоткрыла рот. Неужто колдунья над ней издевается?!

– Чудь – это добрые мысли, – на издевку в голосе не было сил. – В тебе этого хоть отбавляй.

Руслана ожидала, что Уйка швырнет в нее пригоршню снега своей силой или еще чего похуже. Но та вдруг надулась гордо, выпятила грудь:

– Чудь, значит!.. А я, выходит, чудная?

– О, еще как!

– Так что с Князем? – к ним подоспел Зоран. Запыхался бегать по сугробам туда-сюда. Светлые волосы растрепались, но незабудки из них не выпали.

– И с едой что? – Руслана упрямо посмотрела на Уйку и показательно перехватила поудобнее лук. Мол, ты уйдешь, и я все равно кого-нибудь при– стрелю.

– Коню вашему вскоре станет лучше.

Зоран обрадованно засиял, точно драгоценный камушек в перстне знатного боярина. Руслана догадывалась, о чем он думает: дождутся тут вечера и продолжат путь. Но Уйка затушила зародившуюся улыбку:

– Когда – не ясно. Может, сегодня. Может, когда сойдет снег. Но людям рядом быть нельзя. Отпугнете чары. Прогоните духов-лекарей, что на запах трав явятся.

Зоран поджал губы, с горечью обернулся на Князя. Не просто конь, а верный друг, подумалось Руслане. Отчаянно захотелось, чтобы эта чудная колдунья не ошиблась, чтобы Князь как можно скорее и правда поправился.

– Он найдет вас сам. Переждите.

И где же ждать? Вернуться к дубу? Вновь прятаться под его корнями, надеясь, что духи-огоньки снова согреют, спасут от морозов?

– В лесу оставаться нельзя, – Зоран качнул головой.

Руслана оторвала взгляд от цепочки следов, что вела обратно, к дубу. Устало качнула головой.

– Нам нужно где-то остановиться. И поесть, – Руслана с хитрецей посмотрела на Уйку. Та с раздражением глянула на лук, но все же сдалась:

– Я провожу вас до Циркона.

* * *

Вопросы Зорана не иссякали. Он почти без умолку донимал Уйку, выпрашивая о Князе и ее целебных чарах. А что за травы? А как помогут? А что будет, если Князю не станет лучше? А если станет?

Руслана тащилась в конце их небольшого отряда и добрую часть пути вгрызалась удивленным взглядом в спину Зорана. Она и не думала, что дозорный может быть таким... приставучим. Но то, как Зоран пытал Уйку, Руслане даже нравилось.

– Русалкина голова, – в очередной раз устало повторила Уйка, перебираясь через выворотень. – Эти цветы сами по себе целебны.

– Князь их жевал, – с надеждой в голосе вспомнил Зоран, но и Руслана, и Уйка лишь покачали головами.

– Растение не срastит кости. Воин, – колдунья фыркнула, – что с тебя взять?

– Но я понял, что...

– Ничего ты не понял. Сказала же, запах трав должен привлечь к твоему другу лесных лекарей.

«Лекарей», – мысленно передразнила Руслана. Знамо, что за лекарей могла позвать колдунья! Всем известно, что чародеи якшаются с нечистой силой, что бесы сами тянутся к ним – таким же порождениям неизведанного, темного. Злые духи выпрашивают у колдунов задания, прислуживают им, а самые сильные – берут чародеек в жены.

Интересно, сколько слуг у Уйки? Есть ли бес, которому она обещана?

– Ты живешь в Цирконе? – издали начала Руслана. Охотница – даже в поиске правды, а не зверя, – она привыкла подмечать мелочи. Пусть они приведут к верному следу. Нельзя двигаться напролом.

Уйка искоса, будто случайно, обернулась на Руслану. Она ожидала увидеть на лице колдуньи тень подозрения, но с удивлением отметила, что вопрос Уйку смутил.

– Нет, – неохотно призналась та. – Но дорогу и город знаю.

– А где ты живешь? – Зоран спрашивал искренне, вовсе не подозревая, что невольно ввязался в игру охотницы.

– Где придется, – еще больше посмурнела Уйка.

– То есть там, где найдется работа?

Уйка остановилась и с видом обиженного котенка уставилась на Руслану:

– Сейчас я временно живу в Цирконе. Поэтому и взялась вас проводить.

Под недоуменным взглядом Зорана Руслана сдержанно кивнула, и троица продолжила путь.

Значит, она не ошиблась. Колдунья, как и многие из ее племени, не нашла дом, где ее природу примут или где ворожбу удастся достаточно долго скрывать. Получается, она живет лишь благодаря тому, что лечит людей, снимает чужое колдовство и порчи? Зарабатывает наверняка не монеты, а еду, питье и временный кров.

Скользкая дорожка.

К колдунам у обычных людей смешанные чувства – уважение к силе тесно переплетено со страхом. Стоит чародею оступиться, и заискивающее почтение расколется, открывая спрятанную под ним глубокую ненависть. И повезет, если все кончится лишь насмешками, а не приглашающей весточкой палачам.

Воспоминание о них прогнало по телу дрожь. В ушах зазвенела жуткая песня. То был лишь мираж ауки, но сердце все равно участило ритм, стоило в мыслях пронестись строкам, что стойко въелись в память: «Мы восславим человечность, колдовство рассеем в пыль!»

– Зоран, – голос чуть дрожал, как и кончики заледеневших пальцев. – Нельзя в Цирконе останавливаться на постоялом дворе.

За рябью белых от снега стволов уже виднелись далекие избышки. От их труб к небу тянулись стебельки дыма, а окошки в сгущающихся сумерках манили уютным свечением.

– Боишься, что палачи нас ждут?

Зоран по привычке положил ладонь на рукоять меча, будто враг уже был здесь. Отвернувшись от близящегося пригорода, страж

вернулся к Руслане. Ей показалось, что свободной рукой он хотел коснуться ее плеча, ободряюще притянуть к себе. Но когда их разделяла всего пара шагов, Зоран остановился и покорно склонил голову.

– Мы что-нибудь придумаем.

«Будто я его госпожа, – с неожиданной тоской подумала Руслана и с досадой поджала губы. – Или не человек вовсе. Чужая драгоценность, которую нужно уберечь в дороге».

– Палачи? – снег даже не скрипнул под босыми ступнями Уйки.

Ее бледное лицо вмиг оказалось на расстоянии вытянутой руки слева от Зорана.

– Эти мясники? Почему вы не сказали, что за вами погоня?!

– Потому что ты не спрашивала, – развела руками Руслана.

– Потому что были вещи поважнее, – одновременно с ней напомнил Зоран о ранах Князя.

– Но они не знают, как мы выйдем.

Сказав это, Руслана прикрыла веки, и перед внутренним взором заплясали свежие воспоминания. Родной дом. Скорое прощание. Топот копыт и снег, искрами взметающийся с дороги. И снова нутро сжалось от безответного: «Не тронули же палачи отца и матушку?»

– Мы сделали все, что могли.

Кому предназначались эти слова Зорана? Уйке или ей? Руслана подняла взор слишком поздно, чтобы узнать наверняка. Зоран уже отвернулся, вновь вглядывался в далекие огоньки чужих домов.

Уйка металась и не знала, что делать: беспокойно ходила от одной тонкой ели к другой, кусала заалевшие губы и что-то неразборчиво бурчала. Напускает порчу? Нет, с таким потеряннным видом вряд ли кто-то будет колдовать.

Руслана привалилась спиной к ближайшему дереву, чтобы дать ногам и спине хоть сколько-нибудь отдохнуть. Сквозь кафтан коснулась груди в том месте, где под плотной тканью покоилась ладанка с родной землей. Матушка учила собирать такой оберег: в небольшой мешочек нужно зашить щепоть земли с ростани у дома, столько же – из-под печи и из-под ворот. Родная земля поможет вернуться домой и уберезет от бед, которые могут настичуть в пути. Но, похоже, не всякая напасть такому оберегу по зубам.

– Боишься палачей, – вслух подметила Руслана. – Сталкивалась уже с ними?

Уйка перестала бродить из стороны в сторону. Остановилась, будто перед ней выросла незримая стена.

– Я видела, как они казнили ведьму.

– Давно? – Зоран выглядел таким же удивленным, как и Руслана.

О палачах слышали все, но в Хрустале охотники на ведьм никогда не появлялись. Не верилось, что колдунов в городе вовсе не было. Скорее, они просто хорошо прятали свой талант, а не пытались на нем нажиться. Или *выжить* благодаря ему. Как Уйка.

– Давно, – в опустившихся сумерках Уйка походила на печального призрака. – Я тогда только начала выходить из леса. Только стала понимать людскую речь. Меня кликали Юродивой. Никак не колдуньей. Потому и палачам до меня дела не было.

Смысл слов постепенно складывался в голове Русланы в странную, необычную картинку. Слова Уйки заставили охотницу по-новому взглянуть на колдунью. Без едкого раздражения, с которого началось знакомство. Без первородного страха перед неведомой силой, подвластной чародейке.

Теперь Руслана смотрела с изумлением напололам с жалостью, не веря, что поняла все верно. Но Уйка не увидела направленного на нее взгляда, не почувствовала, что слушатели ее переменились в лицах. Всхлипнув глухо, она продолжила:

– Она была плохим человеком. Воровала молоко у коров, и те после этого сильно хворали. Просила монеты, чтобы вылечить буренок от своего же зла. Она думала, что люди терпят. Но они просто ждали помощи.

Уйка запинаясь, говорила торопливо и суетно. Будто убегала от воспоминаний, вылитых в слова.

– Помню, как ее поймали. Она кричала, грозилась проклясть всех, но только хуже делала. Помню... Один мужик ей сказал: «Пугаешь колдовством, ведьма? Так лучше заговори мой кулак, чтобы он тебя не бил».

Что было дальше, и так ясно. Уйка умолкла, задыхалась тяжело и часто.

– Ты никому раньше это не рассказывала? – хрипый, чуть дрожащий голос звучал так, будто Зоран молчал годами.

Уйка качнула головой, а потом уронила лицо в ладони и заплакала. Зоран замер. Как и любой суровый воин, он терялся, видя девичьи слезы. Он беспомощно обернулся на Руслану, но та, такая же взволнованная, лишь пожала плечами. Тогда Зоран по-медвежьки неловко заключил колдунью в успокаивающие объятия. Потрепал ее по плечу, подбадривающе обронил:

– Ну же. Все хорошо.

И на душе стало одновременно и светло, и больно. Хотела бы Руслана, чтобы точно так кто-то успокаивал и ее. Чтобы шептал уверенно: «Ты вернешься домой». Но просить о подобном – значило проявить слабость. А слабые охотники всегда проигрывают лесу. Так учил Моймир.

– Пойдем в город порознь. – Руслана закинула лук за спину и пошла к выходу из леса.

Зоран выпустил Уйку, и та качнулась, как снежинка на ветру. Колдунья, которая только-только успокоилась, вновь выглядела так, будто готовилась разрыдаться.

– Руслана, – он поймал ее за плечо, когда охотница проходила мимо. Ничего больше не сказал, лишь смотрел в глаза внимательным долгим взглядом.

Не верилось, что еще миг назад суровый ястреб клекотал соловьем, утешая.

– Уйка боится нас. Боится тени палачей, которая тянется за нами. Посмотри на нее.

И правда, Уйка пятилась от девушки и стража, будто это они были охотниками на ведьм. Будто не меха носила Руслана, а, как настоящий палач, ожерелье из зубов убитых колдунов да обручья с нанизанными на металл косточками.

– Ей все равно негде нас приютить, – уже тише добавила Руслана и в ответном взгляде Зорана прочла – он понял ее.

– Спасибо, что помогла Князю, – Зоран низко поклонился Уйке, и та перестала пятиться. Остановилась меж тонких берез, положила на их стволы бледные ладони, точно деревья давали ей опору и силу.

– Спасибо, что помогла выйти из леса. – Руслана затолкала подальше мысль – она и без колдуньи нашла бы дорогу – и тоже склонила голову. – Боле мы тебя не потревожим.

Напуганная, как лесной олень, потревоженный людьми, Уйка ничего не сказала на прощание.

Глава 9

Змей и молоко

Циркон распластался от леса к югу, где лег на холмистую местность. Дороги то тянулись вверх, то ручейком соскальзывали вниз. На окраине города, как и в Хрустале, дома стояли редко. Но если в родном городе такие места можно было пересечь довольно быстро, то Циркон казался мучительно длинным.

По пути им встретился всего один постоялый двор, но Зоран и Руслана прошли мимо, даже не замедлив шаг. Палачи не знали, как выглядят беглецы из Хрусталя, однако вряд ли поверят, что путница в компании дозорного забрела на окраины в поисках ночлега просто так.

– На въезде в город я видела заброшенную мельницу. – Руслана дыхнула горячим паром на околешние пальцы. Зубы стучали от холода, который липкими пальцами забрался под кафтан.

– Нельзя. Там тоже искать могут.

Тащиться по чужой улице в незнакомом городе уже не оставалось сил. Что они ищут и на что рассчитывают? Стучаться в случайную избу и проситься на ночлег опасно. Вдруг палачи успели предупредить горожан и весть о «ведьме» и ее охраннике опередила Зорана и Руслану?

– А ведь Уйка так по лесам всю жизнь мыкается. – Руслана с тоской оглянулась на чужое окошко, светлячком промелькнувшее мимо. За тонкой слюдой виднелась растопленная печь. У стола собрались домочадцы.

В животе снова жалобно застонало. Голод грыз изнутри, а мороз – снаружи. Руслана и думать забыла о поисках Войко. Не околеть бы насмерть!

– Может, для нее это к лучшему, – ответил Зоран, когда они добрались до следующей околицы, за которую не собирались шагнуть.

– Лучше? – Руслана не поверила ушам. – Ты ведь слышал, что Уйка сказала. Она почти всю жизнь провела в лесу. Даже речи людской не знала! Юродивой бродяжкой побиралась на улицах! Разве это жизнь?

– Подумай, раз она даже говорить не умела, то попала в лес еще ребенком. Она бы не протянула в чаще одна. Ее кто-то учил воровке да выживанию.

Мимо прошел закутанный в тулуп мужик. Заметив одежду Зорана и меч на его поясе, незнакомец коротко поклонился и продолжил путь. Форма дозорных во всем княжестве была одинакова, но пользоваться положением Зорана, чтобы найти кров, было опасно, как ни глянь.

Руслана упрямо переставляла ноги, хотя сил на это уже почти не осталось. Она переоценила себя, когда решила, что годы охоты ее закалили. Прийти в лес за добычей, чтобы вечером вернуться в теплую избу, и пытаться выжить в чаще – несравнимые испытания.

– Присядь, – Зоран услужливо стряхнул подушку снега с пенька, что встретился им на пути.

Просить Руслану дважды не пришлось. Ноги гудели, перед глазами плыло не то от голода, не то из-за тающих на ресницах снежинок.

– Ты тоже, – она поймала Зорана за край плаща и упрямо потянула.

Показалось, что на его лице мелькнула улыбка, рассмотреть Руслана не успела. Зоран опустился рядом.

– Немного посидим и пойдем дальше. Если ничего под руку не подвернется, заглянем в ближайшую конюшню. Скажем, как тогда, в Хрустале, что хотим выловить беглеца. Нам поверят, – Зоран коснулся ножен, под которыми на клинке прятался княжеский знак.

– Лучше сразу искать конюшню. – Руслана снова подышала на замерзшие ладони, сложив их ковшиком. Потерла молча, а потом добавила: – Мы уповаем на чудо, которое не случится. Нужно действовать, пока совсем не окоченели.

– Как пожелаешь, госпожа.

«Госпожа». Слово мягкое, как соболиный мех, но такое же диковинное, будто отдаляло ее от Зорана. Оно напоминало, что охотница и страж вовсе не на равных. Отец сотворил ей не друга, а слугу-заступника. И на радость матушке, Зоран четко помнил об этом.

Послышался шорох ткани, и что-то легло на плечи Русланы. Стало чуть теплее, а когда Руслана подняла глаза, тело и вовсе окутало жаром.

– Теплее? – Зоран поправил свой плащ, наброшенный на плечи Русланы так, чтобы получше укрыть ее. Щеки до румянца ужалило отнюдь не мо– розом.

– Спасибо. – Руслана замотала ладони в плотную ткань плаща. Кожу защипало от хлынувшего по жилам тепла. Почему-то подумалось о Яромире, который набивался ей в мужья, и о том, что он ее вот так никогда даже не пытался согреть.

Да что там! Яромир во время их прогулок с друзьями даже не спрашивал никогда, замерзла ли Руслана. Может, думал, раз девица в меха разодета, то мороз ее и кусать не станет?

– Уже решила, что будешь делать, когда вернем Войко в Хрусталь?

– Я об этом не думаю, – честно призналась Руслана, глядя на дорогу, бегущую на холм. Хотелось бы верить, что эта тропа как можно скорее приведет к конюшне. – Страшно загадывать из-за палачей. Вдруг мне не поверят? Скажут, что околдовала Войко, чтобы он меня невиновной признал?

– Глупости.

– Вовсе нет. Многие в Хрустале поверили, что это я вьюгу наслала. Кто-то даже говорит, что бесов в тот вечер видел. Якобы они мне прислуживают...

Зоран тяжело вздохнул и неодобрительно покачал головой.

– Какой палачам толк за тобой гоняться, если Войко вернется? Ты ведь никому зла не сделала.

Руслана горько усмехнулась:

– Будто им есть дело, злая ведьма или добрая... Думаешь, если кто-то решит сдать палачам Уйку, ее пощадят?

Она живо представила бледную, как звездный блик, тонкую, как щепка, колдунью. По-детски наивная, нелюдями воспитанная – от людей далекая. Она и мухи не обидит! Но палачи ее в живых ни за что не оставят, если узнают, что Уйка – чародейка.

– Не за зло колдуний казнят, а за связь с нечистой силой. За то, что с духами и бесами женятся и ведут на свет таких же противных землематушке отродий с силами противоестественными, – тусклым голосом повторила Руслана то, что слышала не единожды.

– Считаешь, это правильно?

Она повернула голову, посмотрела в глаза, что в сумерках казались не зелеными, а черными. На светлые волосы, выбившиеся из-под шапки, и на цветы, что все еще цеплялись за золотистые пряди стеблями.

– Не считаю. И чародейки, и духи, которых палачи изводят, не всегда несут зло и смерти не заслуживают.

Зоран долго молчал, и в голове засела зудящая мысль: «Сейчас. Скажи ему, что он сам не до конца человек!» Но Руслана смотрела на незабудки в медовых волосах, вспоминала о чужом видении из летнего леса о Лихо и не могла.

Всего одна фраза, но она способна перевернуть мир Зорана и разрушить его самого.

– Я боюсь магии, но с тобой все равно согласен. Уничтожать все, что пугает своей силой, – жестоко и глупо.

Руслана выдохнула с облегчением и не заметила, как чуть склонилась поближе к Зорану. Тепло, исходящее от него, согревало куда лучше чуть влажного от снега плаща.

– Зоран. – Под прикрытыми веками танцевали чужие видения из леса. Но можно ли им верить? – Почему ты боишься духов?

Он заерзал на месте, якобы поправляя плащ. Расскажет правду или совет? Совпадет ли рассказ с тем, что Руслана и так уже знает?

– Старая история. Нечего о ней вспоминать. – Под подошвами Зорана скрипнул свежий снег, когда тот поднялся с широкого пня. – Согрелась?

Руслане осталось лишь поджать губы и кивнуть. Она тоже встала и двинулась следом за Зораном, стараясь идти чуть позади. Не хотела, чтобы он видел разочарование, маской прилипшее к лицу.

Ей не нравилось, что клятва, которой Зоран послушно следовал, сделала из дозорного ее личного слугу. Руслана надеялась, что общий путь, общие беды разрушат несуществующую ступень, возвышающую девушку над Зораном.

Отец сослужил ей дурную службу. Он подарил спутника и защитника, но – вот беда – Руслана чувствовала себя одиноко рядом с *таким* Зораном.

Руслане не нужен защитник. Она сама способна постоять за себя и выжить хоть в лесной чаще, хоть в незнакомом городе. Ей сейчас куда нужнее друг, который разделит ее печаль и боль.

Снова вспомнилось, как Зоран обнял Уйку, как утешал ее горе. Вот что нужно Руслане. Не чужие мечи и стрелы, не воин, готовый кинуться ради нее хоть на копьё, хоть в объятья омутницы.

Ей нужно дружеское плечо и человеческое тепло.

«Но он ведь не человек», – напомнил голос матушки, и горечь липким комом встала поперек горла.

Вдруг ветер усилился, снег поднялся в воздух. Живое полотно из колючих крошечных кристаллов закружило вокруг путников, как охотничий пес вокруг загнанного кролика.

Руслана огляделась – никого вокруг не было. В новый ураган они с Зораном опять угодили вдвоем. Она закрыла лицо, выставив перед собой руку, чуть склонилась, чтобы легче идти против ветра, но не успела преодолеть и пары локтей – метель завывала, принося знакомый голос:

– Стойте!

Уйка босиком ступала по ветру, что искрил под ней, как островок звездного неба, упавшего наземь. Колдунья будто шла по незримому мостику из тончайшего стекла – двигалась на носочках, легкими прыжками.

Еще никогда Руслана не видела ничего подобного. От завораживающей магии было сложно оторвать глаз, хотелось любоваться ею, не замечая, что стоишь с открытым ртом. Но в висках горячо пульсировало: «Палачи. Палачи рядом!»

– Она парит! – со смесью восторга и ужаса выдохнул Зоран.

– Спускайся! Быстрее! – прошипела Руслана едва слышно, хотя хотелось кричать. Нельзя. Ветер и так донесет Уйке ее слова.

Прошла всего пара мгновений, и Уйка наконец поплыла вниз. Метель заставляла щуриться, а потому казалось, что на землю сошла сама луна. Уйка звездным светом заскользила по снежному покрову, не оставляя следов, ни на ноготок не проваливаясь в су– гробы.

– Что ты вытворяешь? – Руслана беспокойно озиралась, боясь обнаружить, что кто-то их заметил. Вдруг случайный прохожий подсмотрел из тени того молодого дуба? Или притаился в темноте избы за тонким оконцем? – А если кто увидит? Ты же нас всех...

Детское личико Уйки сморщилось от обиды, как старое яблоко. Руслана ощущала себя так, будто отчитывает малое дитя, хотя Уйка была ненамного младше ее самой.

– Что ты здесь делаешь? – Зоран тоже настороженно осматривался, но при этом говорил спокойно и ровно. – Что-то случилось?

Уйка сначала кивнула, но тут же торопливо замотала головой.

«Ей просто страшно», – подумала Руслана, глядя в светлые глаза, в которых блестели слезы. Нижняя губа Уйки подрагивала, и если бы Руслана не видела колдунью раньше, то подумала бы – от холода. Уйка опять была одета не по погоде. Снова босиком и без головного убора, и даже душегрея куда-то пропала. Выходит, колдунья успела где-то оставить верхнюю одежду?

– Не могу я вас бросить вот так, – вопреки догадкам Русланы выпалила Уйка.

Она вскинула глаза, из которых мигом пропали и наивность, и легкость, присущая лишь детям. Уйка смотрела на Зорана так прямо и дерзко, что Руслана невольно ощутила себя лишней.

– Если в беде вас оставлю, чем я лучше палачей? – пылко заявила Уйка. Не дожидаясь чужих слов, ворожея по заметенной тропинке направилась в ту сторону, откуда Зоран и Руслана пришли. Вскоре она обернулась, махнула рукой, приглашая: – За мной! Давайте же!

Руслана недоверчиво покосилась на Зорана. Куда их может приглашать кочующая ведьма? Но Зоран только пожал плечами и кивком позвал ее вслед за собой и Уйкой.

* * *

В избе было и тепло, и светло, но странно пусто. Будто печь растопили призраки и теперь сидели за старым деревянным столом в центре комнаты.

– Хозяин! – крикнула Уйка, когда за Русланой и Зораном с протяжным скрипом закрылась дверь. – Я вернулась!

В ответ послышалось натужное мычание, будто кому-то в горло провалился распухший язык. Звук исходил с лежанки на печи из битой глины. Там же кто-то, укутанный в несколько одеял, внезапно заворочался.

– Я не одна, – будто отвечая на понятную лишь ей речь, Уйка широким жестом указала на приведенных гостей. – Я с... друзьями.

Васильковский взгляд метнулся на Зорана, затем встретился с недоуменным взором Русланы. Ах, точно! Уйка ведь так и не узнала их имен!

– Спасибо за гостеприимство, хозяин. – Зоран догадливо выступил вперед и вежливо поклонился живому комку из одеял. – Меня Зораном звать. А мою спутницу – Русланой.

Она тоже поклонилась, но глаза не опустила. Все вглядывалась в тени, клубившиеся на печке. Пыталась понять – человек перед ней или показавшийся людям дух?

– Спасибо.

– Зоран, Руслана, – Уйка произнесла новые имена так, точно тайком пробовала яблоки с чужого дерева – со смущением и неловкостью. – Пойдемте в дом.

На столе горела сосновая лучина, отбрасывая тени на бревенчатые стены. Когда Руслана шла по избе, ей казалось, что тени идут следом. Половицы скрипели. В небольшие оконца, затянутые говяжьими пузырями, заглядывала холодная ночь.

– Вы, наверное, голодны? – дрожащим голосом пролепетала Уйка. Бедняжка не знала, куда деться от стеснения.

– Очень! – выпалила Руслана, уже стягивая верхнюю одежду.

Уйка посмотрела на меховую подкладку кафтана охотницы и нехорошо сощурилась:

– Мяса нет.

– Мы будем рады любой еде, – мягко вклинился Зоран.

Лицо Уйки тут же просветлело:

– Я приготовлю тыкву! – окончание фразы донеслось уже из кладовой.

Едва Уйка ушла за тыквой, Зоран огляделся. Уже не как гость, а как опытный воин. Пристально осмотрел каждый уголок и, как и Руслана, остановил взор на печи.

– Человек? – беззвучно открылись его губы. Подбородком Зоран указал на загадочного хо–зяина.

Руслана пожала плечами и на цыпочках подкралась чуть ближе к дышащей жаром печи. Тотчас тень зашевелилась, застонала, точно от боли, и из-под одеял показалось щербатое лицо незнакомого мужика. Он не выглядел безумцем или дурачком. Взор, направленный на Руслану, был вполне осмысленным, а в одутловатых чертах лица не

читалась болезнь. Только вот говорить мужчина не мог, как ни пытался.

– М-м-м, – промычал бородач и рысью спрыгнул с печи. Не стар и вполне силен.

Руслана отпрянула, а Зоран, наоборот, выступил вперед. Мужчина замотал головой, как теленок, которого вели на привязи, спешно замахал жилистыми руками. Пытался что-то изобразить, но гости лишь хмурили лбы.

– М-м-м, – показал он на стол и замычал громче. – М-м-м!

– Хозяин, ты чего подскочил? – в комнату, обнимая две ярко-оранжевые тыквы размером с головы хороших поросей, влетела Уйка. Она бухнула тыквы на стол, сдула с лица белоснежную прядку и взволнованно усадила немого за стол. – Это мои друзья. Они нас не обидят.

– М-м, – закачал тот головой, а потом поверженно ее опустил.

Пока Уйка любовно гладила мужика по поредевшим у макушки темным волосам, немой разглядывал гостей. Руслане от его цепкого взора было не по себе. Казалось, бедолага, лишенный людской речи, общался без слов – в его жестах, выражении лица и даже взглядах было столько всего!.. Но Руслана не понимала. Смущенная странным знакомством, она могла лишь гадать, в чьем доме оказалась.

– Хозяин приглашает нас к столу, – наконец перевела Уйка. Мужик снова замычал, и колдунья добавила: – Еще он разрешает остаться на ночь, но спать придется в светлице. Отдельных комнат для гос–тей нет.

– Главное, что в тепле, – Зоран вновь поклонился, и Руслана сделала то же самое. – Я и на полу поспать могу. Лавки уступлю девушкам.

– Вот и ладненько! – хлопнула в ладоши Уйка и радостно закружилась в танце с одной из тыкв.

Хозяин издал гаркающий звук, напоминающий смех. Он с отеческим теплом наблюдал за Уйкой, а когда та закончила танцевать, помог разделать тыквы. Все собрались вокруг стола, и каждый был занят своим делом. Мужчины орудовали большими ножами, а девушки резали тыквы на кусочки поменьше.

– М-м? – когда с первой тыквой было покончено, Хозяин очертил рукой пространство вокруг и вопросительно посмотрел сначала на

Зорана, а затем на Руслану.

– Спрашивает, как вам Циркон, – подсказала Уйка и стерла со лба выступивший пот. Колдунья стояла у пышущей жаром печи – складывала на шесток порезанную тыкву.

– Хороший город, – вежливо улыбнулась Руслана. Она ловко орудовала маленьким ножичком. Даже не глядя на стол, умудрялась резать все ровно, не поранившись. – Люди здесь добрые. Гости–приимные.

Она украдкой посмотрела на Уйку, вспомнив, как та чуть под снегом их не похоронила. Всего-то стоило навести стрелу на зверя!

Хозяин после слов Русланы стал будто бы мрачнее. Без бывшего блеска в темных глазах он взялся помогать гостям – подавал Уйке готовые к жарке ку–сочки.

– М? – Хозяин ткнул пальцем в Зорана, когда тот пересекся с ним взглядами.

– А мне не с чем сравнивать, – пожал тот плечами. – Я всю жизнь провел в Хрустале. Город не большой, но и не маленький, но и его я посмотрел не весь.

– Почему? – сочувственно спросила Уйка.

– Я с детства покинул родной дом, чтобы попасть в дружину. Жил в Хрустале, но с княжескими наместниками и другими мальчиками, которые хотели стать воинами.

– Люди, – фыркнула Уйка. – Не понять мне вас. Как можно хотеть быть воином? Проливать чужую кровь, рисковать жизнью?

– В родном доме мне не было места. Я искал способ сбежать и нашел его в дружине.

Руслана внутренним взором вновь нырнула в чужое прошлое. Вспомнила братьев и сестер Зорана, которые ненавидели неродного мальчика.

– Ты мог сбежать в лес, – с искренним недоумением Уйка выгнула светлые брови. Те мостиками повисли над широко распахнутыми глазами-озе–рами.

– М-м! – поддержал колдунью Хозяин.

И лишь Руслана не посмела даже мысленно обвинить Зорана или подумать, что его выбор был неверным. Она помнила его боль, которой мальчик истекал, как кровью, когда бежал в неприветливый лес. Она

знала, какой уродливый шрам на душе чаща подарила Зорану за пустое доверие.

– Быть воином – почетно и гордо, – заученно молвил Зоран. Руслана же услышала в этом другое: «В дружине свой кров. И деньги». Он сбежал, не сбегая. – Потому берут в дружину лишь отроков знати или талантливых бойцов. Пробриться я мог лишь вторым путем, поэтому отдал жизнь обучению военному делу и тренировкам. Я преуспел и мог бы стать гриднем...

– Княжеским стражем?! – от изумления Руслана едва не выронила ножик.

Другой бы на месте Зорана возгордился, не преминул бы похвастаться. Но Зоран выглядел усталым... и пустым.

– Я не смог уехать из Хрусталя, хотя мечтал об этом все детство и юность.

– М-м?

– Как это... не смог? – Руслана оперлась на край стола. Почему-то слегка закружилась голова, и стало дурно. В мыслях, как пчелы в улье, жажужжали чужие голоса:

«И если уж считаешь, что должен мне... Пообещай, что, когда однажды приду к тебе с просьбой, ты исполнишь ее».

«И все же запомни, Охотница: клятвы духов нерушимы. Некоторым обещаниям даже смерть не преграда».

«Клянусь!»

Зоран приблизился к Руслане, и она чуть отпрянула. Он того не заметил – забрал со стола порезанную тыкву и отнес к печи. Ни на кого не глядя, сказал:

– Я не привык нарушать обещания. Меня держала неисполненная клятва.

– А сейчас ты связан новой, – Руслана хотела вырвать ту часть себя, что привязала к ней Зорана. Но ему, похоже, это было не нужно.

– Пусть. Я ни о чем не жалею.

Голос стража был тверже закаленной стали.

Сладкую горячую тыкву запивали молоком, которое Уйка принесла из подклета. Себе, Зорану и Руслане она налила его в глиняные посуды, а перед Хозяином поставила целую крынку, заполненную доверху.

За столом сидели долго. Даже когда с едой было покончено, по просьбе Уйки все остались сидеть. Лишь крынка Хозяина все также наполнилась молоком.

Это отец Уйки? Нет, Руслана отмела эту мысль. Иначе не звала бы колдунья мужика Хозяином. Да и не похожи они вовсе – хрустальная хрупкая красота против темных волос и еще более темных глаз. Точно не родные.

– Расскажите о Хрустале? – попросила Уйка, когда сытые гости начали скучать. – Я, кажется, была там. Когда-то...

Сидеть за столом уж боле не хотелось, но и отказать Уйке в просьбе ни Зоран, ни Руслана не могли, хоть оба устали с дороги. Путники грезили о том, как бы поскорее лечь спать. Но если бы не Уйка, спать бы им пришлось на улице.

Руслана рассказывала первой. О ярких праздниках, о лесе, о том, как красиво в городе по весне цветут яблони. Хотела рассказать о добрых соседях и о друзьях, но прикусила язык, когда вспомнила – соседи были готовы отдать ее на костер палачей, а друзья испарились, поверив в выдумку отца Войко.

Когда Руслана замаялась, слово взял Зоран. Он говорил о службе и тренировках, о строгих учителях и товарищах по службе.

Хозяин и Уйка слушали с интересом, но и у гостей были вопросы.

– Ну а ты? Где твой родной город? – разглядывая пустое доньшко посуды, обратилась к Уйке Руслана.

Та положила на стол выеденную подчистую тыквенную корку и призналась:

– Не знаю.

– Ты много странствуешь, верно? – Сидя на лавке, Зоран привалился спиной к деревянной стене. Он тоже давно поел, и за столом его держала лишь просьба Уйки. Та в ответ на вопрос лишь кивнула и опустила глаза к рукам, что сцепила в замок на коленках.

Зоран под столом легонько коснулся руки Русланы. Она тут же вскинула взгляд на Зорана, и тот едва заметно кивнул сначала на Уйку,

потом на окно. Вполне красноречиво, если вспомнить, что в той стороне как раз простирался лес.

Но разве спросишь колдунью о ее прошлом в лоб?

Разговор пресек раздавшийся храп. Хозяин, сидя на лавке, пошатнулся. Еще немного, и он бы завалился на стол, прямо на крынку с молоком, но Уйка поймала мужчину. Она налегла всем весом, но привалить грузного здоровяка к стене все равно не сумела.

– Помогите! – пискнула жалобно.

Руслана перепорхнула с одной лавки на другую, помогла удержать Хозяина. Теперь он сидел ровно, с обеих сторон его от падения защищали девушки. Лишь голова его повисла, выдавая, что человек спит.

– Что было в его молоке? – прошептала Руслана, с грозным прищуром глядя в большие и светлые глаза Уйки. – Ты его отравила? Зачем?!

– Не травила! – вскинулась та и так резко замотала головой, что чуть не ударилась виском об угол стола.

Вот еще. Не хватало еще одного безвольного тела!

Зоран обошел стол и заглянул в крынку Хозяина. Брови его хмуро сошлись на переносице, а взгляд стал колючим. В тот момент Руслана порадовалась, что они не враги, а союзники.

– Что за траву ты ему подмешала в молоко?

– Поставь на место! – Уйка наверняка пыталась, чтобы голос ее звучал твердо, но слова больше походили на мольбу, а не на приказ. Поняв это, колдунья добавила: – Пожалуйста.

Зоран не спешил вновь двигать крынку под нос несчастного спящего.

– Ты его усыпила, – уже не шепотом сказала Руслана. Звучный храп Хозяина почти не оставлял сомнений – сон насанный. – Зачем?

Уйка взволнованно кусала губу. В это время руки ее все так же крепко держали спящего мужчину. Ну не могла же она со злым умыслом все это учинить?..

– Он проклят, – наконец, нерешительно выдавила ворожея. – Я так думаю. Мне кажется...

– Вы давно знакомы? – строгий тон Зорана пугал даже Руслану.

– Не больше седмицы. Мы встретились, когда я из леса случайно забрела в Циркон.

На этих словах Зоран и Руслана снова коротко переглянулись и кивнули друг другу. Она не сомневалась, что страж думает о том же. Все-таки Уйка – лесная ведьма. Среди людей она лишь временно кочует, когда иногда выходит из чащи.

– Он сидел на пороге дома, а я спросила дорогу.

– И лишь по тому, что он нем, ты решила, что мужик проклят?

– Нет. Потому что я увидела, как его сторонятся. – Уйка поверженно ссутулилась и опустила голову. Похоже, чувствовала, что ее доводам не верят. – Пожалуйста, поставьте молоко на место.

Зоран нехотя вернул крынку на край стола. Сделал он это осторожно, чтобы случайно не задеть мокрое от отравленного травами молока горлышко.

– Так что ты туда подсыпала? – Руслана с опаской смотрела на придвинутую крынку. Ей казалось, она чувствовала тонкий запах трав, спрятавшийся в теплом аромате молока.

Она чуть отодвинулась от Хозяина, чтобы вдыхать этот запах как можно меньше.

– Сон-трава. – Уйка со снисходительной улыбкой посмотрела на гостей, что со страхом воротили нос. – За ней-то я в лес сегодня и ходила, под снегом искала. Но не бойтесь, на вас она не подействует. В ваше молоко я ничего не добавляла.

– А запах? – насторожилась Руслана.

– Безвреден, – заверила Уйка и в доказательство своих слов низко склонилась над крышкой и вдохнула полной грудью. – Видите?

Стоило ей отодвинуться обратно, как храп Хозяина вдруг резко стих. Все взгляды обратились в его сторону, а потому каждый увидел, как из приоткрытого рта мужчины показался черный змей.

Руслана подскочила на месте, и от шума змей напугался – спрятался обратно.

– Тс-с! – Уйка прижала к губам палец и качнула головой. Она смотрела на Руслану с немой просьбой, умоляя сесть обратно. Хозяин, лишенный опоры, начал крениться в сторону.

– Руслана, встань. – Зоран боком приблизился к лавке, под которой лежал его меч. В одну руку он взял оголенное оружие, а вторую протянул де-вушке.

– Пожалуйста! – пискнула Уйка так жалобно, что Руслана не выдержала и посмотрела на нее.

По щекам колдуньи катились крупные слезы. Лицо ее побледнело от страха, а покусанные губы дрожали.

– Руслана.

– Помоги!

Меж бледных губ Хозяина снова показалась блестящая в свете лучины чешуя. Угольное тело змея выглянуло почти на ладонь. Полоз тянулся к крынке с молоком, и его такой же темный язык дрожал от голода.

Но в следующий миг тело Хозяина начало сползать вбок, отдаваясь от крынки. Змей зашипел, снова начал прятаться, а Уйка всхлипнула и отчаянно вцепилась в грузное тело. Колдунья пыталась удержать проклятого, но одной ей не хватало сил.

– Вот ведь! – буркнула Руслана и подлетела обратно, придержала Хозяина от падения. Змей замер, но уже в следующее мгновение снова потянулся к столу.

Даже не глядя на Зорана, Руслана кожей ощущала его неодобрение. Она понимала, что злость стража вполне оправдана. Зачем полезла на рожон? Но Хозяин их приютил, дал кров и еду, а Уйка... Ей они тоже обязаны.

– Не сейчас! – едва слышно прошептала Уйка, заставив Руслану все-таки посмотреть на Зорана.

Он подкрался к столу с запрокинутым для удара мечом. Пальцы, сжатые вокруг рукояти, побелели, а в глазах застыл уже знакомый Руслане ужас.

Духи и магия. Опять.

Все трое замерли. Задержав дыхание, они следили, как все длиннее становится тело змея. Между чешуйками, сверкающими ониксом, блестели ниточки слюны. Как же глубоко эта зараза сидела в Хозяине!

В какой-то момент тело змея напряглось, задрожало, как натянутая тетива. Полоз голодно раскрыл широкий рот и кончиком раздвоенного языка лизнул горлышко крынки.

«Эта вся его длина?» – Руслана медленно повернула голову от стола к Хозяину, и к горлу тут же подкатил ком рвоты. Хвост змея плотным узлом затянулся вокруг посиневшего языка проклятого.

– Руби! – Уйка подскочила и резво схватила Хозяина обеими руками за челюсти.

Зоран подлетел рысью. Сверкнуло лезвие меча.

Руслана испугалась, что змей спрячется обратно. Она видела этих гадин в лесу и знала, как проворны и быстры они могут быть. Охотница потянулась, чтобы схватить тварь за хвост, но ее остановил вопль Уйки:

– Не смей!!!

Руслана отдернула руки. Меч рассек змея и с грохотом ударился о стол. Лишь тогда Уйка схватила со стола тряпицу, скоро обернула ею руку. Быстро развязав ослабший узел, она вытащила изо рта мужика отрубленный черный хвост.

В тот же миг Хозяин открыл глаза. Сидя на лавке между девушками, перевел дух, а затем хрипло выдохнул:

– Спасибо.

Глава 10

Будь моим другом

Хозяина звали Жданом. Это единственное, что удалось вывести у ослабленного бедолаги. Он попросил помочь ему забраться на печку, где, до последней капли выжатый проклятьем, крепко уснул. Однако перед тем как вновь захрапеть, Ждан сквозь усталость сказал:

– В подклете есть мед. Возьмите. Заслужили.

Никто из них никогда не пробовал мед, который считался выпивкой богатых. А потому, несмотря на усталость, никто не отправился спать. Троица перебралась в светлицу, чтобы не мешать Ждану отдыхать. Зоран подтащил спальные широкие лавки к столу у окна. Руслана помогла Уйке принести бадью с медом, а после они разлили напитки по посудинам.

– У меня есть горсть клюквы, – Уйка достала из кармашка в подоле несколько рубиновых ягод. На ее бледной коже они походили на крупные бусины крови. – Выдавим в мед для вкуса?

Руслана первой потянулась за ягодами, первой сжала их в кулак над своим напитком. Сок щипал обветренную кожу и приятно пах, напоминая о летнем лесе.

– В подклете нашла? – Зоран тоже выжал ягоды в мед и слизнул с пальцев оставшийся на коже сок.

– В лесу, – опустила глаза Уйка и обеими ладонями обхватила свой стакан. – Набрала, когда искала сон-траву.

– К слову, зачем она была нужна? – поинтересовался Зоран. – Это был яд для змея?

Руслана первая отхлебнула напиток и сморщилась от его крепости. Зоран и Уйка рассмеялись над ней, но скорчили такие же лица, когда сами глотнули сладкого, с кислинкой, меда.

– Трава была для Хозяина, чтобы он уснул над кринкой с молоком. Молоко – приманка для змея. А змей – это порча, которую в Хозяина кто-то подсадил.

«Кто-то». Очевидно, что в Цирконе есть другая ведьма или колдун, и этот «кто-то» весьма неосторожно не скрывает свою силу.

– Как ты вообще нашла нужную траву под снегом? – Руслана оперлась локтями на стол и наклонилась к Уйке, которая сидела с другой стороны.

– А! – Зоран со стуком поставил стакан на стол. Часть меда выплеснулась на его руки. – То есть почему она не мерзнет в стужу тебя интересует меньше?

Уйка захохотала, прикрыв рот ладонью. Сейчас она выглядела удивительно расслабленной. Счастливой. Даже удивительно, что столько радости ей принесло спасение едва знакомого человека.

Зря все-таки Руслана решила, что Уйка ее из-за мехов невлюбила. Не умеет она долго злиться, не прорастают в ней даже семена темных чувств. Свежая и чистая, как первый снег. Может, она потому такая, что вдали от людей время проводит?

– Я слушаю подсказки духов и зверей, – призналась Уйка. – Они-то в лесу каждую веточку знают.

– Ты их понимаешь? И звери тебя совсем-совсем не трогают? Даже волки?

Уйка бодро кивнула и отпила меда. Глаза ее блестели, а улыбка не сходила с лица.

– А не мерзну я, потому что холод питает мои силы. В теплых местах мне плохо: дышать тяжелее, пот градом катится, и тело будто хуже слушается. А летом я слабее. В зной и вовсе колдовать не могу.

– О-о-о, – многозначительно протянула Руслана. – То есть сейчас, в тепле дома, ты ничего сделать не сможешь?

Колдунья загадочно ухмыльнулась, шевельнула пальцами, и на окне вдруг появился морозный узор – девушка с волчьими ушами на макушке. Руслана восторженно захлопала в ладоши, а Зоран спрятал улыбку за поднятым стаканом.

– Но не будь здесь окна, ничего бы не вышло.

Руслана все смотрела на блестящий инеем рисунок и не могла налюбоваться. Пока вдруг не вспомни– ла – уши!

– Тебе неприятно видеть, что я ношу мех? Знать, что ем мясо, добытое в лесу?

– Ну зачем ты, – шикнул Зоран.

Уйка глянула на него, как показалось Руслане, с благодарностью, однако от ответа не ушла. Перебирая платиновые локоны, она обронила:

– Мне больно думать о том, через какие муки прошли звери, чтобы ты грелась в их шкурах.

– Потому что они для тебя как друзья?

– Ты разве дружишь со всеми людьми на свете?

Руслана моргнула удивленно, мотнула головой.

– Вот и я – нет. Но представь, будто кто-то ходит в украшениях из костей людей. Носит на себе их кожу или волосы.

Мерзость. И хуже всего, что Руслана знала – такие люди существуют.

– Палачи, – тускло выдохнула она, и сладкий вкус меда на языке притупился. – Они так делают. Изготавливают из тел убитых ведьм и колдунов ядовитые порошки и усилители для чар.

Уйка понимающе кивнула, а Зоран с досадой поджал губы. Он с неммым укором смотрел на Руслану, которая завела разговор отнюдь не в приятное русло.

– Мне грустно видеть людей в мехах. Неприятно сидеть за столом, на котором стоит мясо. Мне странно, что некоторых животных заводят, чтобы убить.

– Людям нужно как-то выживать.

– Интересно, палачи говорят так же? – съехидничала Уйка.

Все желание сидеть за столом куда-то пропало. Мед больше не казался таким вкусным, а компания приятной. Почему Руслана могла понять Уйку, но колдунья ее – нет?

– Не всем, как тебе, мороз – друг и волк – товарищ.

Сказав это, Руслана поднялась с лавки. На дне стакана еще оставался вязкий золотистый мед, но сейчас и крошка поперек горла бы встала. Нет смысла оставаться здесь и ссориться еще больше.

– Для тебя люди, очевидно, стоят выше животных. Но я выросла в лесу и сужу иначе.

Ах вон оно как! Руслане было интересно, но возвращаться уже поздно.

– Тебя... украли? – уже за спиной послышался голос Зорана. Он ни слова в поддержку Русланы не сказал, зато вполне интересовался жизнью Уйки.

И пусть. Дух и колдунья – неудивительно, что они так спелись!

– Не помню. Мне всегда казалось, что я в лесу и родилась.

Больше Руслана ничего не услышала. Наскоро одевшись в сених, она выскользнула на улицу. От мороза трещал воздух, и Руслана порадовалась, что никакие предрассудки не мешают ей носить мех. Ни за что не променяет свой кафтан и шапку, подаренную отцом! Уйке не понять, каково это – замерзать, стуча зубами от холода и не чувствуя пальцев. Потому и злится.

Колдунью греет магия, но у простых людей есть только шкуры и огонь.

Руслана села на широкое крыльцо под дощатой вислой кровлей и стала смотреть, как медленно опадают крупные хлопья снежинок. Почему-то на душе было гадко, а на сердце беспокойно. Хотя все шло вроде бы неплохо: они невредимыми добрались до Циркона, нашли ночлег, помогли Ждану. Оставалось узнать, сюда ли Войко отправлял письма, и кому. А дальше...

Лужица теплого света на снегу под светлицей потухла. Значит, допили мед, затушили лучину. Руслана не хотела представлять, как Зоран и Уйка говорят в потемках, хмельные от меда. Было больно думать, что с колдуньей Зоран нашел общей язык, когда с Русланой даже не пытался.

Созданная им пропасть ранила. Будто вечное напоминание – Зоран с ней из-за клятвы, и ничего более. И это делало одиночество еще острее.

Руслана сжимала в ладони ладанку с родной землей, думала о доме и семье, когда за спиной бесшумно приоткрылась дверь.

– Ты чего тут?

Зоран вышел на крыльцо, но на ступень рядом с Русланой не сел. Переминался с ноги на ногу, и под подошвами его скрипел свежевывавший снег.

Руслана подняла голову от сцепленных ладоней, обернулась. Беловолосая макушка из-за двери не торчала, и на том спасибо.

– Дышу свежим воздухом перед сном.

– Тебе пары дней в лесу не хватило?

Она молча пожала плечами и уставилась вперед, бросив взор за тощую изгородь. Там, в темноте, уж было не различить широкую полосу леса у горизонта.

– А ты? Вышел Князя высматривать?

Зря она это сказала. Даже не видя лица Зорана, Руслана поняла, что невольно ударила по больному. Лучше бы не напоминала.

Зоран вздохнул так, точно готовился пойти ко дну с привязанным к груди валуном, и опустился на ступень крыльца рядом с Русланой. Теперь они оба смотрели в непроглядную мглу и гадали об одном и том же.

– Думаешь, он выживет? – его бесцветный голос был мрачнее ночи. Руслана не хотела огорчать Зорана еще больше, но и врать не могла.

– Я не знаю, на что способна Уйка. Если ее чары и правда сильны, все может быть.

Какое-то время они сидели в полной тишине. Руслане даже показалось, что она слышит учащенный стук своего сердца.

– Представляешь, Уйкой ее назвали лесные духи, – не видя его губ, Руслана поняла, что Зоран улыбается. И даже среди пустынной ночной улицы она ощутила себя лишней. – За то, как она плакала, когда только попала в лес. У-у-у-а! – Зоран изобразил детский плач, и, несмотря на затаенную обиду, Руслана прыснула от смеха.

– Не с твоим голосом младенческий вой изображать!

– Да ну?

– Да!

Они рассмеялись, и Руслана шутливо боднула Зорана плечом. От него веяло тем теплым ароматом, что царил в избе Ждана: смесь свежееиспеченного хлеба и засушенных летних трав. А еще от него пахло пряным медом.

– Ты захмелел! Зоран – ответственный страж, почти княжеский гридень – захмелел от меда!

– Ты вышила меньше меня и сразу убежала на мороз. – Он сидел к Руслане полубоком, и их коленки едва соприкоснулись, когда Зоран чуть подался вперед. – Нечестно вот так надо мной смеяться!

– Нечестно – это твоим голосом, – эти слова она произнесла наигранно грубо, подражая тембру Зорана, – завывать, как малое дитя! Я ведь теперь век это помнить буду! Как нам друг другу в глаза смотреть?

– Что ж, если госпожа изволит просить...

Неоконченная фраза выбила из Русланы все веселье, как стрела вышибает жизнь. Улыбка медленно сползла с лица, а ладанка в руке

потяжелела.

– Вот. Опять.

– Что?

– Опять зовешь меня госпожой, – она поджала губы, втайне радуясь, что на улице темно. Ночь спрятала и алеющие щеки, и дрожащую в глазах досаду. – Будто ты мой слуга.

– А это разве не так?

Руслану словно по щеке хлестнули плетью.

– Нет, – выдохнула она пораженно. – По крайней мере, я не хочу, чтобы так было. Пока ты прячешься от меня за долгом и клятвой, я просто хочу...

Она запнулась, лишь сейчас поняв, как глупо выглядит. Зорана вынудили отправиться с ней в путешествие, заставили охранять ее жизнь. У него отняли волю, свободу, лишили собственных желаний. А она хотела еще, хотела больше. Возможно, больше, чем Зоран мог бы ей дать.

– Чего? Чего ты хочешь, Руслана?

– Я хочу быть твоим другом.

Он удивленно моргнул и медленно отодвинулся. Лицо тут же защипало от холода, а щеки – от смущения. Неудивительно, что Зоран молчал.

– Я просто страж, – обронил он совсем тихо, но Руслана все равно вспыхнула от его слов.

– Я не боярская дочка, не нежная царевна. Мне не нужен охранник, мне нужен товарищ!

Она думала, что Зоран посмеется над ней. Это ведь такая глупость! Девчачья прихоть излить душу, выплакать все слезы в дружеское плечо. Но он, сам того не понимая, уже делал то, в чем Руслана больше всего нуждалась.

Слушал.

– Я устала быть сильной. С каменным лицом продираюсь через невзгоды, чтобы потом не сметь и бровью повести. Устала бояться в одиночку, потому что стесняюсь заговорить с тобой.

– Ты меня боишься? – Зоран не выглядел таким удивленным даже тогда, когда изо рта Ждана показался черный змей. – Почему?

«Потому что ты не человек», – сказала бы она еще несколько дней назад. Но теперь правда была куда проще.

– Потому что ты будто избегаешь сближаться со мной. Сначала я думала, что ты просто такой...

– Какой? – Зоран настороженно склонил голову, ловя каждое слово.

– Отстраненный. Делаешь ровно то, чего от тебя ждут, и не боле.

– Я помог тебе в ночь Крашняны.

– А потом сам сказал, что это твой долг как дозорного, – с предательской обидой в голосе напомнила Руслана.

Зоран посмотрел на нее с легкой укоризной, и Руслана стыдливо прикусила губу. В тот вечер он пел для нее. Вряд ли так поступил бы каждый дозорный.

Наверное, Руслана тоже захмелела. Иначе она никогда в жизни бы не осмелилась говорить все это. Не посмела бы упрекнуть Зорана хоть в чем-то, ведь повода он не давал. Был безупречным... стражем.

– С Уйкой ты совершенно другой. Ты чаще улыбаешься и...

«Ты обнимал ее, когда Уйке было плохо», – но это больше удивляло Руслану, чем расстраивало или заставляло завидовать. Поэтому слова так и остались невысказанными.

– Я думал, тебе это не нужно.

Она невесело хохотнула и коснулась ладонью лба, будто поправляя шапку. На самом деле ей просто хотелось спрятаться и от Зорана, и от этого разговора, который зашел дальше, чем она рассчитывала.

– Ты ведь даже не хотела, чтобы я уехал с тобой из Хрустала.

– Потому что это нечестно.

– И только? – недоверчиво спросил он. – Разве ты сама меня не сторонишься?

Слова застали врасплох. От стыда за саму себя даже в мороз стало жарко.

«Я боялась, что от духа в тебе больше, чем от человека».

Но вслух она произнесла:

– Прости. Сейчас это не так.

И снова они сидели в тишине, но на этот раз смотрели друг на друга. Зоран глядел изучающе, точно пытался понять – не лжет ли Руслана, не насмехается над ним? Он словно боялся уступить и обжечься.

– За всю жизнь я дружил всего однажды. Мы оба хотели стать гриднями. Судьба свела... и развела, когда я остался в Хрустале.

– Вы не обмениваетесь письмами?

– Милонег не умеет читать.

Руслана помедлила со следующим вопросом, но все же спросила:

– Скучаешь по нему?

Зоран замялся. Сцепил пальцы в замок, а потом кивнул быстро и резко, точно надеялся, что никто не заметит его слабости. И тут Руслана поняла – может, Зоран просто боится, что после того, как его клятва потеряет силу, их перестанет что-то связывать? Они отдалятся, забудут друг о друге, и бывших друзей у Зорана станет на одного больше.

– Я бы тоже хотел быть твоим другом. Но боюсь того, к чему это может привести.

– К чему? – Руслана фыркнула, улыбнувшись. Но тут же скисла, когда вспомнила о матушке, о том, что она скажет о *таком* друге.

– Что будет, когда мы найдем Войко и вернемся в Хрусталь?

Он уже спрашивал, и у Русланы не нашлось ответа. Не было его и сейчас.

– Мы прогоним палачей, – сказала она то единственное, что знала наверняка.

– А потом? – спросил Зоран с непонятной Руслане горечью. Когда она промолчала, он заглянул ей глаза. – Даже если не за Войко, но рано или поздно ты выйдешь замуж. Что скажет твой муж, когда продолжишь видеться со мной? Что скажут со–седи?

«Это всего лишь дружба! К чему усложнять?» – хотела возразить она, но это бы все испортило. К тому же Руслана знала, что глазастым соседям, которые только и ждут повода перемыть кому-нибудь косточки, не будет дела до ее наивного «всего лишь дружба». Она боялась слухов и чужого осуждения, и Зоран помнил об этом.

Но разозлило другое:

– Зачем мне муж, который запретит видеться с другом?

Зоран улыбнулся мягко и снисходительно. Он чуть склонился в сторону Русланы, и ей показалось, что сейчас он поднимет руку и взъерошит волчий мех на шапке. Но он только покачал головой, уронив взгляд.

– Сам не знаю. Но пока все вокруг верят, что так правильно, сложно будет жить иначе.

Зоран смотрел вниз, на усталенные снегом ступени. Белоснежный покров уже был истоптан, и точно такой же себя ощущала Руслана.

– Зоран, – она позволила себе прижаться своим плечом к нему на краткий миг и тут же отпрянула. Он поднял глаза, и этого было достаточно. – Наш разговор ничего не поменял. Я хочу, чтобы ты был моим другом.

– Упорная. Смелая, – выдохнул он с улыбкой, которая маленьким костром отозвалась в груди. – Зачем тебе такой, как я?

«Такой, как я». Это какой же, Зоран? Ответственный? Внимательный? Отзывчивый?

Вопрос сбил Руслану с толку. Почему она должна пояснять, чем он ей пришелся по душе? Она ведь и не думала об этом. Просто Зоран... это Зоран. И все.

– Ты пытаешься меня отговорить дружить с тобой?

– Я просто хочу знать, что завтра ты не проснешься, сгорая от стыда и сожалений.

– Я не сделала ничего, чего стоило бы стыдиться.

– Рад, что ты так считаешь. Просто, понимаешь...

Она шумно втянула носом воздух, горло защемило от холода. Руслана закрыла лицо ладонями и почти обреченно простонала:

– Почему ты ведешь себя так, будто я пытаюсь продать тебе корову без ноги?!

– Что? Я не... Ладно! Ладно! – он хохотнул и осторожно отнял ладони Русланы от ее лица. Это выглядело как немая просьба: «Ну же. Посмотри на меня».

И Руслана посмотрела.

Зоран улыбался широко и искренне. Он хохотнул, заметив ее удивление, и выпустил руки девушки из своих.

– Я постараюсь стать твоим другом. Хотя и не знаю, что это значит для нас... И как нам теперь...

– Ты слишком много думаешь. Мед на тебя плохо влияет.

– Правда? Тогда давай, скажи, что вы обсуждаете с подругами, чтобы... э-э-э... сблизиться?

Руслана нахмурилась, пытаясь вспомнить прогулки с Богданой и их разговоры. Она тяжело вздохнула, когда поняла, что вся их болтовня

всегда сводилась к одному:

– Богдана любит секретничать о любви.

Зоран приподнял брови так, что они спрятались под отворотом шапки.

– А что? Сильнее секретов сближают только сплетни. А все секреты у Богданы всегда о парнях.

Руслана все же улыбнулась, вспоминая о подруге. Хорошо, что, несмотря на все случившееся в Хрустале, Богдана хоть и тайно, но осталась на стороне Русланы.

– Мы начнем дружить с рассказов о том, в кого были влюблены?

– А почему нет? Если боишься говорить первым, то я признаюсь! Когда я еще в рубахе ходила, была влюблена в соседского сына. Уже и имени его не помню...

– Вы вместе играли?

– Нет. Я тренировалась во дворе стрелять из лука, а он в соседнем огороде колот дрова. Он был сильно старше меня и разбил мне сердце, когда женился на другой.

– Он долго тебе нравился?

– Целое лето.

– Серьезный срок.

– Для малявки, у которой новые зубы еще не прорезались? А то. Украл мое сердце, когда похвалил, как я стреляю.

– Тебя было легко очаровать.

Руслана усмехнулась. Она позволила себе еще немного потомиться в теплых детских воспоминаниях о первой и единственной влюбленности. Тот парень давно уехал из Хрусталя. Даже лицо его вымылось из памяти, но в ней остались солнечный свет, запах скошенной травы и разогретой летним жаром древесины.

– А ты? – она повернулась к Зорану всем корпусом. Сложила ладони под подбородок, будто ребенок, готовый слушать сказку. – Расскажешь?

– Правда за правду. – Зоран тоже повернулся к Руслане и плечом привалился к закрытой двери в дом. – Ее звали Уля. Купеческая дочка, она часто носила нам с Милонегом пироги в казарму. Подкармливала нас тайком, пока воеводы не видели.

– Хитрая девица. Знает, как влюбить в себя любого.

– Дело не в пирогах было. Уля... Она всегда заботилась о нас с Милонегом. Приходила к изгороди по вечерам и, прячась от воевод в тени, спрашивала, не голодны ли мы. И всегда в корзинке у нее было что-нибудь съестное. Понимаешь? С ней я чувствовал, что и меня кто-то может по-своему защищать. Пусть даже от голода.

Слова Зорана задели что-то живое и тонкое в груди Русланы. Она испугалась этого чувства и спряталась от него за глупой шуткой:

– Просто признайся, что тебя прикормили. Многие из-за этого под венец и идут!

Зоран, кажется, от изумления поперхнулся воздухом.

– Ты бы пошла замуж лишь за того, кто вкусно накормит? – он смотрел на Руслану с искренним недоумением.

– Я? Нет. Я бы пошла за того, кто оценил бы мои способности и силу по достоинству, – она сделала вид, что целится из невидимого лука. Когда ее указательный палец коснулся лика далекой луны, Руслана опустила руки. – Так бы я сказала раньше. Но теперь, поди, родители выдадут за того, кто хотя бы возьмет.

– Мы прогоним палачей. Тебя больше не будут считать ведьмой, – слова звучали твердо, но рука Зорана легла на плечо Русланы нерешительно.

Она оценила этот шаг навстречу крепкой дружбе и ободряюще улыбнулась. Тогда Зоран чуть увереннее сжал плечо нареченной подруги.

Душа Русланы пела. Наконец-то она ощущала ту поддержку, которую так желала! Сегодня между ней и Зораном что-то и правда неуловимо переменилось.

Когда они поднялись с крыльца и уже отряхивались от снега перед тем, как зайти в дом, Руслана задала последний вопрос, навеянный хмельным медом:

– Когда все кончится, ты вернешься к Уле?

Зоран выпрямился, приоткрыл дверь в дом, дышащий теплом.

– Нет, – сказал он. – Уля давно уехала из Хрусталя. А я понял, что мне нужно нечто большее, чем просто пироги.

В ту ночь Руслана еще долго не могла уснуть, прокручивая их с Зораном разговор раз за разом. Она хотела сохранить в памяти каждое слово. И даже когда Зоран засопел на лавке у противоположной стены,

в мыслях Русланы все еще звучал его голос: «Я бы тоже хотел быть твоим другом».

Глава 11

Проклятый, чародейка и свинопас

Хозяйничать в чужом доме с утра пришлось Руслане. Она проснулась с чувством голода, но ничего съестного не нашла. Растолкать Уйку не вышло, да и не очень-то хотелось. Ждану нужно было восстановить силы после избавления от порчи, а Зоран...

Ему тоже нужен отдых.

В кладовых Руслана нашла большой мешок крупы. Набрала в котелок побольше, пожарче растопила печь. Сварить кашу – нехитрое дело. Матушка с детства учила Руслану готовить, и теперь она делала это легко, даже не задумываясь.

Варить кашу пришлось на воде. Коровы в хлеву Ждана не оказалось, зато было полно свиней. За время недолгого путешествия Руслана истосковалась по сытной еде и мясу. Но Уйка придет в ярость, если увидит на столе хотя бы кусочек свинины. Пришлось вернуться в избу, к каше.

– Кашеваришь?

Опираясь на стол одной рукой, Зоран стоял у стола. Он приветственно улыбнулся, и Руслана сделала то же самое. Почему-то было неловко. Ночной разговор действительно что-то изменил между ними. Ощущалось это как дуновение свежего ветра, наконец пробившегося в приоткрытое окно. Раньше его створки были плотно закрыты, и теперь даже легкая прохлада ветерка отзывалась на коже колючими мурашками.

Непривычно, но приятно. Руслане было душно, но теперь, после их беседы, она чувствовала, что наконец-то может дышать.

– Есть охота. – Она скинула кафтан и, оставшись в простом платье, у шеи и на рукавах вышитом красной нитью, прошла в избу. – Не думаю, что Ждан будет против, если чуть-чуть похозяйничаю. А ты чего вперед солнца встал?

Светлые волосы Зорана растрепались после сна. Простая белая рубаха с разрезом у горла на левой стороне чуть распахнулась, оголяя изгиб жилистой шеи и ровную ключицу. Руслана стыдливо отвела взгляд. Негоже друзьям вот так заглядываться.

– Дела есть. – Зоран вытащил из небольшого кармашка в льняных штанах кожаный шнур, ловко перетянул волосы в неопрятный пучок. – Помогу тебе тут, позавтракаю и пойду в город.

Руслана украдкой глянула на Ждана, спящего на печи. Хозяин похрапывал, грудь его мерно вздымалась в сонном дыхании.

– Искать след Войко?

Зоран подлил в котелок воды из глиняного кувшина. Руслана добавила туда же щепотку соли, мешочек которой нашла в кладовой. Они отправили котелок в печь, и тогда Зоран сказал:

– Я постараюсь. Но действовать нужно осторожно. Нельзя спрашивать в лоб.

– Нас здесь могут ждать, – понимающе кивнула Руслана, и они оба покосились на Ждана.

Нет, он точно спал и ничего не слышал.

– Поэтому вместе нам идти нельзя. Пала... *Они* будут искать дозорного и девушку. Один я привлеку меньше внимания.

– Если ты начнешь допрашивать каждого гонца, показывая меч с княжим знаком...

– Я не стану, – пообещал он, но тревога все равно никуда не делась.

Они молча стояли друг напротив друга достаточно долго. Руслана была уверена, что думают они об одном и том же. Найти Войко – уже непросто, но хвост палачей все усложняет. А они ведь даже до конца не знают, с кем имеют дело.

О палачах много слухов, но где правда? На что их враг способен на самом деле?

Когда Зоран уже хотел уйти, Руслана потянулась к нему, поймала за длинный рукав рубахи. Он обернулся и посмотрел внимательно и мягко.

«Пожалуйста, говори», – будто слышала она в каждом движении и заинтересованном взгляде.

– Будь осторожен, Зоран, – попросила она, не опуская глаз.

Зоран улыбнулся и кивнул. Он исполнит это обещание.

Зоран ушел прежде, чем проснулись Уйка и Ждан. Руслана проводила его в снях, а потом еще помахала из окошка. Когда силуэт Зорана исчез за соседними домишками, Руслана легла на лавку, подмяв под голову кафтан, и уставилась в потолок.

Идти за Зораном нельзя. Оставалось только ждать.

На своей лавке заворочалась Уйка. Она вертелась так, что подол сорочки задрался до бедер, а потом резко подскочила. Руслана вздрогнула и тут же села, уставившись на Уйку во все глаза.

– Жарко.

Колдунья откинула с лица мокрые от пота волосы и повторила:

– Очень жарко.

– Ты даже без одеяла спала. Не заболела, случаем? – Руслана поднялась с лавки, но приблизиться к Уйке так и не решилась. Колдунья беспокойно металась по комнатке, как раненый зверек.

– Не заболела. – Уйка провела ладонями по порозовевшему лицу, вытирая выступивший пот.

Странно. В доме не было жарко. Даже наоборот – прохладно.

– Со мной так всегда, когда долго вне холода. Это нормально.

– Это *не* нормально, – шепнула Руслана, когда Уйка босиком бросилась на улицу. Прильнула к окну и увидела – колдунья прямо с крыльца нырнула в сугроб.

Вот ведь чудная. Неужели все ведьмы такие?

Послышался шорох и мужское кряхтенье. Что-то у печи громыхнуло, и Руслана бросилась на звук. Когда она появилась в комнате, Ждан уже собирал осколки кувшинчика, который случайно столкнул с пе-чурки.

– Разбудил тебя, гостя? – голос с легкой хрипотцой, каким ему и должно быть после долгого молчания. – Прости, запомнил твое имя.

– Руслана. – Она присела рядом, помогла собрать в подол битую глину, которую потом свалила в угол, к другому сору. Отряхивая руки, Руслана подумала, что в доме Ждана все-таки не так уж прибрано, как показалось в темноте.

– Едой вкусно пахнет, – Ждан втянул носом аромат свежей каши и сел за стол. Он с довольной улыбкой предвкушал сытный завтрак. – Ты хозяйничала, Руслана?

Она кивнула, достала из печки, но не с огня котелок. Каша была теплая, настоявшаяся. Руслана отложила немного для Уйки, а

остальное подала Ждану. Он от души поблагодарил девушку и принялся за еду.

Пока хозяин за обе щеки уплетал варево Русланы, она осматривала комнату. Вчера здесь было слишком темно и суетно, но теперь охотница видела и пустые, запыленные полки, и углы, затянутые паутиной. Не было в доме Ждана оберегов Покровителей из орешника, как и не было женских вещей. Не было ничего, что бы намекало – у Ждана есть семья.

Выходит, Уйка была его единственной надеждой на спасение от порчи? Поэтому он ее пустил?

– Кашка! – радостно воскликнула Уйка, едва вошла в дом.

Счастливая, сверкающая от радости. В белых волосах снег, со щек сошел румянец, а со лба – липкий пот. Она плюхнулась на лавку, подтянула к себе горшочек с кашей и, громко чавкая, принялась уплетать свой завтрак.

– По нраву тебе моя каша, да? – Руслана скрестила руки на груди и с ухмылкой глянула на Уйку.

Думала, застанет ее врасплох, смутит. Ведь вчера у них случилась ой какая неловкая беседа... Но Уйка, похоже, и правда не умела таить ни злость, ни обиду.

– Очень вкусно! – с набитым ртом похвалила она. Серые глаза блестели таким восторгом, будто каша Русланы была лучшим, что Уйка пробовала за всю свою жизнь.

Это заставило ее искренне улыбнуться и тоже отбросить вчерашнюю обиду. Однако мечтать о том, что с Уйкой завяжется дружба, Руслана даже не смела. Колдунья похожа на лесного зверька – порой милого и забавного, но все же дикого. Она никогда не сможет принять Руслану с ее страстью к охоте, любви к мясу и мехам.

– Как себя чувствуешь, Хозяин? – махом съев половину горшка, Уйка ненадолго отложила ложку. – Лучше?

– Я наконец-то могу говорить, ко мне возвращаются силы. Спасибо! Век благодарен буду!

Уйка сияла, как новехонькая подкова. Она отмахнулась от благодарностей, но Руслана видела, сколько радости колдунье принесло излечение Ждана.

Она села за стол напротив него, сложила перед собой руки и тихо, почти шепотом спросила:

– Но что это было?

Ждан не смог выдержать внимательный взгляд Русланы. Вытер с губ крошки мощной, как лапа, ладонью и опустил глаза к столу, думая, что Руслана не заметит, как он встревожен.

– Порча это была. Я же говорила! – напомнила Уйка, насупившись. – Я такое... чувствую.

И Ждан, и Руслана смотрели на Уйку, ожидая, что она скажет дальше. Никто не решался ее подтолкнуть к словам. Спугнуть боялись.

– От таких людей *пахнет* по-другому. От Ждана пахло прокисшим молоком. Поэтому я и подумала, что дрянь, в нем сидящая, на молоко и клюнет.

– Спасибо, – в который раз поблагодарил Ждан. Сидя за столом, низко склонил голову с уваже–нием.

– Но откуда? – не унималась Руслана. – Откуда порча в Ждане взялась?

Уйка открыла рот, но так ничего и не сказала. Нахмурилась, точно пытаюсь что-то понять или вспомнить. Совсем скоро она, так же, как и Руслана, с немым вопросом уставилась на Ждана.

– Кому ты насолил? – голос прозвучал строго, будто Руслана вела допрос.

Она прикусила язык, подумав, что успела перенять эту интонацию от Зорана. Будет грубить и командовать – Ждан и слова больше не скажет! Но вопреки ее страхам, все сработало точно наоборот.

– Я видел то, что не должен был, – голос звучал тускло, безжизненно. Так, будто заслуженное наказание должно было быть куда более жестоким. – Я случайно... Я не должен был...

– Ждан, – Уйка накрыла его грубую лапищу своей тонкой ладошкой, бледной и тонкой, как лебязье перо.

Ждан тут же перестал заикаться. Обратил на Уйку телячий взор. Чего взрослый мужик может так бояться?

– Кого ты видел?

Уйка смотрела прямо в глаза, не моргая. Она будто зачаровала Ждана, и он послушно признался:

– Боярскую дочку. Видел, как она зашла к... Зашла к...

Слова будто закупорили его рот. Запретное имя новым незримым змеиным хвостом затянулось вокруг языка.

– Не могу! Не могу я сказать! – Ждан вырвал руку из-под ладони Уйки, вскочил из-за стола.

Громыкнула отодвинутая лавка. Забытая каша стыла в горшке.

Уйка медленно поднялась, то же самое сделала и Руслана. Она обернулась, оценивая расстояние до сеней. Именно там она оставила лук и колчан. Успеет ли добежать, если Ждан совсем потеряет голову?

Он покраснел. Глаза безумно блестели и бегали, бегали по избе, будто хозяин боялся, что из любого темного уголка сейчас появится кто-то. Кто?

– Ждан. – Уйка встала перед ним на расстоянии вытянутой руки. Руслана хотела отвести ее чуть подальше, но колдунья остановила ее жестом. – Я сняла порчу. Ничто тебе не мешает рассказать правду.

Ждан сомневался всего миг, а потом замотал головой, попятился к печи.

– Нет. Нет, я не могу! *Она* лишила меня языка, чтобы не сболтнул лишнего. Потому что после встречи с ней боярская дочка... – Он поперхнулся словом, умолк ненадолго, чтобы продолжить: – Ее до сих пор не нашли. Если скажу больше, *она* снова придет, но на этот раз лишусь не языка, а головы.

Ждан схватил из угла комнатухи старенький заплечный туес и принялся скидывать в него все, что попадало под руку: вещи с печи, черствый хлеб со стола, деревянную ложку... Он вынул из печурки неприметный горшок и тот, позвякивая спрятанными внутри монетами, тоже отправился в туес.

– Сбегаешь? – Руслана впервые видела, чтобы мужик, который в мощности телосложения мог посоперничать с медведем, так чего-то боялся.

Точнее, кого-то. Ведьму.

– Будь на моем месте вы, поступили бы так же. – Ждан прошел мимо девушек в сени и торопливо накинул поверх рубахи тулуп. – *Она* узнает, что я вам рассказал. Узнает и придет сюда.

– Ты ничего не рассказал, – нахмурилась Уйка, а Ждан в ответ на это горько хохотнул:

– Вы не местные и ничего не знаете. Но вы спасли меня, поэтому дам совет: бегите из Циркона. Здесь *она* княжит.

– Глупости какие, – Руслана не выдержала и посмотрела на Ждана со всем презрением. – Ты бросаешь дом, чтобы сбежать от какой-то ведьмы?

Последнее слово согнало с лица Ждана всю краску. Он покрепче обхватил туес и еще на шаг приблизился к двери.

– Дом оставляю вам, если вы так глупы, что решите здесь остаться. Но ждате, когда она узнает...

– Да прекрати ты! – Уйка бросилась к Ждану, чтобы удержать его, но тот отпрянул, как от огня. Уйка обиженно замерла, а затем отпрянула. – Это все действие порчи. Змей, который сидел в тебе, не только мешал говорить, но и отравлял твой разум страхом. Вот почему ты хочешь бежать! Это часть магии!

– Я не верю тебе.

– И зря. Кем бы *она* ни была, ее чары крепки и хитроумны. Она знала, как заставить молчать, даже если порча спадет.

– К тому же сюда уже едут палачи, – напомнила Руслана, стыдливо отведя взгляд. По ее вине ведь...

Краем глаза Руслана заметила, как вздрогнула Уйка.

– Палачи? Нет. Они не спасут меня. Лишь разозлят ее, – последние отголоски разума в Ждане потухли. Магия задула их, как слабый огонек.

Теперь Руслана точно видела, что Ждан обезумел от чар. И бежал он вовсе не от колдуньи, а от призраков в своей голове.

– Доброго пути, Ждан, – смирившись, обронила Уйка. – Возвращайся, если однажды...

– Нет, – грубо отрезал он. – Никогда.

Дверь выпустила его в мороз, и в опустевших сенях девушки остались одни. Руслана, даже не накинув кафтан, выглянула на улицу. Вдруг Ждан передумает, едва окажется на холоде? Идти-то ему, наверное, некуда? Но тот даже не оборачивался. Бегом продирался через сугробы в сторону выезда из Циркона. Ну и пусть.

– Вернется еще, – захлопнула дверь Руслана. Она не знала, как работают чары и магия, но не сомневалась, что морозный ветер выбьет из головы Ждана всю дурь.

– Не вернется. – Уйка стояла напротив печи, но смотрела отнюдь не на затухающее пламя.

– Это еще почему?

– Домовой приветствует новых хозяев, – Уйка указала рукой в темный угол у печи.

Руслана прищурилась, но ничего так и не увидела. Духи показывались простым людям по желанию, но колдуны могли видеть их, когда сами хотели. И хоть Руслана знала, что Навь тесно переплетена с Явью, по коже все равно прошел морозец.

– Новых хозяев? Кого это?

– Нас.

* * *

Уйка не задержалась в пустом доме. Руслана со скуки прибиралась в избе, когда заметила, что Уйка куда-то собирается. Из-под лавки, на которой колдунья провела ночь, она вытащила небольшой, но надежно завязанный на несколько узелков сверток. В старом сломанном сундуке Уйка нашла дырявый платок, и закутала свою ношу еще и в него. Так и направилась из дому, когда Руслана ее в дверях поймала.

– В город опасно в таком виде идти, – она неодобрительно качнула головой. Опять Уйка в мороз в одном платье собралась. – Палачи заметят, что тебе холод нипочем, точно не отстанут. Надень мой кафтан и сапоги, если хочешь. Все равно никуда не иду.

Руслана подняла с лавки свои богатые одежды, протянула Уйке. Только тогда вспомнила, сколько меха на ее кафтане!..

– Не нужно, – скривилась Уйка, будто ей предлагали отведать мяса, в котором копошились черви. – Я в город не пойду.

– Тогда куда?

Недоверчивый взгляд Уйки заставил прикусить язык. И правда, чего это она пристала? Уйка ей не сестра и не подруга. Радоваться бы, что странная девица умотать решила! Но отчего-то Руслана ощущала странную ответственность за чудную. Может, то же чувство заставило Уйку по ветру гнаться за ней и Зо–раном?

– В лес, – неохотно отчиталась Уйка и кивнула на свой сверток. – Это отнести подальше от людей надо.

– Порча?

– То, что от нее осталось. Чтобы не нашел никто, а чары силу потеряли.

Руслана понятливо кивнула, откинула за спину темную косу. У нее остался лишь один вопрос.

– Ты вернешься? – голос дрогнул, захотелось обернуть время вспять. Ну что за глупость? Какая ей вообще должна быть разница, куда и на сколько колдунья собралась?

Уйка ничего не сказала. Улыбнулась загадочно, и снежинкой, танцующей на ветру, выскользнула за дверь.

Руслана щелкнула языком и осела на лавку. Не хотелось до вечера одной в неприветливом опустевшем доме оставаться. В тенях здесь прятались духи, и неизвестно, по нраву ли им пришлось новые хозяева. Будь в избе хоть одна фигурка Покровителя, ей бы было спокойнее.

– Бегите!

Руслана вскочила с лавки, едва слышав тонкий голос Уйки. Но колдунья больше не кричала, и оттого стало еще страшнее. Ее схватили? *Убили?*

Руслана в чем была бросилась на крыльцо. Колючий ветер забрался под тонкую ткань платья, снежинки царапали открытую шею и руки. Она прыгнула в сугроб, чтобы срезать путь за дом, откуда слышался голос, и ее тут же что-то сбilo с ног.

Тело колотило от холода, пальцы немели. Когда послышалось хрюканье, Руслана решила, что под снегом что-то было и она сильно ударилась головой. Но едва один из сбегаящих поросят копытцами ловко оттолкнулся от ее колена, все вмиг показалось куда реальнее.

– Уйка-а-а!!!

– Бегите! Бегите и не возвращайтесь! Вы свободны!

Руслана вынырнула из снега. Стуча зубами, она смотрела, как Уйка выгоняет из покосившегося хлева последних свиней. Счастливые хрюшки бежали мимо продрогшей охотницы, напрямиком к открытой калитке и широким щелям в худой изгороди. Едва последний беглец прохрюкал мимо, Уйка одарила Руслану победной, ничуть не виноватой улыбкой и ланью рванула в сторону леса.

– Дурная, – бурчала под нос Руслана, пробираясь к дому через снег.

То же самое она ворчала уже в избе, растапливая пожарче пламя, а потом – отогреваясь на печи. Тепло до зевоты разморило, но спать было нельзя. Всех свиной уж не поймаешь, но хотя бы парочку вернуть попытаться стоит. Уйка может сколько угодно воротить нос от мяса, но Зорану и Руслане еще какое-то время придется провести в Цирконе, чем-то питаться здесь, а после – взять еду в дорогу. В кладовых съестного осталось мало, а ведь нужно еще на троих делить. Долго не протянут. Тратить подаренные родными деньги на еду? Можно, но Руслана того не желала. Лучше оставить на что пополезней, а еще лучше – сохранить до возвращения домой.

Немного отогревшись, она неохотно спрыгнула с печи. Переплела влажные от снега волосы в тугую косу, перевязав ее оторванной полоской ткани, которую нашла в сундуке. Вроде неплохо.

Свое платье ей пришлось оставить сушиться в избе. Руслана неохотно влезла в найденную мужскую одежду, которая показалась наименее грязной и поношенной: штаны, несколько рубаш, чтобы не замерзнуть в одной. От ткани воняло так же, как от свиной, которых Уйка выпустила из хлева.

Гадость.

Пообещав себе в награду за хотя бы одну пойманную свинку купание в бане, Руслана отправилась в город.

Следы беглецов расходились в разные стороны уже за изгородью. Правда, свобода одной из свиной кончилась тут же, едва началась – бедняга неудачно забрела к соседям, и они ее тут же приговорили.

– Даже не разобрались, откуда такое счастье привалило, – прорычала Руслана себе под нос, проходя мимо чужого дома.

Завидев ее, щербатый дед ревниво потянул обезглавленную тушку подальше от дороги. Уйка бы разрыдалась, узнай, к чему привел порыв ее доброты. Руслана лишь фыркнула. Нет, с новоиспеченными соседями точно ругаться толку нет. Они ее видят впервые и ни за что свинину не отдадут, даже если прикинется родственницей Ждана.

Не поверят. Заставят его позвать. Так только больше проблем будет. Оставив осчастливленного мужика за спиной, Руслана двинулась дальше в город.

Циркон оказался куда богаче, чем Хрусталь. Здесь и вокруг самого бедного дома был большой огород, рядышком – хлев. Даже по двору того деда, укравшего у нее из-под носа свиной, бегали куры. А Ждан

был явно беднее многих ее соседей из Хрусталя, но на зависть им держал своих свиней.

Были здесь и обычаи, чуждые госте из Хрусталя. По крайней мере, именно так решила Руслана, когда заметила, что по улицам кто-то привязал к веткам деревьев цветные ленты. Такие девушки обычно вплетают в волосы: яркие, тонкие, а те, что побогаче, – с витиеватым узором, вышитым золотой или серебряной нитью. Ленты висели на нижних ветках. Там, куда дотянуться было проще всего.

Любуясь дрожащими на ветру лентами, Руслана пыталась разгадать суть традиции. Она знала, что девушка в знак искренней любви могла подарить свою ленту парню. Но чтобы вешать ее на дерево?..

Проходя по не слишком оживленной улице, она издали заметила, как какая-то женщина снимала с дерева ленту. То росло прямо у калитки, а лента струилась вниз над узкой тропинкой. Руслана могла бы задеть ее кончик плечом, если бы незнакомка не сняла ленту. Заметив Руслану, она в спешке скомкала ткань и спрятала за пазуху.

Руслана проводила женщину взглядом до самого дома и чуть не присвистнула от изумления, когда за той захлопнулась резная дверь. Да, дома в Цирконе тоже были не в пример краше. Стоило пройти окраинные домишки, как их сменили резные терема. Такие хоромы в Хрустале можно было по пальцам пересчитать, но Циркон пестрел ими, как июньский лес ягодами.

Но чем ближе к сердцу города шла Руслана, тем больше терялись под чужими следами отпечатки копытец на снегу. Окончательно отчаявшись выследить хоть одного поросенка, она присела отдохнуть на невысокий забор у небольшой площади вокруг колодца. Чтобы не думать о том, какая она горе-охотница, Руслана решила осмотреться.

Бородатый здоровяк торговал рыбой, от которой исходил сильный соленый запах. С ним о цене спорили две громкоголосые тетки. Одну из них за юбку теребил мальчонка, тянул маму к девушке, что неподалеку продавала сладкие пирожки с грушей и клюквой.

– Какая чудная шапка у тебя! Уши как настоящие.

Руслана обернулась на незнакомый скрипучий голос и увидела горбатую старушку. Из-под цветного яркого платка пушком торчали седые волосы. Точно такие платки торговка развешала по своим предплечьям, чтобы заманивать девиц узором да сочными цветами.

– Красиво, – Руслана улыбнулась, глядя на рисунок с диковинными цветами. Красные бутоны алели на синем фоне, где тут и там были пришиты бусинки жемчужин.

– Тебе по дешевке отдам. Хочешь?

Она не хотела. Ей нравилась ее шапка, да и деньги на красоту тратить сейчас глупо. Руслана мотнула головой, а торговка хитро улыбнулась:

– Платок-то с сердццветами! Сейчас купишь, а в следующий первый снег найдешь такие же, – она ткнула крючковатым пальцем на ненастоящий бутон, – только у себя на окне. Слово даю!

Улыбка стала вымученной, а интерес к платку окончательно угас.

– Мне не нужно, спасибо.

– Как это не нужно? Незамужней-то девице...

– Я замужем, – соврала Руслана и глазом не моргнув.

Старуха понятиливо кивнула, но так и не отстала. Кружила вокруг Русланы, точно пыталась зачаровать яркими красками и причудливыми узорами. Соловьем пела о том, какое замечательное у платков качество и как в них тепло.

– Примерь хоть один, красавица, – не унималась она. – Коли понравится, я отложу. А ты потом с мужем возвращайся, – торговка заговорщически подмигнула, и морщины в уголках ее глаз стали еще глубже. – Пусть побалуется тебя.

Руслана начала уставать от назойливой незнакомки. Встала, отряхнула кафтан от снега. Пальцы замерзли и едва шевелились. Вот рукавицы она бы с удовольствием купила, но у старухи были только платки, будь они неладны.

– Муж меня только тумачами побаловать может, – с притворной горечью вздохнула Руслана. Знала, что просто так от нее не отстанут, поэтому вспомнила один из уроков матушки: врать, чтобы избавиться от прилипчивых купцов или чтобы цену сбить, не зорно.

– Это как это? – старуха семенила за Русланой. Платки на ее руках развевались, будто плащ из радуги. – Пьяница поди?

– Нет. Просто жадный. А я еще и заслужила... Не уследила, свиньи из хлева все сбежали. Ох, прибьет он меня, когда узнает! Так что не до платков мне, бабушка.

– Так тебе к ведьме надо.

– Что? – Руслана резко обернулась. Послышалось?

Но бабка повторила:

– К колдунье, говорю!

– Зачем это? Чары свиней обратно к дому не загонят, мужа непутевого одуматься не заставят.

– Вот тут ты не права, – глаза торговки опасно сверкнули.

Руслана тяжело сглотнула, уже пожалев о том, что сочинила историю про мужа. Лучше бы ушла молча да не привлекала лишнего внимания. Но теперь старуха уж не отстанет.

К ее плечу потянулась морщинистая рука, пытаюсь удержать. Руслана отпрянула, увидев пугающий блеск в очах, окруженных паутиной морщин.

– Ах!

Она натолкнулась на кого-то спиной, но обернуться ей не дали. Чьи-то руки легли на плечи, крепко стиснули их, а затем над макушкой раздалось:

– Вот ты где. Заискался тебя, кровинушка.

Старуха в последний раз взглянула на Руслану, и было в ее взоре что-то странное. Показалось, то смесь сочувствия и неуместного торжества. От этого стало не по себе, ноги одеревенели, и чудилось, будто принадлежат кому-то другому.

– Кто ты? – Руслана не узнавала ни черные глаза, ни короткие волосы цвета спелой вишни. На губах юноши играла легкая улыбка, которая стала шире, стоило торговке увязаться за другой девицей и исчезнуть с площади.

– Случайный прохожий, который решил тебе помочь. Ты соврала, а я подыграл, – самоуверенность хлестала из него, как вода из горного ключа.

Руслана скинула с себя чужие ладони и отошла на пару шагов.

– Спасибо, – все же выдавила она, без особого восторга наблюдая, как уверенная улыбка парня становится шире. – Но я не врала.

Она надеялась, что после этого незнакомец потеряет к ней интерес. Какое ему дело до наломавшей дров чужой жены? Но тот склонил голову набок, всмотрелся в серьезное лицо Русланы. Улыбка его по– тухла.

– Вот как? Тогда я точно должен тебе помочь.

– Спасибо, – вновь сказала она, но уже не так дружелюбно, слово звучало скорее как «иди лесом», – но я разберусь сама.

Руслана уверенным шагом покинула площадь и даже облегченно вздохнула, когда никто не помешал ей оказаться на новой улице. Однако уже в следующий миг из-за спины раздалось:

– И с чем же ты разберешься?

Приставучий парень шел за ней по пятам. Вот ведь репей!

– Свиной отыщу и домой верну, покуда муж не заметил пропажи, – ровно отозвалась Руслана. Раз уж затеяла эту историю, нужно держаться ее.

– Может, мне лучше с мужем твоим поговорить, раз он такой глуподырный? – голодно скалился пламенноволосяй. – Жену ценить нужно, а не рукоприкладствовать.

– Лучше свиной найти помощи, раз не сидится.

Руслана думала, что горе-помощник испугается такой просьбы и улизнет тут же. Кому хочется по всей округе поросят ловить? Но новый знакомый оказался настырным. Он догнал Руслану, чтобы идти бок о бок с ней, подстроил свой шаг под ее и довольно растянул губы:

– Как пожелаешь, красавица!

Она раздраженно втянула носом воздух и отвела взгляд. Глаза бы ее не видели этого наглеца! Только все планы ей портит.

– Сомневаюсь, что ты решишь мою проблему.

– И зря! Я хороший свинопас.

Внезапное откровение сдуло недоверие Русланы, как дыхание прогоняет пыль. Может, приставучий попутчик и впрямь поможет вернуть свинок в хлев?

– Меня Орлик зовут, – представился свинопас, едва понял, что отстраненность Русланы дала трещину. – А тебя, красавица?

– Руслана, – выдавила она уже не так неохотно.

Ноги сами вели обратно, по той же дорожке, по которой Руслана пришла. Вот снова показалась узкая тропа под низко нависшими ветвями, с которых свисали цветные ленты. Издали Руслана заметила, как две подружки повязали свои ленты рядом с другими и убежали прочь.

– Куда мы идем? – спросила она, вдруг поняв, что свинопас даже не пытается выследить пропавших свиной по следам, как это делала охотница.

Он и вовсе даже по сторонам не смотрел. Шел себе, улыбался да на Руслану изредка поглядывал.

– К тебе домой, хозяйка.

– Зачем это? – Руслана остановилась посреди тропы, сощурилась недоверчиво. – Там тебе делать нечего, свинопас. Хлев пуст.

Орлик бесстыдно подмигнул Руслане и вынул из-под отворота недорогого кафтана дудочку. Охотница едва сдержала презрительный смешок.

– Твоя музыка не вернет моих свиней.

– Ошибаешься, красавица! Просто дай мне в хлеву сыграть, и сама увидишь, что будет. Ну? Пойдем?

Руслана медлила. Слова Орлика не внушали ничего, кроме подозрения. Может, он вор, который просто хочет узнать, где живет молодая хозяйка, что только-только жаловалась на непутевого мужа? Из такой избы легко будет вынести добро... Если таковое найдется.

– погоди немного, сейчас, – сказала Руслана и вытянула из косы ленту.

Она не знала, что значит этот ритуал, но видела, как такие ленты повязывали молодые девушки. Для Русланы же это имело сейчас лишь один смысл – потянуть время, чтобы отвоевать себе пару мгновений на раздумья.

Пока она завязывала узелок на ветке, в голове крутилось: «А можно ли Орлику знать, где она и ее друзья сейчас живут?»

Вновь окинув свинопаса оценивающим взглядом, Руслана не заметила в нем ничего, что сулило бы беду или внушало угрозу. Обычный юноша. Может, чуть старше Зорана. Худой, но не тощий. Взгляд не хитрый вовсе. Скорее озорной.

Да и что плохого, если Орлик заглянет в хлев или даже в избу? Выносить из дома Ждана все равно толком нечего. Воров Руслане бояться не стоит.

К тому же вдруг она зря над дудкой посмеялась? Что, если и правда свиньи в хлев вернуться? Было бы странно не верить в магию и чудо после всего, через что Руслана прошла в последнее время.

– Пойдем, – наконец решила она. – Только быстро, пока муж не дома.

– Конечно, конечно, – протянул Орлик елейно и послушно последовал за Русланой.

Всю не слишком долгую дорогу он приставал к ней с расспросами:

– Давно тут? Я тебя раньше не видел. А кто твой муж? Наверняка важный человек...

Руслана сочиняла на ходу. Выдумала про то, что раньше жила в маленькой деревушке, а в Циркон перебралась, когда вышла замуж. Сказала, что муж ее кузнец. Придерживаясь старой выдумки, добавила – он много пьет, а потому денег дома не водится.

Такая сказка не вызовет подозрений, когда Орлик увидит, в какой развалюхе жил Ждан.

Еще издали Руслана увидела приоткрытую дверь в избу. Неужто Уйка вернулась так скоро? Все-то ей жарко, все норовит побольше холода в дом запустить! Дурная.

– Нервничаешь, хозяйка? – Орлик заметил, как Руслана встревоженно кусает губы. Его взор метнулся к домику на окраине.

Руслана взмолилась – лишь бы Уйка не вышла во двор! Как она пояснит присутствие столь странной девицы? Кем ее назовет? На сестру совсем не похожа. Подруги так в чужой избе не хозяйничают... Нянечка в доме не нужна. Да и откуда на нее деньги?

– Переживаю за хрюшек, – лживо улыбнулась она Орлику, и тот приторно успокоил:

– Вернутся, не переживай!

Но следовать совету не получалось. Чем ближе становился дом, тем яснее Руслана понимала – он не пустует. Из трубы валил дым, а за окнами туда-сюда мелькала чья-то светлая тень.

– Иди в хлев. Вон туда, – указала Руслана на покосившуюся пристройку, но Орлик оказался упрямым:

– Даже в дом не запустишь и молоком не угостишь?

– У нас нет коровы.

– Тогда воды будет достаточно.

Отказывать в питье нельзя. Нарушение столь простого правила гостеприимства неизбежно вызовет уйму подозрений.

Руслана почти бегом рванула к дому. Надеялась шикнуть на Уйку, приказать ей спрятаться, пока Орлик не успел зайти следом. Но тот был проворным и быстрым. В сенях они оказались одновременно.

Сердце трепетало, когда из недр избы послышались шаги.

– Кто-то дома? – Орлик округлил черные, как сырая земля, глаза.

Руслана лишь кивнула и сама уставилась вперед. С трепетом ждала, когда Уйка покажется в сенях.

Что сказать? Что придумать, чтобы слухи не поползли?

– Руслана? Куда ходила?

В сенях появился Зоран. В кожаных сапогах. Щеки розовые после мороза, а светлые локоны на висках выбились из пучка. Он не сразу заметил незваного гостя, а когда это случилось, потянулся рукой к ножнам...

– Зоран! – кинулась к нему Руслана. Повисла на нем, обнимая, и часто-часто зашептала: – Не гневайся, муж мой! Прости, что без дозволения из дому вышла!

Мысленно она просила всех Покровителей помочь. Пусть Зоран поймет и подыграет!

– Здравствуй, хозяин, – поприветствовал Зорана Орлик и поклонился. Из-под шапки его выбились вишневые пряди.

– Ты кто такой? – громыхнул Зоран так, что даже Руслана напряглась. Перестала дрожать наигранно, обмерла. – И почему с женой моей в наш дом явился?

– Всего лишь свинопас, господин.

Руслана все так же крепко впивалась пальцами в кожу Зорана, но глаза опустила. Потому что робкая жена не посмеет так прямо в лицо мужу заглядывать, когда тот в гневе. И потому, что боялась – Орлик в чем-то раскусит их ложь.

– И зачем же ты явился, свинопас? – стальные нотки в голосе Зорана напомнили о том вечере, когда они с Русланой впервые повстречались.

Только тогда она слышала, чтобы Зоран говорил так строго и пугающе серьезно.

Орлик молчал. Руслана решилась обернуться на него и одними губами произнесла: «Уходи». Тот закивал быстро, что-то промямлил невнятно, а потом его точно ветром за порог сдуло. Жажда Орлика исчезла так же внезапно, как и появилась.

Спустя одно неловко мгновение Зоран и Руслана смущенно отстранились друг от друга. Он убрал с ее плеч ладони, она заправила за ухо выбившуюся темную прядь. Оба отвернулись в разные стороны, чтобы скрыть, как смущением пылают щеки.

Еще никогда и никого Руслана даже в шутку ни мужем, ни возлюбленным не называла.

– Кто это был? – Зоран выглянул в окно светлицы.

Руслана не стала подходить, издалека увидела, как со двора убегает Орлик. Даже не заглянул в хлев, обманщик!

– Свинопас. Прицепился ко мне на площади. Сказал, что как только в хлеву на своей дудочке сыграет, все сбежавшие свиньи домой вернуться.

Зоран тут же отвернулся от окна, а потому не увидел, как Орлик нелепо повалился в сугроб. Так удирал, что чуть шею не свернул!

– Что-то с ним нечисто. Вынюхивает что? Или просто воришка?

– Он просто ухлестывал за мной. Потому и сказала, что замужем, – дернула плечом Руслана, точно пыталась скинуть с себя ненужное внимание.

– Но зачем его сюда привела? Со свиньями Ждана все в порядке.

Вместо ответа Руслана натянуто улыбнулась и отвела взор. Зоран понял все без слов.

– У тебя вечно какие-то проблемы с животными.

– Это не я! Уйка свиней выгнала!

– А сама она куда делась?

Почему-то стало обидно. Почему он так переживает за колдунью?

– Ушла в лес по своим ведьмовским делам, – пробурчала она, направляясь к печи.

Чужие вещи раздражали неподходящим размером и запахом, а свои уже высохли. Нужно сходить в баню, смыть с себя грязь и пот и переодеться. Она взяла свое платье и двинулась на выход из избы, когда Зоран преградил ей путь.

– Руслана, больше не делай так.

– Как?

– Не приводи к дому чужих людей. Не называй меня настоящим именем и не говори своего. Нас могут искать. Вдруг это подосланный шпион палачей? Не забывай, они не знают наших лиц, но не имен.

Она понимала, что Зоран прав, а потому стыд и страх еще пуще пылали в груди. Сглупила. Нужно было дать Орлику от ворот поворот. Тем более она умела это делать – не раз практиковалась на Яро–мире.

– Я нуждалась в помощи, и он ее предложил. Прогони я свинопаса, то точно без подозрений бы не обошлось. Но я понимаю, что сглупила. Прости.

Она поджала губы и виновато опустила голову. Хотела обойти Зорана и выйти прочь, но все же спросила:

– А как твои поиски? Узнал что-нибудь о Войко или?..

– Нет. Все глухо.

Этого стоило ожидать, но досада все равно тяжелым камнем давила изнутри.

– Весь Циркон на ушах стоит, особо не поспрашиваешь. Видела ленты на деревьях?

Руслана заинтересованно подняла глаза, кивнула. Сама ведь оставила полоску ткани на ветке.

– И что это? – спросила, проведя пальцами по волосам. – Какой-то странный обычай...

– Это не обычай. Это протест девушек, которые не хотят выходить замуж не по любви, а по родительскому наказу.

– Такие браки не редкость, – грустно вздохнула Руслана. Она вспомнила и о Яромире, которого так желали ей в мужья родители, и о Войко, которого ее суженым сделали проклятые сердцеветы.

– Я разузнал, что недавно из Циркона пропала невеста. Говорят, она сбежала к своему возлюбленному. От нее в городе осталась только лента. Наверное, за дерево зацепилась...

Перед глазами предстали разодетые в яркие лоскуты деревья. Голые, без листьев. Нарядные, в чужих девичьих украшениях.

– Теперь девушки оставляют свои ленты на дереве как обещание – они тоже сбегут, если придется идти под венец с нелюбимым.

Руслана вспомнила, как раздраженно сдернула ленту возле своего дома взрослая женщина. Как воровато озирались подружки, когда на ветках оставляли свои...

Она охнула и тут же прикрыла приоткрытые губы ладонью.

Она ведь тоже... Также оставила ленту! И это видел Орлик, который думает, что Руслана замужем!

Если он не глуп, то поймет, что Руслана солгала.

Она хотела рассказать обо всем Зорану, но не решилась. Он и без того зол, что Руслана в дом черт-те кого привела.

– Всего лишь свинопас, – уговаривала себя Руслана, выходя на крыльцо.

Она старалась не думать, что обманывать может не только она.

Уйка вернулась в дом Ждана, когда солнце почти село. Руслана и Зоран тогда сидели за столом и ели пироги, которые юноша прикупил в городе. Жевали молча, каждый думал о своем. Но едва Уйка переступила порог, тишина разразилась грохотом отодвинутой лавки.

Руслана выбежала в сени, встала напротив колдуньи. Смотрела грозно, будто мать, встречающая провинившееся дитя. Только сказать ничего так и не решалась.

Уйка причинила сегодня немало проблем. Если бы она не выпустила свиней, то Руслана не пошла бы в город. Не встретила бы доставучего свинопаса, не оплошала перед ним, показав, что не знает местного обычая с лентами.

Но если бы не Уйка, Руслана с Зораном так бы и блуждали по морозу, не находя пристанища. А может, даже из лесу бы не вышли.

– Чего так долго? – буркнула Руслана и опустила глаза к босым ступням чародейки. – Забыла, что палачи в Циркон приехать могли?

– Волнуешься за меня? – сверкнула зубами Уйка, вгоняя охотницу в ступор.

– Д-да... Нет. Просто так исчезать на весь день не стоит. И вообще...

Уйка пихнула Руслане пучок иссохших трав и прошла мимо, через плечо бросив:

– Ходила вашего коня проведать.

– Князь? Как он? – тут же подскочил с лавки Зоран. Он оставил свой пирог недоеденным и бросился к девушкам. Хотел воочию видеть лицо Уйки, когда та поделится новостями.

– Не знаю, я его не видела. Собрала травы и пошла обратно.

– Волки поели, – безрадостно решила Руслана и кинула бесполезные цветы в угол.

– Следов крови не было, – качнула головой Уйка. – Наверное, сам ушел. Скоро вы встретитесь.

Зоран просиял. Посмотрел на Руслану, широко и искренне улыбаясь. Такой счастливый! Того и гляди, Уйку начнет расцеловывать!

Фу.

Руслана скривилась и прошла к столу. Села спиной к сеним, чтобы не видеть ни Уйку, ни Зорана, который, как довольный кот на мягких лапах, кружил вокруг колдуньи с расспросами.

– Снег рыхлый был? Следы видела? Копыт или чьих-то лап? Ох... Как же я жду, когда мы снова встретимся!

Кислое настроение Русланы стало еще хуже. Еда в горло больше не лезла. Охотница просто сидела за столом и с хмурым видом смотрела, как в печи танцует пламя.

Но огонь испуганно затух, когда в дверь вдруг постучали с такой силой, что та могла бы слететь с петель.

Никто не подошел к порогу. Троица застыла в ожидании. Что будет дальше? Руслана обернулась и встретилась с решительным взглядом Зорана. Тот уже успел схватить с лавки ножны. Когда стук повторился, охотница тоже сорвалась с места. Нашла на сундуке рядом со своим колчаном короткий нож, подаренный Богданой. Спрятала клинок в рукав платья и встала плечом к плечу с Зораном.

И только Уйка, самая сильная из них, но самая пугливая, выглядела растерянной и нерешительной.

– Домовой говорит, что за порогом злые люди, – шепнула колдунья, и в глазах ее, в голосе, задрожали слезы. – Не открывайте.

– Нельзя, – крепче сжал рукоять меча Зоран. – Свет лучин выдает, что в доме кто-то есть. Если не откроем, заподозрят в чем-то худом.

Слова Уйки напугали Руслану, но отступить она не собиралась.

– Спрячься, – приказала она колдунье. – Залезь в сундук или на печь, в подпол или на улицу через окно выберись. Но на глаза гостям не попадайся.

Уйка порхнула в глубь дома. Лишь когда ее легкая поступь стихла, а грохот в дверь от нетерпеливых гостей повторился, Зоран отворил.

На пороге стояли двое. Девушка, чуть старше Русланы, и юноша, чей возраст определить было непросто. Черты его лица – юные, завораживающе прекрасные. Но его глаза, будто выдавшие не одно столетие, пугали.

Будто злобный старик влез в кожу юнца.

Девушка – кровь с молоком, косы толстые, черные – заговорила первой:

– Старый дом, новые хозяева, – улыбка ее походила на голодный волчий оскал. Глаза сверкали серебром, что откололось от самой луны.

Она поклонилась низко, и кончик ее косы коснулся порога, который не был очерчен мелом, и железа в него никто не вбил. Плохо. От нечистой силы да от ведьм ой как пригодилась бы сейчас защита!

Не спрашивая разрешения, девушка беспрепятственно вошла в дом. Следом за ней то же самое сделал пугающий спутник. Его глубокие, как забытый колодец, глаза впились в Руслана. Она крепче сжала серебряный нож в ладони, но из-под рукава клинок не достала. Лучше не показывать врагам ни слабость, ни силу.

– Кто вы такие? – громогласно спросил Зоран. Попытался задвинуть Руслану себе за спину, но та стояла твердо, зная – оружие от нечисти есть только у нее.

Меч Зорана – пустышка против духов и ведьм, все равно что веткой перед ними размахивать. А вот серебряный нож...

– Не гневайся, новый хозяин, – черноволосая гостья снова улыбнулась, завораживая своей красотой.

Пальцы на рукояти ножа чуть ослабли, но Руслана тут же моргнула, прогоняя морок.

– Я всегда прихожу к тем, кто ищет моей помощи. Сомневаешься, вижу. Думаешь, что не искал, не звал меня никто? Тогда спроси у своей суженой!

Она подняла руку, тонкую, как древко стрелы, и указала на Руслану.

– Кто ты? – спросила она голосом, каким воеводы приказывают готовиться к бою.

Девушка хохотнула раскатисто, а затем легко призналась:

– Ведьма. Неужто еще не поняла? Не вспомнила меня?

Руслана покачала головой, а сама вспомнила, как торговка платками вцепилась в нее, приговаривая: «Так тебе к ведьме надо». Она всмотрелась в лицо гостьи, и мурашки пробежали по телу колючим морозом.

Те же глаза. Даже голос будто тот же, но сильно моложе.

– А нет. Узнала все же, вижу. А вот я мужа твоего – нет. Сегодня на площади ты с другим парнем была.

Ведьма улыбнулась лукаво, наблюдая, как Зоран всего на миг дал слабину. Забыл о незваных гостях и повернул лицо к Руслане. Она же поджала губы, гордо вскинула подбородок.

– Уходи. Здесь не нужна твоя помощь.

– Даже не угостишь ничем гостей?

– Нехорошо-о, – проскрежетал спутник ведьмы. Его голос был громким и скрипучим. Пугающим. В нем будто сплелись чужие крики

и слезы, карканье ворон и скрип половиц под подошвами незнакомца...

Все это ведь только чудится, подумалось Руслане, но страх в груди уже проснулся. Он трепетал от гласа того, кто человеком только притворялся.

– Не ты ли свиней своих по городу рыскала? Не ты ли на мужа несносного жаловалась? Я могу помочь тебе наполнить хлев и в любви удачу привлечь. Если хорошо заплатишь.

– У меня нет монет, – резко ответила Рус-лана.

Она было метнулась вперед, чтобы вытолкать гостей за порог, но леденящий взгляд существа в человеческой коже пригвоздил к месту.

– Я беру плату не только золотом, – серебряные глаза хитро сверкнули. – Всего лишь поделись частичкой своей молодости. Тебе-то что? Пара седых волосинок, зато исполню любое желание. Вылечу любую хворь.

Любое желание? А что, если попросить ведьму вернуть Войко?

– Хватит. – Зоран вынул меч из ножен, но лишь рассмешил странную чету. – Уходите. Ваша помощь здесь не требуется.

– А я бы так не сказала, – проворковала девушка, наблюдая за метаниями, что отражались на лице Русланы.

Сколько она возьмет? Пару лет жизни? Немного красоты? Пусть, если это вернет в Хрусталь Войко! Пусть, если тогда все встанет на свои места, а палачи перестанут преследовать в кошмарах и наяву!

Но когда Руслана уже была готова сдаться, серебряный звон пробудил ее от насланных дум. То нож выпал из ладони.

Руслана в тот же миг бросилась поднимать его, а взгляды гостей опустились к полу. Тогда лицо ведьмы исказило странное выражение: не то зависть, не то радость.

– Ах! – всплеснула она руками, облаченными в расшитые дорогие меха. – Так у вас и правда есть своя ведьма! Я чувствовала, что кто-то снял порчу со Ждана, и это была *она*! Мы не зря пришли!

Руслана проследила за взглядом колдуньи и увидела пучок трав, который сама совсем недавно бросила в угол. Их принесла Уйка. От них пахло ча-рами.

– Никого здесь нет. – Зоран преградил ведьме путь мечом, и та внезапно вцепилась пальцами в его подбородок.

В тот миг Руслане показалось, что девушка перестала быть прекрасной красавицей. Ее образ разросся до огромной черной тени, которая вкогтилась в Зорана, как коршун в добычу.

– Вижу! Вижу, что вы ищете!

– Пусти! – Руслана вскинула нож, бросилась на колдунью.

Но клинок не успел вспороть ведьме шею. Даже не царапнул.

Та отскочила, как тень, растворенная солнечным светом. Ускользнула прямо из-под кончика ножа. Стояла, тяжело и часто дыша, и смотрела на Руслану широко распахнутыми в ужасе глазами.

– Как ты смеешь? – проскрежетал чудовищный помощник.

Он рысью кинулся вперед, но и от него охотница отбилась, одним лишь росчерком серебряного клинка.

– Уходите! – крикнула Руслана яростно.

Краем глаза она видела, как Зоран пытается совладать со своим страхом. Широкая грудь парня вздымалась, лоб блестел от ледяного пота. Как и всегда, Зоран потерял над собой контроль, снова столкнувшись с Навью и ее слугами.

Нужно помочь ему. Успокоить.

– Мне нужна ваша ведьма, – отчеканила гостья. – Выведешь ее ко мне на разговор, и я стану твоей служгой на три года. Буду исполнять все твои желания. Могу даже рассказать, где то, что вы ищете.

– Нет, – перебила Руслана и кончиком ножа указала на дверь. – Прочь.

– Ах так? Не хочешь мне колдунью выдавать? Тогда я сама ее выманю.

Руслана отшатнулась, когда ведьма вдохнула так глубоко, что ее грудь раздуло на пару локтей. Затрещали чужие ребра, в сенях стало душно.

Руслана схватила Зорана под руку, потащила за собой подальше от ведьмы и ее слуги. Казалось, та высасывает весь воздух из дому... А когда она выдохнула, в печи полыхнуло злое пламя. Оно взвилось столпом вверх по трубе так, что в избе стало жарко и душно, точно в бане. Пот градом катился по лицу, платье взмокло.

А затем в светлице гроыхнул сундук.

– Жарко! Жарко-жарко! – стонала Уйка.

Она выскочила в сени тогда же, когда там оказалась Руслана. Перехватила Уйку, прижала к себе, чтобы не дать угодить прямо в

лапы злой ведьмы.

Уйка гостей будто не видела. Слепо металась в объятьях охотницы. Вся мокрая, словно из озера вышла, лицо красное, а пот, стекающий по лицу, смешался со слезами.

– Жарко! – всхлипнула Уйка, и Руслане показалось, что та тает, как снежок, занесенный в дом.

Глаза гостьи сверкали довольством, будто она распахнула ларец, в котором неожиданно нашла драгоценное сокровище.

– Приветствую, сестра, – поклонилась мерзавка. – Меня зовут Мирина. Стань моей союзницей! Объединим нашу силу! Разбогатеем, прославимся вместе!

– Что? – пролепетала Уйка. В руках Русланы она осела, почти стекла на пол. – Чего тебе от меня надо?

Мирина если и была раздражена, то не показала этого. Села на корточки, подползла ближе к Уйке, но остановилась, когда чуть лбом не ткнулась в серебряный нож. Руслана выставила его перед собой в одной руке, пока второй поддерживала Уйку.

Что же делать? Если оставить ее в доме, пышущем жаром, добром дело не кончится!

– Зоран! – позвала она, и он тут же возник рядом.

Бледный, несмотря на духоту. Черты лица заострились, глаза точно стеклянные.

– Давай помогу, – в голос Зорана прокралась дрожь.

– Не пущу из дому, пока не дадите нам поговорить! – раскинула руки Мирина. – Мне нужна колдунья-помощница!

– Отойди! – прорычала Руслана, наступая.

– И с места не сдвинусь!

– Тогда наколдуй снег в доме, иначе Уйка умрет!

Мирина вздрогнула. Осела на пол. Но ослабла она лишь на пару мгновений, а затем рывкнула:

– Бес! Неси снегу!

Нечистый помощник выскочил за дверь, но быстро вернулся. Кинул охапку свежесвыпавшего снега на Уйку. Тот растаял в мгновение ока, будто коснулся раскаленного железа.

– Еще! – крикнули Мирина и Руслана в один голос.

Бес снова унесся на улицу, снова накрыл Уйку морозным одеялом. А снег все таял и таял. Руслана и Зо– ран теперь сидели в луже. Подол

платья Русланы намок, ступни кусала прохладная влага. Она отползла к стене, чтобы не жалить Уйку теплом своего тела, но не слишком далеко. Так, чтобы суметь вовремя помешать Мирине, если та вздумает броситься на Уйку.

Зоран стоял тут же, рядом с Русланой. Она не видела его лица, но чувствовала, как он напряжен. Знала, что он не снимает ладонь с меча.

Когда снег наконец перестал таять, касаясь Уйки, а в доме из-за открытой двери стало так же холодно, как и на улице, все вздохнули с облегчением. Зоран накинул на плечи Русланы кафтан, подал ей сапоги, а потом оделся сам.

Стало ясно, что гости не уйдут, пока не обсудят дело. Дело, которого бы не было, не реши Уйка спасти незнакомого мужика от чужой магии и не оставь Руслана травы чуть ли не на пороге.

Уйка, которая снова была бледна, как иней, поудобнее устроилась на подушке снега. Вскинула гордый хрустальный взгляд на Мирину и спросила:

– Говори, зачем пришла, и уходи. Столько проблем причинила!..

– Ай-ай! Нам вместе держаться надо, сестрица, а ты меня гонишь!

– Не сестра ты мне. Вот и зови по имени. Уйкой.

Мирина хмыкнула и расправила плечи, пытаясь казаться стройнее и значимее. Бес стоял по левую ее руку. Пугающий взгляд прилип к Уйке, но та его будто не замечала. Сидела, обхватив притянутые к груди колени и упершись в них подбородком.

Может, чувствовала, что у нее защитников больше, чем у Мирины?

– Ну же. Чего хотела? Говори.

– Даже в избу не пригласишь?

– Мне и тут неплохо сидится, – Уйка похлопала ладонью по снежной подушке и демонстративно устроилась поудобнее.

– Мне нужна напарница, – горделиво заявила Мирина.

Руслана подумала, что таким тоном впору искать прислугу, а не товарища. Потому не сомневалась, что Уйка прогонит ведьму. И лучше бы это случилось как можно скорее... Жди беды, если соседи неладное заподозрят.

– Ты ведь знаешь, сколько чародеям за лечение платят? – Мирина будто невзначай провела кончиками пальцев, унизанных перстнями, по шее. Из-под мехов проступал блеск драгоценных монист. – Жаль

только, идут за помощью худо. Не всякая хворь к ведьме на порог толкнет.

Мирина коснулась ладонью сочно-алых губ, сжала ее в кулак. А когда раскрыла, внутри оказалась бабочка. Ярко-алая, с черными крапинками на размашистых тонких крыльях.

– Отзови магию, – Уйка поднялась на ноги, выступила вперед. – Спустишь ее на кого-то из них, и я...

– Тише, Снежная. Не стану лихорадку на твоих друзей насылать.

Сказав это, Мирина вновь поднесла руку ко рту. Руслана из-за пальцев не видела, что происходит, но ей показалось, что Мирина проглотила бабочку. А вместе с ней и порчу, которую могла бы насрать быстрее, чем любой из присутствующих моргнет.

– Это так ты на Ждана порчу навела? Напустила на него бабочку? – голос тонкой, милой Уйки теперь звучал, как песнь клинка в сражении. Резко, звонко. Обезоруживающе.

– Змею, – поправила Мирина, а потом поинтересовалась: – Этот дуралей уже сбежал из Циркона? Не думала, что так сильно его напугаю...

Руслану не покидало ощущение, что Мирина играет с ними, как кот с мышью. Дадут слабинку, и она проглотит в один миг. А потому нож держала наготове и по сторонам не глядела. Следила за Бесом и Мириной. Готовилась отразить атаку, если та вдруг слу– чится.

– Зачем ты с ним так? – едва не всхлипывала Уйка. – Что он тебе сделал?!

– Этого я тебе не скажу, Снежная. Хотя знаю, что именно моих слов вам для разгадки не хватает.

– Какой еще разгадки? – встряла Руслана.

Мирина приторно сладко улыбнулась ей. Так, что на зубах закрипело. А потом перевела взгляд на Зорана и подняла руку, словно вновь хотела ухватить его за подбородок и заглянуть глубже, чем просто в глаза.

– Знаю я, что вы ищете. Но после ухода Ждана последняя путеводная ниточка к вашей цели у меня осталась, – она сочувственно выгнула брови. – Поделюсь с вами тайной, только если Уйка согласится остаться в Цирконе и мне помогать.

Руслана, которая была готова платить даже собственной молодостью, сейчас вновь приободрилась. Может, будет способ ведьму

вокруг пальца обвести? Но не успела она даже додумать эту мысль, как Зоран схватил Уйку за плечо и рывком толкнул себе за спину.

– Нет. Ты ее не получишь.

– Ты даже не дал ей выслушать меня!

– Нечего слушать. Забирай своего слугу и уходи.

Мирина в последний раз посмотрела на Уйку. Ждала, что та остановит, попытается помочь друзьям, вступит в сделку... Но та молчала, низко опустив голову.

– Они не всегда будут с тобой, Снежная. Однажды тебе станет так одиноко, что сама ко мне приползешь. Отчаяние, а не сила, мой главный помощник. Я не стану заставлять тебя помогать – это бессмысленно. Толку от вымученного союзника нет. Но я буду с нетерпением ждать, когда одиночество толкнет тебя к моему дому. Тогда-то и договоримся о цене. И учти, свой шанс на хорошую долю ты уже упустила.

Руслана не ожидала, что Мирина столь легко сдастся. Улыбнется напоследок лукаво, развернется на каблуках сафьяновых сапожек и шагнет за порог...

– Стой!

Голос стрелой взрезал тишину. Все вокруг замерло на миг, в который Мирина победно улыбнулась.

– Я пойду с тобой. Забирай мою молодость, но расскажи, что знаешь!

– Нет! – Зоран кинулся вперед, замахнулся для удара мечом, но отлетел тотчас, когда перед ним молниеносно возник Бес.

Чудовище вскинуло руки, и от пола до потолка поднялась черная стена из дыма. Прозрачная, как тончайший шелк. Непробиваемая, как кованое же- лезо.

– Руслана! Руслана!!! – Зоран бросился к преграде, но та обожгла его руки, едва он коснулся дыма.

Заскулила Уйка, которая безрезультатно пыталась развеять стену ветром, что поднял с пола снежинки.

Руслана смотрела, как ее друзья пытаются ей помочь, но не могла отступить. Слишком поздно, а цена – высока.

– Брось нож, Охотница, – прогремел Бес.

Неохотно, но Руслана разжала пальцы. Серебряный клинок упал на пол, совсем рядом с дымовой стеной. Та истончилась подле ножа.

Совсем немного. Даже мышь не проскочит. Но Руслана знала – пожелай она сбежать, смогла бы прорезать себе путь.

Но она не сопротивлялась, когда Мирина до боли вцепилась в тонкое запястье. Не испугалась, когда черные глаза жадно заглянули в ее.

– Руслана! – услышала она отчаянный крик Зорана, которым он вырывал душу из тела. Колотил дым мечом, но ранил лишь себя.

Кровь стекала по обожженным рукам, сочилась меж мозолистых пальцев...

В груди защемило. Внутри вспыхнуло что-то странное, новое... Но понять, что именно, Руслана не успела. Мирина впились ногтями в ладонь охотницы, но уже в следующее мгновение та перестала существовать.

Руслана растворилась, будто никогда не стояла здесь. Будто ее никогда и не было.

На пальце ведьмы ярко блеснул камень. Постепенно он переставал быть прозрачным, а наливался алым, как бутоны на первом снегу, цветом.

Дым рассеялся. Уйка завывала в голос. Зоран с криком бросился на колдунью, но что его меч против чар? Мирина лишь щелкнула пальцами, а Зоран уже упал к ее ногам, схватился за грудь, скованную небывалой болью.

Мирина сжала кулак над ножом Русланы так, что ногти впились в кожу. Из ран выступила проклятая кровь и ядовитым рубином окропила брошенный клинок добровольно поверженной охотницы. Металл начал меняться на глазах: изогнулся, закрутился... И вот на полу уже лежала дудочка, но вовсе не серебряная, а черная, с алым отливом.

– Когда Охотница исполнит обещанное, дудочка споеет вам правду.

Зоран попытался схватить колдунью за лодыжку, удержать. Но стоило шевельнуться, и вместо воздуха в легкие будто влили раскаленное железо. Он сквозь слезы и боль тянулся за Мириной, но лишь корчился перед порогом, на котором уже никого не было.

Глава 12

Зола несуществующих лет

Оказавшись внутри кольца Мирины, Руслана будто погрузилась в другой мир. Пустынный и безграничный. Не было в нем ни неба, ни земли. Лишь красная дымка, сквозь которую виднелись очертания реальности.

– Скрой наши следы, любовь моя, – голос Мирины прокрадывался в кольцо приглушенным эхом. – До утра нас не должны найти.

Все внутри сжалось, когда Бес сквозь грани кольца посмотрел будто прямо в глаза Русланы. Теперь, когда она была такой крошечной и безоружной, чудовище пугало в разы сильнее.

Глаза нечистого сверкнули змеиным янтарем, а потом растворились во мраке ночи. Мирина накрыла кольцо второй ладонью, и больше Руслана ничего не видела. Лишь слышала, как завывает выюга, и в песне ветра ей почудился голос Зорана:

– *Зачем она это сделала? Зачем доверилась ведьме?!*

Руслана шагнула по воздуху к несуществующей преграде, но алый дым рассыпался под руками. Тогда она закрыла глаза и вслушалась в повисшую тишину. Ни намека на присутствие Зорана. Может, показалось?

Она подогнула ноги, как если бы собиралась сесть наземь, но так и застыла, паря в рубиновом тумане. Слышался хруст свежеснежавшего снега под сапогами Мирины, а из головы не выходил образ Зорана. Когда Руслана закрыла глаза, видения о прошлом стали лишь ярче.

Он так отчаянно пытался ее остановить...

«Это все клятва, которую Зоран дал моему отцу», – подумала Руслана, но сама не поверила себе.

За время их недолгого путешествия они с Зораном сблизились. А потому хотелось верить, что он переживает за нее как друг, а не как приставленный чарами охранник.

И лучше пусть она расплатится за свой поступок тумачами от Зорана, чем окажется ему совершенно безразлична. Но все это потом, когда Руслана выполнит обещание, данное Мирине, и вернется в дом Ждана.

Пара лет молодости – не самая ужасная цена за правду, которая поможет выйти на след Войко. Ведь если она его не найдет, расплатится уже своей жизнью. И отдаст ее всю, без остатка. А возможно, не ее одну заберут палачи...

Зорана тоже накажут. И родителям придется несладко.

Так какая разница, если волосы начнут сесть чуть раньше положенного?

Зоран может злиться сейчас, но, когда они встретятся вновь, он обязательно поймет Руслану. Сейчас не одна жизнь зависит от того, вернется ли в Хрусталь Войко.

– Вылезай, – приказала Мирина, а затем алый мирок раскололся на куски вместе с камнем из кольца.

Руслану будто вытряхнули из огромного мешка. Зрение вернулось. Она вдруг поняла, что сидит в незнакомой избе на полу. Вокруг нее валялись осколки алого драгоценного камня, сверкающие в свете лучины настолько ярко, что мнилось – Руслана тоже сияет.

Она склонилась, рассматривая свои руки. Нет, не показалось.

Пальцы и запястья были унизаны чужими украшениями. Те переливались и завораживали, как отблески звезд на воде в ясную ночь. От них и исходило сияние.

– Чьи это драгоценности? – Руслана коснулась груди, на которой появились тяжелые красивые бусы из жемчуга. Потянулась вверх, к голове, и случайно задела височные кольца. Те звякнули непривычно тонко и мелодично. – Кто на меня их надел?

Она потянулась, чтобы сорвать с себя чужие украшения, но Мирина подскочила к ней юркой тенью, схватила за руку до боли.

– Не тронь! Все объясню потом. Увижу, что пытаешься снять, – наколдую так, что руки отсохнут.

Руслана помнила рассказы родителей о ведьмах и колдунах. Знала, что связываться с ними опасно. Но она уже здесь и согласилась на очередную сделку.

Плохо. Но метаться поздно. Нужно хотя бы не усугублять.

Охотница обезоруженно подняла руки, показывая свою покорность. Мирина хмыкнула довольно и отвернулась к столу, на котором горела единственная лучина. Пока ведьма готовилась к обряду, Руслана озиралась по сторонам, пытаясь высмотреть что-нибудь полезное.

Окно в комнате всего одно, как раз у стола, вокруг которого возилась Мирина. Дверь за спиной Русланы заперта и наверняка ведет в сени. Вон там лестница в подпол, куда спуститься Руслана ни за что не решится. Она слышала, что там обычно сидят злые духи и черти, что колдунам прислуживают. Они нашептывают хозяину то, чего обычный человек и знать не может. Возможно ли, что именно они ведьме подсказали, что Руслана пытается сдернуть драгоценности?

Под потолком висели пуки трав. Выглядели они лохматыми и сухими, будто кто-то вырвал волосы и перетянул черной лентой. На лавке у стены в кучу были свалены глиняные посуды: пузатые пузырьки, плоские чашки, маленькие ступки... Руслана наклонилась, чтобы рассмотреть получше, и в нос ударил горький запах, от которого к горлу поднялась тошнота.

– Чего рыщешь? – проскрипела Мирина, которая вернула себе облик тощей и дряхлой старухи. Голос ее стал мерзким и тонким, как писк комара. – Думаешь, что против меня же в моем доме использовать?

– В таком случае я бы не искала, а сразу взяла кочергу, – ровно отозвалась Руслана и кивнула на тяжелый инструмент, который давно завидела в дальнем углу. – Зачем мне на тебя нападать? Я сама ведь на сделку согласилась.

Старуха скривила губы в довольной улыбке и продолжила готовиться к обряду. Установила зеркало на столе так, чтобы в нем отражался и сидящий человек, и луна, заглядывающая в окно. Разбросала вокруг высушенные цветы, повязала черные нитки на углы стола и зеркала.

Руслана дрожала изнутри, но виду не подавала. Никогда еще вот так близко она к злой магии не подходила. И магия, черная и неправильная, ее самой не касалась.

– А если я тебя обманула? – не оборачиваясь, хохотнула Мирина. – Вдруг я лишь сделала вид, что знаю что-то важное для тебя?

– Коли так, то не страшно. Узнаешь. Ты ведь ведьма. Чего стоит найти ответы на парочку вопросов?

Говорила это, а зубы стучали. Вдруг правда? Вдруг Руслана зря собой рискует?

Но ведьма довольно заулюлюкала, заворковала:

– Вот такой подход мне нравится! Будь таких, как ты, полон Циркон, я бы и в напарнице не нуждалась!

Мирина начала поправлять то, что лежало на столе, и Руслана поняла – все. Скоро начнется. Времени до полуночи осталось немного, а именно в этот час, говорят, самые сильные чары вершатся. А значит, и вопрос задать можно теперь лишь один.

– Зачем тебе напарница? – спросила Руслана и, чтобы задобрить ведьму, польстила: – Ты ведь сильная колдунья. Я видела, как дом от твоей магии покачнулся, как взвилось пламя. Потому и пошла с тобой – ты точно поможешь. Так зачем тебе была нужна Уйка?

Сладкие речи смягчили Мирину. Она заулыбалась, черные глаза заблестели от похвалы. Может, она и понимала, что Руслана открыто льстит, но все равно разомлела, а потому созналась:

– Знаешь, что прибыльнее всего для чародеев? Снимать порчу. Только вот много ли тех, кого проклинали да сглазили? – она развела пустыми руками. – Редко такой подарок мне судьба преподносит, а хорошо жить хочется. Колдуны не могут снимать порчи, которые сами же и наслали. Вот я и искала кого-то, кто будет калечить, пока я – лечить.

– Уйка бы никогда не согласилась на такое, – ошарашенно выдохнула Руслана. – Она и мухи не обидит!

– Жить по-человечески захочешь, и на ушах станцуешь.

Звон монет и красивое отражение в зеркале – вот и все, что нужно Мирине. Простые желания, за которые вместо ведьмы платит простой люд. Сколько ей лет? Сколько из них она провела в Цирконе? Наверняка немного, раз на ее след еще не напали па- лачи.

– Подойди, – Мирина отряхнула руки после того, как придвинула лавку к столу. Села на нее, оказавшись напротив зеркала, поманила к себе Руслану. – Встань позади меня.

Каждый шаг сопровождался непривычным звоном украшений. Но звук то был тревожный, беспокойный. Будто камни в сверкающей оправе пищали от ужаса и боялись Мирину больше, чем сама Руслана.

Теперь в зеркале отражались они обе. Морщинистая кожа плотно обтягивала череп Мирины, редкие седые волосы отливали серебром в свете лучины. Злые черные глаза смотрели на Руслану сквозь

отражение. Взгляд впивался занозой, которую из памяти уже никогда не вытащить.

Руслану не пугала старость. В конце концов все рано или поздно увядает. Но сейчас, когда она стояла столь близко к Мирине и заглядывала в глаза, в которых клубилась ночь, ей было не по себе. Внутри все переворачивалось от уверенной мысли – она не первая девушка, что явилась на этот обряд, неестественный и неправильный.

Сколько чужих лет Мирина уже украдала? И сколько заберет у Русланы?

– Поздно метаться, Охотница. Помни о цене своей жертвы.

– Что я должна сделать?

– Ничего сложного. Просто снимай с себя украшения и надевай на меня, пока пою. Поняла?

А чего тут непонятного? Руслана собственными руками будет передавать ведьме годы своей молодости. Добрая воля укрепит магию, запустит сделку... И тогда, где-то в избе Ждана волшебной станет дудочка, что расскажет, где искать Войко.

– Поняла, – кивнула Руслана и гордо вскинула подбородок. Она пройдет это испытание с честью.

– Сделаешь все правильно, и я отпущу тебя тут же. Но решишь обмануть меня и сбежать – сниму с тебя кожу и сама носить ее стану. Поиграю с твоим суженым стражем, а затем и его убью.

Юлить Руслана не собиралась. Знала, что с магией спорить глупо. Особенно теперь, когда нет больше подаренного Богданой ножа. Но ой как хотелось приставить его к горлу колдуньи и заставить забрать гнилые слова обратно!

– К тебе на сделку пришла я. Вот со мной и разбирайся, ведьма.

«Не тронь Зорана», – хотела добавить она, но не стала.

Потому что сама изумилась гневу, что жаром обдал изнутри. Потому что не хотела показывать слабость, которую в себе открыла.

– Нравишься ты мне, Охотница. Жаль, что колдовать не умеешь. Мы бы нашли общий язык.

– Сомневаюсь.

Луна поднялась настолько, что теперь целиком ярким серпом отражалась в зеркале. Она зависла ровно над макушкой Русланы, а ее голова – над Мириней. Втроем они выстроились в ровную линию.

Пора.

Мирина в последний раз посмотрела в глаза Русланы и довольно улыбнулась. Наверняка уже примерила в мечтах на себя ее красоту: густые темно-русые волосы, гладкую кожу, длинные ресницы и широкие брови вразлет. Затем опустила взор и, впившись им уже в свое отражение, тягуче запела.

Ее голос гнал по коже липкие мурашки, хотя слова песни не казались Руслане пугающими. Мирина пела о яблоне, что цвела круглый год, и корни ее тянулись все глубже и глубже.

Ждать больше нельзя. Пора и Руслане вступить в обряд.

Набрав полные легкие воздуха, напитанного ароматом иссохших трав и незнакомых порошков, Руслана сняла с себя жемчужные бусы. Руки одеревенели, но охотница заставила себя поднять украшение над головой ведьмы, а затем надеть ей на шею.

Но едва гладкий сверкающий жемчуг коснулся колдуньи, он рассыпался золой. Черная пыль испачкала одежду Мирины, посыпалась на пол. Руслана охнула, но не отпрянула. Так и должно быть? Потянулась к височным кольцам, но и те истаяли пеплом.

Мирина вдруг прекратила петь. Застыла, глядя на Руслану через зеркало, не то с раздражением, не то с сочувствием, от которого сердце обратилось в льдинку.

Что не так?

– Тебе нечем мне платить, Охотница, – проскрежетала карга и встала из-за стола. Оттолкнула зеркало, чтобы то не видело старушечьего уродства, и поковыляла отпирать дверь.

– Что это значит? Сделки не будет?

– Дуреха, – сплонула ведьма. – Неужели только это сейчас волнует?

«Если не найду Войко – умру», – хотела сказать Руслана, но слова колючей костью встали поперек горла.

Только теперь она догадалась, что значил огорченный взгляд ведьмы. Мирина не смогла забрать годы молодости Русланы, потому что забирать нечего.

– Ты скоро умрешь, Охотница. Не по моей вине или воле, но платить тебе нечем. Нынешнюю весну ты не увидишь.

Ноги подогнулись. Руслана оперлась о стол, впила в него пальцами так, что те побелели.

– Ошибаешься, – голос походил на треск умирающего пламени. Слабый, едва слышный.

– Не веришь. Ну конечно, – Мирина отперла дверь в сени, распахнула ее пошире. Мол, уходи. Ты здесь больше не нужна. – Я бы тоже не верила. Но взгляни в зеркало, и сама все поймешь.

Руслана повернула к себе зеркало, и прямо на ее глазах все украшения начали чернеть и обращаться в черную бесформенную пыль. Следы от нее запачкали кафтан и бледную, точно покрытую мукой, кожу.

Чумазая, грязная. Руслана будто вылезла из печи. Она бы и сама себя сейчас не узнала.

– Значит, ты не расскажешь мне, как найти Войко? – голос дрожал, как тетива, которую вот-вот спустят.

Даже если Руслане в родной дом вернуться не суждено, пусть это сделает Зоран. Пусть освободит Моймира с Бояной от преследования палачей. Пусть сам живет долго и счастливо.

И пусть Мирина ошибется... Руслана не хотела умирать так скоро.

– Войко? Не знаю, о ком ты говоришь, – прокричала ведьма из сеней.

– Лгунья! Ты сказала, что знаешь, что мы ищем! Сказала, что заплатишь, если пойду с тобой!

Руслана кинулась за Мириной. Та даже не обернулась на безоружную и опустошенную страшными новостями гостью.

– Товар оказался негодным, – пожалала узкими сухими плечами Мирина, и у Русланы от злости перехватило дыхание.

Вот как? Для ведьмы чужая жизнь – всего лишь товар! Спелые яблоки на лотке торговки. Протяни руку и надкуси.

– Но не смей называть меня обманщицей, Охотница. Я знаю и вижу больше тебя.

– Тогда помоги найти Войко! – Руслана отчаянно встала перед Мириной, не дав той лечь на лавку возле печи. – Я отдам тебе, что попросишь. Только скажи, как нам вернуть его в Хрусталь!

Из-за спины Мирины, прямо из тени к Руслане потянулись чьи-то руки. Худые, бледные и неестественно длинные. Они почти коснулись шеи охотницы, когда из темноты проступили черные с золотыми вкраплениями бесовские глаза, а Мирина раздраженно притопнула ногой:

– Тебе нечего мне дать. Проваливай из дому. Не мешай спать!

Бес растворился во мраке за спиной хозяйки, а та злобно зыркнула на Руслану:

– Чего застыла, ну? Уходи, говорю!

– Помоги, – упрямо попросила Руслана. – Не хочешь мою жизнь, так возьми что другое. Кафтан? Лук и стрелы?

– На кой они мне?

– Могу помочь в избе прибраться.

– На то у меня есть Бес.

Из угла донеслось недовольное пыхтение. Руслана стояла столбом. Не уйдет, пока не добьется своего. Без колдовства им Войко быстро не выследить. А времени у Русланы совсем мало...

Мирина тяжело вздохнула. Посмотрела на Руслану исподлобья и сдалась:

– Чтобы найти того, кого ищешь, не по его следам идти надо.

Руслана знала, что у Войко была возлюбленная, но понятия не имела, как та выглядит или хотя бы какое имя носит. Искать эту девушку – все равно что гнаться за тенью.

– Судьба на твоей стороне, Охотница. Иначе бы мы не встретились. Я вижу нити, которыми связаны жизни, и ты все это время гналась не за той.

– Что это значит?

Мирина легла на лавку, отвернулась к стене. Помолчав недолго, она сдалась и призналась:

– Я выполнила свою часть сделки. Считай это прощальным подарком за твою смелость. Найди черную дудочку и сыграй на ней. Она расскажет все, что я знаю о Сияне.

Руслана не успела ни поклониться, ни слова сказать. Снаружи раздался топот копыт, сплетенный с ворохом чужих голосов. Тревога толкнула Руслану к окну, но она тотчас упала на пол, когда увидела огни горящих стрел. Все они были нацелены на дом колдуньи.

– Прячься!

Вспыхнули сухие половицы. Огонь полз по деревянному полу яркой голодной змеей. Руслана схватила кувшин, который заметила подле себя, и швырнула его в центр комнаты. Тот разбился, и наружу хлынула вода. Только вот затушить пламя она не смогла. Лишь раздражила.

– Чего стоишь, дура?! – Мирина забралась на лавку, пятки ее кусало пламя. Ведьма вскинула руки над головой, пыталась что-то наколдовать, да только попусту.

Огонь, который в доме Ждана подчинялся Мирине, теперь походил на одичавшего пса. Он кидался на бывшую хозяйку со всей яростью. Платье ведьмы уже горело, и даже Бес не мог ничего поделаться. Черная тень вилась вокруг хозяйки, но становилась все скуднее от каждого соприкосновения с колдовским огнем.

– Поймать ведьм! Живыми или мертвыми! – раздался с улицы знакомый голос.

Руслана глянула в окно и ужаснулась.

Орлик. Красноволосый парень, который еще днем представился свинопасом, теперь в черном кафтане гордо восседал на гнедом жеребце. Увидел ли с улицы Руслану, что мгновенно нырнула под окно? Узнал ли ее под маской из золы и пепла?

– Так вот что за нити к тебе тянулись, – прошелестела Мирина. В ее широко распахнутых черных глазах дрожали слезы и отблески пламени. – Па– лачи.

Бес вырвался на улицу, в разбитое стрелой окно. Закружил ураганом вокруг палачей, лишая их возможности видеть. Те завопили и скрылись за черным туманом, который становился все гуще и злее.

Мирина пыталась стряхнуть с себя пламя, но то уже поедало ее плоть. Запах обугленной кожи едва не вывернул желудок Русланы наизнанку. Она крепче стиснула зубы и кинулась обратно, в ту комнату, где проводился ритуал.

Мирина вопила, рыдала в голос. Но чем Руслана могла ей помочь? Вода этот огонь не берет, а колдовство его будто кормит. Попытки Мирины обуздать стихию лишь ускорили казнь ведьмы. К Руслане пламя чудом не пристало даже тогда, когда она прыгнула через жгучие языки, чтобы подобраться к дверце в подпол.

– Что же делать, – причитала она шепотом. – Что делать?!

Ни кувшинов, ни крынок с жидкостями вокруг больше не было. Травы и порошки уже горели. Зеркало на столе обуглилось, а за окном ждали палачи.

Мирина издала последний истошный вопль и стихла. Тень Беса бесследно развеялась, и ночь стала чуть светлее.

Несмотря на пожар, Руслане стало холодно, и она будто обратилась в хрустальную статую изо льда. Дышать становилось нечем. Выйдешь на улицу – сразу убьют. Полезешь в подпол, и огонь рано или поздно свершит свое дело.

Раскаленный жаром металл до слез ужалил кожу ладоней, когда Руслана схватила кочергу. Даже если ей суждено погибнуть уже сегодня, она сделает это с честью. Не станет хныкать, не будет смиренно ждать судного часа.

Она рванула к разбитому окну, поудобнее перехватила кочергу. Знала, что едва ступит на снег, на нее бросятся палачи.

Только стоило ей приблизиться к окну, как снаружи завывла невиданная вьюга. Она была даже злее, чем в тот день, когда сбежал Войко. Ветер перекрывал крики палачей, поднимал вверх целые сугробы.

Руслана отпрянула, когда осколки стекла, выбитые ветром, оцарапали щеки. Кровь сочилась из свежих ран и мешалась с сажей.

– В дом! – послышался совсем рядом приказ Орлика. – Поймать ведьм!

Пламя переползло с пола на стены. Дом чернел изнутри на глазах. Остаться здесь больше нельзя.

Руслана почти выбралась из окна, когда кто-то схватил ее за волосы и с силой затащил обратно. Девушку кинули на пол. Огонь больно лизнул открытые кисти. Охотница вскрикнула, но кочергу не выпустила. Ловкой кунницей извернулась и замахнулась на палача, что стоял к ней ближе всего.

Кочерга с глухим звуком ударила того по макушке, но недостаточно сильно. Не хватило совсем чуть-чуть, чтобы вырубить врага. А так Руслана его только разозлила.

– Дрянь! – мужчина голыми руками схватил горячую кочергу и потянул на себя.

Руслана не отпускала, хотя суставы выкручивало до боли, а перед глазами расплзались черные пятна. Легкие жгло от недостатка воздуха, она чувствовала, как слабеет.

– Первая мертва! – послышался из сеней победный возглас.

– Вторая почти, – спокойно сказал палач, что вышел из-за спины противника Русланы.

Орлик.

Она охнула, но хватку не ослабила. Отыскала на дне легких второе дыхание и с новыми силами вступила в схватку за жизнь.

– Здравствуй, красавица. Признайся, ты знала, что мы еще свидимся.

Вместо ответа Руслана зарычала, поднырнула под руку, что чуть не размозжила ей голову.

– Я знал, что старая ведьма уцепится за тебя, – продолжал Орлик, – потому и вызнал, где живешь. Хотел поймать колдунью на горячем. Но не ожидал, что в поисках жемчужины найду целый ларец драгоценностей, – ужасающе холодно проговорил «свинопас», пока Руслана танцевала среди огня, уворачиваясь от медвежьих лап врага, что сулили отнюдь не легкую смерть. – Тебя же выдала лента. Ты ведь не местная. А та самая беглая ведьма из Хрусталя.

«Я не ведьма!» – выкрикнула бы Руслана, если бы удар прямо в висок не опрокинул ее на пол.

Она может быть сколь угодно юркой и ловкой, но одному против нескольких врагов выстоять всегда сложнее. Орлик вмешался в сражение в тот момент, когда Руслана отшатнулась от первого палача, но открылась для удара второму.

Нечестно. Гнусно!

– Выслушай меня, Орлик, – прохрипела Руслана, стараясь не закрывать глаза.

Налитые тяжестью веки слипались. Но она знала, что, смежив их единой дугой, не откроет уже никогда.

– Это не мое имя, – с презрением проговорил он, нависнув над Русланой.

Она видела лишь его лицо, а вокруг – огонь, огонь, огонь.

– Я соврал тебе так же, как и ты мне. Так знай же, ведьма, истинное имя того, кто лишит тебя жизни. Меня зовут...

– Пламень! – заорал первый верзила, но уже через миг его глас стих, прерванный жутким бульканьем.

Палач с грохотом рухнул в огонь за спиной Русланы.

Задыхаясь, кашляя от дыма, она попыталась хотя бы сесть. Не вышло.

Вокруг стоял ужасный грохот. Изба трещала, умирая в огне. Снаружи ревела вьюга. А совсем рядом, здесь, свистел металл, рассекающий раскаленным жаром воздух.

– А вот и ведьмин муж явился! – проскрежетал Пламень, отражая яростные удары меча.

Сквозь пелену слабости Руслана разглядела хорошо знакомые очертания: соколиный профиль, светлые волосы, собранные в пучок, и высокая, жилистая фигура.

Зоран не ответил Пламеню. Лишь замахнулся с новой силой и толкнул палача к стене. Тот врезался в нее спиной, и черный кафтан тут же вспыхнул.

– Мел! – заорал Пламень, уворачиваясь от следующей атаки, которая могла бы стать смертельной. – Скорее!

Руслана смотрела на дверь, ожидая, что внутрь ворвется кто-то еще. Но очередной выпад Зорана стал для Пламеня последним. Ведь тот просто сбежал.

– Давай. – Зоран поднял Руслану с пола, сбил с ее юбки огонь. – Пойдем. Уйка не сможет сдерживать их долго.

Мир закрутился, завертелся, когда Руслану подняли на ноги. Она могла идти сама, но каждый шаг будто раскачивал хиленькую лодку, которая попала в шторм.

– Зоран, – прохрипела она, пальцами сжимая ткань его кожуха.

– Тише. Отругаю тебя позже. Сейчас нам нужно выбраться.

В сеньях огня было столько, что от света слезились глаза. Зоран подхватил девушку на руки, чтобы пройти по узкому коридору, где пламя не могло их задеть, крепче прижал к себе. Руслана уткнулась носом в плечо Зорана и зажмурилась крепко-крепко.

Если ей суждено умереть столь скоро, то пусть погибнет только она.

«Живи, Зоран. Пожалуйста, живи!»

От жара взмокла одежда. Пот градом катился по вискам и лбу, мешаясь с золой и кровью.

– Закрой глаза и не смотри по сторонам, – приказал он, и Руслана послушно кивнула.

Знала, что наверняка увидит, если решит вскинуть взор. Обугленные кости Мирины.

– Как мы сбежим, если выйдем? – спросила она, чтобы отогнать пугающий образ мертвой ведьмы. – Там целая армия палачей.

– Не думай об этом. Все будет хорошо. Уйка поможет.

Спустя целую вечность они все же добрались до порога. Дверь на улицу оказалась распахнута, и Руслана с облегчением вдохнула полной грудью морозный ночной воздух. Но спокойствие он подарил ей лишь на миг.

– Почему ты стоишь? – Руслана подняла голову с плеча Зорана и огляделась.

Они застыли на пороге, на границе между горящей избой и улицей, погруженной в кровавый хаос. Снежный ураган не скрывал и половины того ужаса, который устроила стая волков...

Голодные дикие звери гоняли палачей по двору. Грызли лошадей и заживо раздирали на куски охотников на ведьм.

Руслана задрожала всем телом. Потянулась за спину, по привычке надеясь нащупать стрелу, но вспомнила, что ничего при ней нет.

– Боишься волков? – не отрывая взгляда от казни, которую вершили звери, прошептала она. – Нам не сбежать?

– Это волки Уйки, – Зоран мотнул головой.

Слова должны были успокоить, но Руслану затрясло еще сильнее. Уйка способна и на такое?

– Я просто... не могу идти.

– Тебе нехорошо? – Руслана встревоженно завертелась на руках Зорана, попыталась вырваться, но тот не отпустил.

– Нет. Просто... Ноги будто не слушаются.

В тот же миг он отступил назад. Легко и свободно. Попробовал пройти вперед, но опять замер. Точно натолкнулся на незримую стену.

– Не получается переступить порог, – не своим голосом вымолвил Зоран.

Руслана взбрыкнула и все-таки вырвалась из рук стража. Тело плохо слушалось, ее шатало, но охотница всего в один шаг пересекла порог и оказалась на улице. Она изумленно остановилась на крыльце и уставилась на порог.

– Мел...

Белая черта тянулась между косяками. Ерунда для человека. Непреодолимая стена для ведьм и духов.

Горящая изба стала тюрьмой для Зорана-полукровки.

Даже покидать родной дом было не так горько, как смотреть сейчас в глаза Зорана. Сбегая из Хрусталя, Руслана лелеяла надежду,

что скоро вернется. Видя же боль, исказившую лицо Зорана, Руслана знала – та отпечатается в сердце на всю жизнь.

Зоран попятился от порога, неверяще качая головой. Плечи ссутулились так, что грудь казалась впалой. Шея согнулась под весом головы, полной темных дум.

– Что это значит? – повторял он раз за разом, и голос его становился тише и тише.

Зоран таял на глазах. Боль еще далекого, но неминуемого осознания испепеляла изнутри. И Руслана горела вместе с ним.

– Зоран, нет, – она попыталась стереть меловую линию ногой, но та не поддавалась. Тогда девушка порхнула обратно в избу. Огонь дыхнул удушливым жаром, и охотница покачнулась. Она почти ухватилась за руку Зорана, но осела, ослабнув. – Куда ты?

– Этот порог заколдован. Я найду другой выход. Найду, найду...

– Нет, стой! Ты же погибнешь! Там все в огне!

Зоран метался с отчаянием, с каким случайно залетевшая в дом птица пытается вырваться на волю. Руслана даже представить боялась, что сейчас происходит в его голове. Зоран ведь видел, что меловая полоса на пороге – преграда лишь для него.

А он знает... Наверняка знает, что это значит.

– Зоран! – Руслана закашлялась от дыма, и только это отрезвило юношу.

Он снова оказался в сених, обнял задыхающуюся Руслану и подтащил ее к двери.

– Стой. Не выталкивай меня. Без тебя не уйду.

Она сорвала с шеи ладанку – подаренный матушкой оберег с родной землей, который все это время прятался под одеждой. Развязала веревку и вытряхнула землицу на порог.

Хоть бы получилось, хоть бы вышло!

– Что ты делаешь? Зачем?

– Пойдем за мной, – Руслана потянула Зорана за руку. Сама легко переступила меловую черту и взмолилась, чтобы точно так же за ней вышел и Зоран.

Родная земля прервет меловую линию. Станет мостиком через преграду. Она – сильнейший оберег, который помогает путникам всегда возвращаться домой.

И как бы сильно Руслана ни желала вновь оказаться с родителями за одним столом в любимом доме, еще больше она хотела, чтобы Зоран выжил.

– Получилось, – его голос пробился сквозь свист вьюги. И от того, как в нем смешались радость и опустошенность, хотелось выть волком.

Несмотря на весь ужас, что творился во дворе, взгляд Русланы был устремлен лишь на Зорана. Огонь посреди глубокой ночи светил ярче солнца, подчеркивая каждую крохотную перемену в лице стража.

И в этот миг взрослый Зоран так сильно походил на мальчика из лесного видения – потерянного, грустного и одинокого, – что Руслана не выдержала. Он не должен страдать. Не должен думать, что его отверг весь мир.

«Я с тобой», – сказала она руками, что обвилились вокруг сильного, но дрожащего тела.

«Я не отвернусь», – прошептала беззвучно, прижавшись щекой к его груди.

Но Зоран не обнял ее в ответ, не сказал ни слова. Лишь сердце его, часто стуча, кричало, разрываемое болью.

Ни один волк не бросался на них, а метель обходила стороной. Руслана не видела Уйку, но знала, что она смотрит и помогает. Охотница вскинула глаза к небу, затянутому непогодой. Там ли Уйка? Пляшет ли среди снежинок на гребне ветра?

– Уходим, – сухо приказал Зоран, когда послышался топот копыт.

Руслана вскинула голову, боясь увидеть, что на них несется вооруженный палач. Может, даже сам Пламень. Но конь скакал к ним без наездника и остановился ровнехонько перед хозяином.

– Князь! – Руслана, не веря своим глазам, коснулась темной гривы. Осмотрела здоровое тело, на котором не было ни единой раны.

– Потом поздоровайтесь. – Зоран подсадил Руслану на коня, запрыгнул следом и ударил скакуна по бокам: – Но!

Князь неудержимым ветром сорвался с места. Скакал без страха прямо между волков, что новой серой волной мчались к пылающей избе. Беглецам в спины летели проклятия и стрелы, но каждую из них сбивала ледяная пурга.

Зоран молчал, направляя Князя к лесу. И только рука, что крепко обвивала талию Русланы, выдавала его волнение. Ладонь чуть

дрожала, а Зоран обнимал охотницу так крепко, что было сложно дышать.

Руслана нерешительно коснулась его руки, но не встретила сопротивления и тогда накрыла ладонь Зорана своей. Пусть знает, что она на его стороне.

Тепло его кожи согревало окоченевшие руки, которые щипало от ран. Руслана старалась дышать глубоко и размеренно, чтобы и Зоран невольно успокоился. Хотя бы немного.

И действительно, скоро пальцы стража перестали дрожать, а хватка его уже не была столь грубой. Дыхание замедлилось, но сердце, эхо которого Руслана чувствовала спиной, билось все так же быстро.

Она хотела сказать ему, что все будет хорошо, что случившееся ничего не поменяет в жизни Зорана... Но знала, он ей не поверит.

Поэтому Руслана делала единственное, что сейчас могло поддержать Зорана, – не отнимала ладони от его руки.

Так она и уснула, когда усталось и чужое тепло взяли свое.

Глава 13

Лето посреди зимы

Солнечный луч, ласкающий теплом, дразнил Руслану сквозь закрытые веки. Она заворочалась, перевернулась на бок и тогда окончательно проснулась. Кожу лица жгло от свежих ран. Ткань под щекой мигом промокла.

Кровь?

Руслана распахнула глаза, попыталась сесть, но кто-то поймал ее за плечи.

– Лежи, – приказал нависший над ней Зоран. Он мягко опустил Руслану обратно на худую подушку и чистой тряпицей утер ее щеку.

Лицо защипало еще сильнее, и Руслана скривилась. В нос ударил знакомый, с новыми нотками, аромат лечебных трав: брусника, календула, зверобой и... что-то еще. Почти так же пахли лекарства, которые давала матушка, стоило чуть захворать или получить на охоте новую ссадину.

– Где мы? – голос сиплый, едва слышный после пробуждения. Горло саднило после ночи, за которую Руслана наглоталась дыму больше, чем любая печь выпустит за год.

Потемневший от времени деревянный потолок подпирали стены, которые будто норовили стать ближе друг к другу. Незнакомая комната была крошечной и явно древней. Даже дом Ждана выглядел новее и чище.

Под потолком раскачивались плотные сети паутины. На пустых полках и в щелях бревенчатых стен скопилось столько пыли, что видно было даже с лавки, где лежала Руслана. Кроме этого скромного ложа, в комнатке больше ничего и не имелось. Ни сундука, ни стола, ни места для почитания Покровителей.

Потерянное, забытое место.

– Уйка нашла заброшенную сторожку в лесу. – Зоран смочил тряпицу в чашке с водой, стоящей у него на коленях, и поднес к лицу Русланы. Та не воспротивилась. Позволила Зорану обработать раны. – Тут ни бани, ни печи, так что долго не задержимся.

– Нам нужно найти Войко. – Руслана скривилась, когда особенно глубокая царапина, обработанная лекарством, напомнила о себе жгучей болью.

Зоран хмыкнул, прополоскал ткань. Вода в чашке стала черной от золы, которую он стер с лица охотницы. Та неуютно заворочалась, поудобнее улеглась на жесткой лавке. Тонкое одеяло почти не грело. Руслана спала в чем была: в платье, кафтане и даже в сапогах.

За ночь она ни разу не проснулась. Усталость свалила с ног. Но теперь холод закрался под кожу и вгрызся в сердце, как червь в яблоко.

Ох, Зоран...

– Спасибо, – выдавила Руслана, старательно не глядя в грустные зеленые глаза.

Она уставилась в одну точку – в угол, где лежали сваленные в кучу вещи: ее сума, лук и колчан, пожитки Зорана и маленький туес. Наверное, Уйки.

– За что благодаришь?

– За все. – Руслана крепко смежила веки, чтобы из глаз не брызнули слезы. Зоран взялся обрабатывать ладони, а они пострадали больше всего. Даже смотреть не нужно, чтобы быть уверенной – болезненные волдыри усыпали кожу пуще, чем грибы поляну после дождя. – Ты спас меня.

– Я поклялся твоему отцу защищать тебя, – напомнил Зоран торопливо.

Руслана уловила в его голосе ранее не слышанные нотки: смущение и уязвленность. Несмотря на вину, что точила изнутри за побег с Мириной, охотница не смогла сдержать растроганной улыбки.

– Но ты не клялся, что будешь выхаживать меня после того, как поранюсь. Не клялся, что станешь сидеть подле меня, охраняя сон.

Движения Зорана стали медленнее, он будто целиком погрузился в свое дело. Опустил голову, чтобы случайно не столкнуться с Русланой взглядами, сосредоточенно сжал губы.

Можно было подумать, что он не услышал слов Русланы, но Зорана выдавали заалевшие кончики ушей и едва порозовевшие щеки.

– Так поступают друзья, – ретиво добавила Руслана, вдруг поняв, на какие мысли могла невольно натолкнуть Зорана. Их и без того часто называют сужеными, а вчера еще и супругами притворяться пришлось. – Я бы сделала ради тебя то же самое.

– Даже после того, что случилось, ты все еще считаешь меня своим другом?

Перед ней теперь сидел не взрослый парень, княжий слуга и верный друг. Броня слетела с Зорана. Под ней вновь оказался запуганный мальчик, который пел в лесу колыбельную, чтобы отпугнуть Лихо. Мальчик, который никогда не знал истинной любви. Который бежал из неродного дома, потому что ощущал себя лишним.

Неправильным.

Он годами боролся с этим чувством, искал свое место и нашел в рядах дозорных. Но всего одна меловая полоса обратила все старания в прах.

– Я ведь даже не человек.

Тряпка в его руках оказалась выжата до последней капли, настолько сильно Зоран стиснул ее в кулаке. Влага просачивалась сквозь его пальцы, как боль через образовавшиеся в защите щели. Сожаления и страх перед самим собой вплелись в голос, точно черная лента в золотистые кудри, а в потемневших глазах плескалась обреченность.

– Зоран, это ничего не меняет. Ты все тот же.

– Ты меня не боишься?

Руслана боялась не Зорана. Она боялась, что он узнает – ей было известно о его нечеловеческом происхождении – и возненавидит ее за сокрытую правду.

Но как она могла заговорить с ним об этом? Как могла выплеснуть на Зорана пугающие слухи? Кто же знал, что они окажутся правдой...

Однако даже теперь, когда сомневаться уже не приходилось, Руслана не испытывала к Зорану ничего, кроме тепла, что раскалило добела сердце.

– Как я могу бояться тебя? Зоран... Даже имя твое полно света.

Она вспомнила о том, как напугалась, когда матушка только-только рассказала о тайне Зорана. Как думала начать избегать его.

Как глупа она была!

– Я понятия не имею, кто я...

– Разве это важно? Будь ты хоть чертом, но я не знаю никого человечнее и добрее тебя.

Руслана хотела поймать ладонь Зорана и сжать ее, поддерживая, но он вдруг скис, помрачнел еще сильнее. Замогильным голосом страж

признался:

– Я убил палача, который напал на тебя. И после этого будешь говорить, какой я добрый? Убил. Понимаешь?

Руслана убивала чаще, чем Зоран мог бы себе представить. Не людей, конечно. Но охота – занятие не для слабохарактерных девиц.

Поначалу она даже плакала, когда приходилось резать очередного визжащего кролика или рвущуюся на волю птицу. Жальче всего было оленей. Они всегда смотрели такими умными, жалобными глазами...

Но охота научила ее – за выживание нужно бороться. Проявишь жалость – погибнешь от холода и голода.

Если бы Зоран не убил палача, тот бы прикончил их обоих.

– Но ты спас нас.

– На моей совести чья-то отнятая жизнь.

Бесполезно. Сколько бы Руслана ни пыталась утешить его, все будет без толку. Зорану нужно прожить и принять произошедшее. Лишь скорбь смывает кровь с его рук, которую видит только страж. Со временем...

– Прости, – сокрушенно выдавила Руслана и сжала ладони в кулаки. Руки пронзила притупленная боль. – Это моя вина. Если бы я не ушла с Мириной, ничего бы не случилось.

Зоран отставил на окно чашку с водой и устало запустил пальцы в волосы. Ссутулился, сидя рядом с Русланой на лавке, и вымученно покачал головой.

– Ты оплошала куда раньше. Не стоило тебе из дому Ждана без меня выходить. Палач тебя с ведьмой на площади и приметил. Вечером наверняка за домом следил, застал приход колдуньи. Потому его и...

– Договаривай, – попросила Руслана, и без того зная, что услышит.

– Дом Ждана спалили. Почти сразу после того Князь вернулся, и мы с Уйкой уехали за тобой. Я видел, как высоко взвилось пламя.

Руслана стыдливо прикусила губу и отвернулась. Хотелось раствориться в воздухе и вместе с собой забрать все учиненные беды.

– Я хотела как лучше.

– Я просил не соваться никуда без меня, – горячо напомнил Зоран. – А если бы ты погибла? Ты хоть подумала обо мне, когда уходила с Мириной?

– Снова ты про клятву, данную моему отцу...

– Нет. Сейчас я говорю не как страж, а как твой друг, Руслана. И хочу, чтобы ты знала: я места себе не находил, пока ты была с той ведьмой. А когда приехал и увидел горящую избу...

Солнечный луч коснулся глаз Зорана, когда тот повернулся к Руслане. Зелень твердая, как ограненный изумруд, а внутри – дрожащие капли жидкого золота.

– Прости, Зоран, – она придвинулась к нему, неуверенно коснулась плеча. – Просто я так хочу, чтобы все это поскорее кончилось. Хочу, чтобы палачи оставили в покое нас и Хрусталь. Чтобы никто не гнался за мной, норовя сжечь. Потому и готова была заплатить любую цену. Прости.

– Но ты ведь не заплатила? Не отдала ей годы своей жизни?

В горле резко пересохло. Как ни пыталась, а выдавить правду не получалось. С уст сорвалось лживое:

– Не успела.

Зоран порывисто накрыл ее руку своей и сжал, будто говоря: «Больше не пущу». А Руслана и не противилась. Прильнула к нему, виновато склонила голову.

– Как ты меня нашел? – спросила, когда Зоран чуть наклонился, чтобы голова Русланы лежала на его плече. – Неужто Мирина оставила следы?

– Нет. Бес все замел.

– Тогда как?..

Она ощутила, как Зоран покачал головой. Спустя недолгое молчание он неуверенно шепнул:

– Я просто чувствовал, где ты. Вот и все.

Возможно ли, что таково действие клятвы Моймиру? Или Зоран напал на след по счастливой случайности? Но так или иначе, страшная ночь минула, хотя и оставила глубокие шрамы и на душе, и на руках, что еще долго будут напоминать о себе.

Так они сидели какое-то время. Молчали, греясь теплом друг друга, которое едва не потеряли. Каждый думал о своем, и мысли эти были отнюдь не радостными.

Воздух пропах горькими лекарственными травами, но Руслане казалось, что это в нос въелся аромат колдовских цветов Мирины.

«Нынешнюю весну ты не увидишь».

Грусть и страх проросли жесткими корнями. Они стиснули сердце и заставили резко отпрянуть от Зорана.

– Хорошо, что Князь вернулся, – сказала она, глядя на лес сквозь мутное окно. – Я рада, что с ним все в порядке.

– Жаль, что того же не скажешь о нас, – грустно хохотнул Зоран и поднялся с лавки. Пол заскрипел под его весом.

Вдруг похолодев, Руслана опомнилась:

– А Уйка? Что с ней?

Руслана завертела головой, будто могла случайно не заметить в грязной крошечной комнатухе белоснежную фигуру чародейки.

– С ней все хорошо, – успокоил Зоран. – Сидит на улице, играет с волками.

Кто же Уйка такая? Танцует среди метели, ворожит. Умеет повелевать волками, слугами Мороза, и играет с ними, как с дворовыми собаками.

Руслана выглянула в окно. Уйка лепила снежки и бросала их в сугробы. Волки стаяй кидались за снежными мячиками, но крошили их клыками, так и не возвращая странной хозяйке.

– Она переживала за тебя, – за спиной раздался голос Зорана. – Плакала, когда ты с ведьмой ушла.

– Уйке только дай повод поплакать. Она и над убитой мошкой рыдать будет.

– Да ладно, не прикидывайся, Руслана. Я слышу, как ты улыбаешься.

Вот ведь... И не скроешь уже ничего от Зорана. Успел выучить, как звучит ее радость, видел и страх, и печаль.

Испытания этого путешествия подарили Руслане не одного друга. И тем горше думать о страшном пророчестве Мирины.

– Я испугалась за нее вчера. Думала, ведьма заберет Уйку. Или убьет.

Руслана отвернулась от окна, за которым звонкими колокольчиками переливался смех чародейки.

– Я тоже. Никогда не видел, чтобы человек таял на глазах. Действительно таял.

Из саднящего горла вырвался слабый смешок:

– Зоран, сомневаюсь, что Уйка человек.

– Колдуны и ведьмы разве не люди? Слышал, не все они даже рождаются с силой. Некоторым передают ее случайно или насильно.

Мирина была могучей ведьмой. Но она победила Уйку хитростью, едва не убив жаром. Если бы не этот грязный ход, снежная ворожея наверняка бы заковала противницу в лед прежде, чем та успела бы выкрикнуть имя своего демонического слуги.

Нет, Уйка вряд ли получила свою силу от кого-то. Она родилась с этим даром. Выросла в лесу, вдали от людей. Звери не тронули ее, стали ее семьей.

Еще никогда Руслана не слышала, чтобы колдуны были способны на такое. Пустить хворь, наслать порчу, выследить кого-то и даже подчинить стихию – это их стезя. Но Уйка куда одареннее. Могущественнее.

И как же хорошо, что эта сила попала в добрые руки.

Руслана попросила Зорана подать ее суму. Вещей при ней было немного, но охотница хотела убедиться, что шапка из волчьего меха не потерялась. Подарок отца дорог сердцу. Он – последняя ниточка к дому.

Нож она променяла на дудочку. Ладанку вытряхнула, чтобы спасти Зорана. Но шапка... была на месте.

Девушка с облегчением провела кончиками пальцев по серому меху, водрузила шапку на голову, даже не удосужившись переплести растрепавшуюся косу. Под убором в мешке обнаружили сердцецветы, при виде которых стало тошно, и несколько булок хлеба.

– Забрали из дома Ждана. Поешь, – Зоран улыбнулся уголками губ. – Тебе нужно набираться сил.

– Вы оставили что-нибудь, когда заходили в лес? Подношение...

– Конечно. Я запомнил прошлый урок.

Они позвали Уйку, чтобы поесть всем вместе. Но сначала снежная надолго прилипла к охотнице, чтобы осмотреть ее раны. Все ли начало заживать? И даже когда чародейка убедилась, что выздоровление идет полным ходом, она не сводила с Русланы глаз и улыбалась от уха до уха.

– Чего скалишься? – спросила та с напускной строгостью, хотя сама едва сдерживала теплую улыбку.

– Ты больше не похожа на домового, – хихикнула Уйка. – Смыла золу, и пуф! Ты снова Руслана! Правда, все еще побитая вся...

– Это потому что при мне лука не было. Не останься он в избе, я бы...

– Потратила весь колчан на крошечную долю палачей, чтобы их выжившие товарищи с большим усердием пытались тебя сжечь? – подсказал Зоран, дожевывая ломоть хлеба.

– Нет. Я бы... Ладно, ты прав. Сдаюсь.

Уйка лепетала, расспрашивая обо всем, что случилось с Русланой. Чародейка слушала рассказ охотницы с замиранием сердца, а Зоран неодобрительно качал головой. Он будто принимал случившееся в укор себе. Он допустил, что все это случилось.

Руслана же перекроила вчерашнюю ночь, старыми нитками сшила новую историю, дабы скрыть пугающую правду. Умолчала про страшное пророчество и старалась лишней раз не касаться кожи, на которой, казалось, еще остались следы золы, что когда-то была украшена драгоценными камнями. Она соврала, якобы обряд не успел подействовать, потому что вмешались палачи.

– Дудочка, – озарило ее во время рассказа. – Мирина сказала, что вся правда в ней! Вы забрали ее с собой?

– Но ты ведь не исполнила свою часть сделки. – Уйка стряхнула с подола крошки и, сидя на лавке подле Русланы, совершенно не девичьи скрестила ноги и заинтересованно подалась вперед. – Разве сработает?

– Сработает. В обряд я вступила. Не моя вина, что до конца так и не прошла через ворожбу.

Зоран стоял сбоку от окна, почти в самом углу. Тени и опущенные ресницы спрятали его взор, но Руслана прочла волнение в том, как страж вынул из-за пазухи черную дудочку. Он сделал это медленно, почти лениво. Будто сомневался, а стоит ли отдавать магический предмет.

– Ты ее подобрал!

Руслана резво подскочила с лавки, но Зоран тотчас усадил ее обратно. «Осторожнее! Ты ведь ранена!» – ощущалось в каждом его касании, что бережно, но твердо приковывало к худой постели.

Руслана подавила в себе злость. Не калека она, не немощная старуха. К чему сдувать с нее пылинки?

Но стоило вспомнить, как Зоран признался – он переживал за нее, места себе не находил, – все колючие мысли истлели сами собой.

Пусть стережет ее, пока может. Лишь бы потом, когда настанет обещанный Мириной час, не винил себя в том, что недоглядел, не уберег.

Руслана могла сомневаться в нагаданной смерти, но была уверена – даже если умрет, вины Зорана в этом не будет. Ни капли.

– И что теперь? Так и будем смотреть друг на друга? – вскипела Уйка, когда молчание затянулось.

Зоран и Руслана отвернулись друг от друга, вдруг со смущением осознав – все это время не разрывали взоров.

– Нужно сыграть на ней. – Руслана сжимала и разжимала ладони, наблюдая, как натягивается на них порозовевшая от подживших ожогов кожа. Неприятные ощущения пронизывали кисти, но не были невыносимыми. Сойдет. Держать лук и стрелять сможет. – Вы умеете играть? Я нет.

– Думаю, будет достаточно просто дунуть, – Зоран подал охотнице музыкальный инструмент и встал неподалеку, готовый защищать.

Бойтся, что из дудочки выползет змея? Или еще чего похуже?

Без страха и сомнений Руслана поднесла черный металл к губам и выдохнула в него все свои страхи. «Помоги найти Войко, – думала она. – Помоги вернуться домой».

И вместо музыки из металлического горлышка полились видения. Прошлое, увиденное чужими глазами, предстало перед тремя.

– Помоги! Не могу я за боярского сына замуж пойти! – слезы в три ручья текли по бледным щекам юной красавицы.

Волосы золотые, как мед. Коса тугая, толстая. Глаза – небесная лазурь.

Тонкие пальцы, влажные от слез, которые девушка беспрестанно утирала, то и дело цеплялись за юбку шелкового платья, украшенного драгоценным поясом. Из-под подола выглядывали загнутые носы сафьяновых сапожек с серебряными прошивами.

– Не нужен он мне! Я только Войко люблю! Скажи, будем ли с ним вместе?

– Хм-м, – протянула Мирина голосом, скрывающим истинные годы, и посмотрела на письмо, поданное девушкой. Провела ладонью над рукописными буквами и без толики сочувствия выдала: – Вижу его... Слышу будущее.

– Что, что там?

– Свадебные песни. – Мирина отложила письмо на стол, который еще вчера сгорел на глазах Русланы. Повернулась к зеркалу и принялась беззаботно переплетать косу.

А девушка вокруг скакала беспокойным сободем:

– Свадьба? На ком же его женят? На мне? – голубые озера блеснули надеждой.

– Нет, конечно. Совсем дурная? Вовсе не твое имя довольные зеваки выкрикивают, Сияна.

Девушка осела на пол там же, где стояла. Юбка дорогого платья легла вокруг нее, точно смятый лепесток.

– Как же так... Не может Войко сам согласиться на такое... Он говорил, что любит меня!

– Тю! Любо-овь, – рассмеялась ведьма, примеряя новые серьги – плата от Сияны за возможность заглянуть в будущее. – Богатство дороже увядающих чувств.

– Это ты так думаешь! – глаза Сияны полыхнули холодным пламенем. – А я люблю его! И не верю твоим словам!

– Может, правду покажет новое письмо, что от твоего любимого к тебе уже спешит? Вдруг именно в нем он тебя бросит?

– А вот и нет, – Сияна стряхнула с себя уныние, точно грязь со своих дорогих одежд. Встала, расправила плечи и вскинула подбородок так высоко, точно на голове ее уже красовался свадебный кокошник. – Войко никогда не бросит меня! Получу письмо и носом тебя в него ткну! Может, тогда яснее в будущее заглядывать сможешь.

Она уже собиралась уходить из ведьминской избы, но в спину ей донеслось:

– Коль письма дождешься, уже будет поздно что-то менять. Совсем скоро выпадет первый снег, и тогда своего Войко ты навсегда упустишь, отдав другой.

– Что это значит? – медленно обернулась Сияна.

– Свадьбу сыграют, едва снег укроет землю. Времени у тебя мало, боярская дочка.

Глаза Сияны стали стеклянными от ужаса. Кажется, она побледнела сильнее прежнего.

– К чему так скоро?..

Губы Мирины изогнулись в довольной улыбке. Затравка сработала.

– А мне откуда знать? – любуясь своим молодым отражением, сказала ведьма. – Может, приворот. Может, любовь, что оказалась жарче и ярче, чем чувства к тебе.

– Приворот, – обрубил Сияна. Мотнула головой, отменяя прочие догадки. – Точно. Приворот это! Но что делать? Что делать?!

– Смириться и идти под венец. Тебе – с выбранным родителями молодцем. А Войко – с его новой возлюбленной.

– Хватит! Прекрати мне пыль в глаза пускать! Ты ведьма, а значит, должна знать, как рассеять приворот!

Мирина медленно откинула голову назад, перевела дикий, довольный взгляд на Сияну, полную твердой решимости.

– Знаю, – распевно поделилась она. – И сниму приворот с Войко, чтобы он не пошел под венец с другой, если принесешь мне из лесу кое-что для обряда.

Сияна не отводила глаз. Всем своим видом говорила: «Я согласна. Просто скажи, что сделать».

Ох, какой же восторг это вызывало в Мирине! Она была готова хоть сейчас пуститься в радостный пляс, предвкушая новые годы молодости, что заберет в уплату. Но сначала...

– Мне нужна лягушачья лопатка. Как только принесешь ее мне, сделаю отворот Войко.

– Где же я лягушку почти зимой найду?

– Там же, где и всегда. В лесу.

Сияна потопталась в избе ведьмы еще лишь пару мгновений, а затем вылетела за порог. Да сделала она это так бойко и резво, что Мирина сама с интересом подошла к окну. Не убьется ли заказ–чица?

Сияна миновала двор, даже не обернувшись. Задержалась лишь у тропинки, когда лента в косе зацепилась за низкую голую ветку. Не теряя времени на то, чтобы отобрать украшение у дерева, Сияна распустила косу, а лента полетела вверх, где окончательно запуталась в голой кроне.

Мирина покачала головой. Нужно попросить Беса снять ленту, чтобы не притягивать к дому ненужное внимание. Но когда Мирина уже хотела отойти от окна, она вдруг заметила человека...

Черноволокый, с густой бородой, похожий на медведя. Мужик недобро смотрел прямо в глаза Мирины, забыв о хворосте, что тащил за собой.

Она прожила достаточно, чтобы знать – от таких добра не жди.

Мужик разболтает, что видел, как боярская дочка со всех ног убегала из избы на краю Циркона. Поползут слухи. Мирина наживет проблем.

– Бес! – крикнула она так, что затряслись доски и бревна, из которых был построен дом. – Приведи ко мне того ищейку.

– Зачем он тебе, госпожа? – тень Беса просочилась сквозь пол, прильнула к ногам хозяйки верным псом.

– Нужно заставить его прикусить язык.

– Сделаю, – прошелестел бесформенный демон и взвился черным туманом.

В этом мраке видение и рассеялось. Дудочка пошла трещинами и рассыпалась в руках Русланы.

Казалось, даже дышать троица стала тише. Все сидели с открытыми ртами и удивленно переглядывались.

– Ого, – зачарованно моргнула Уйка, которая первая пришла в себя после увиденного. – Так вы эту красавицу ищете? Кто она?

– Возлюбленная моего жениха, – удрученно поделилась Руслана.

Рот Уйки вновь открылся в немом изумлении.

– погоди, – вскинула руки она. – Но твой жених – это Зоран. Почему тогда...

Руслана вспыхнула так ярко и жарко, что не сразу вспомнила, как разговаривать. Уставилась на Уйку выжигающим взором, хотя тот просил коснуться парня, что стоял за спиной.

– Ты ошиблась, – голосом, за которым умело пряталось волнение, произнес Зоран. Почему-то его слова одновременно и успокоили, и огорчили.

– Обманываешь зачем? Я же вижу! – взвилась Уйка, да так, что аж на лавку с ногами залезла и гневно притопнула.

– Матушки. – Руслана спрятала горящее лицо в ладонях. Какой стыд! И с чего Уйка вообще взяла, что Зоран ее жених?

Это Руслана то и дело ревновала друга к колдунье. Злилась, когда думала, что с Уйкой ему легче. Что с ворожеей он настоящий, а с охотницей – всего лишь страж.

А теперь вон оно как оказывается...

– Уйка, слезь с лавки! У тебя ноги в снегу!

– Не слезу, пока не перестанете мне врать! Я же все вижу! Зачем придумали для Русланы какого-то жениха?!

– Уйка!

– Я с обманщиками не разговариваю!

– Уйка, – спокойно позвала Руслана, и все остальные замерли, притихнув. – Зоран не обманывает тебя. Меня и правда собирались замуж выдать...

– Не за Зорана?

Щеки жгло так, будто их натерли раскаленными углями.

– Нет.

– Почему? – грустно пролепетала Уйка и осела на лавку. – Родители выбрали тебе кого-то другого? Нечестно... Нельзя так.

Откуда такая трогательная наивность? Руслана мягко улыбнулась и позволила Уйке стиснуть свою руку в холодных, тонких ладошках.

– Почему вас хотят разлучить? Почему ты сама ищешь того, – губы Уйки скривились, будто она съела очень кислое яблоко, – другого жениха?

И Руслана сделала то, что давно стоило. Рассказала обо всем, что случилось, ничего не тая. О сердцецветах, вьюге и палачах. И когда она договорилась, взгляд Уйки стал грустнее прежнего.

– Лжец, – выплюнула она, встав перед Зораном и глядя на того снизу вверх. А затем выскочила на улицу, громко хлопнув дверью.

Линии, очерчивающие лицо Зорана, стали резче. Он сжал губы, крепче стиснул зубы, под скулами перекатывались желваки.

– Чего это она? – Руслана выглянула в окно, тайком наблюдая за Уйкой.

Чародейка тяжело протопала на поляну, укрытую снегом. Выбрала сугроб повыше и плюхнулась в него лицом вниз. Волки засуетились вокруг Уйки, но та, не поднимая головы с холодной подушки, махнула им рукой. Мол, «идите, не до игр мне больше». Те разбежались, как послушные цепные псы.

И хорошо. Даже зная, что волки подчиняются Уйке и не тронут ни людей, ни Князя, Руслана не могла до конца расслабиться, когда вокруг бродили хищники. И ведь нападать на них нельзя – Уйка придушит быстрее, чем серый зверь успеет клацнуть зубами.

– Не знаю, – буркнул Зоран и сел на край лавки, подальше от Русланы.

Смущается, подумала она, разглядывая красивое лицо друга. Порозовевшие щеки прятались за светлыми локонами, которые ниспадали почти до плеч. Зоран по-новому собрал волосы: взял прядки только с висков и перевязал их на затылке, остальные оставив распущенными.

Нервничал. Попытался скрыть, подавить переживания, но не получалось.

И дело вряд ли в словах Уйки, ее детской обиде. Жизнь Зорана перевернулась в одночасье. Не до странных намеков теперь.

– Надо двигаться дальше, – с тяжелым сердцем произнесла Руслана. У нее мало времени. Нужно успеть закончить начатое. – Теперь мы знаем, кто возлюбленная Войко. Снова поедem в город, чтобы что-то узнать о Сияне? Вдруг ее или Войко видели?

– Слишком опасно. К тому же ясно, что Сияна не вернулась в Циркон. Это ей посвящены все ленты, что развешаны на деревьях. Все считают, что она сбежала к возлюбленному. Значит, и Войко в городе нет.

– Тогда мы в тупике. Не представляю, как найти в огромном лесу двух людей, которые найденными быть вряд ли хотят.

– Сами не справимся, это точно. Но у леса есть свои глаза, – неохотно напомнил Зоран. – Духи видят все.

Он тихо прыснул, устало потер лоб и вдруг признался:

– Странно осознавать, что я почти всю жизнь боялся духов, сторонился из-за них леса, но все это время сам человеком не был. Может, потому меня Лихо и не тронула...

– Лихо? – сухие губы щипало от свежих трещин.

Руслана помнила о чужом видении, где Лихо так и не полакомилась сбежавшим в лес мальчиком. Потому что тот мальчик сам был наполовину духом.

Она не думала, что Зоран однажды откроет ей правду, а потому удивление даже играть не пришлось.

– Мне стоило догадаться, что со мной что-то не так, еще в детстве, когда сбежал из дома. Зашел в лес, в одиночку, и едва за это не поплатился. Твой отец нашел меня в чаще, когда Лихо ушла. Потому и должен ей был...

Зоран говорил сбивчиво, торопливо. Так, словно хотел открыться, но сам того боялся. Не видь Руслана те ужасные моменты из прошлого стража собственными глазами, не поняла бы, о чем тот толкует. Но теперь разделяла его боль и ощущала как свою.

Она придвинулась к Зорану, коснулась его плеча своим. Тепло его было таким человеческим. Простым.

– Я больше не испугаюсь, – твердо сказал Зоран. Руслане показалось, что в этот миг он чуть сильнее прижался к ее плечу.

– Бояться – не стыдно. Мне тоже часто бывает страшно.

«Даже сейчас», – подумалось ей, а перед закрытыми глазами возникли рассыпающиеся в черный порошок украшения.

– Тебе нечего бояться, Руслана. Я ведь обещал. Пока я рядом, никто не посмеет тебя обидеть.

– Я не боюсь боли или ранений. Не боюсь зверей или духов. Я боюсь не успеть исправить все до того, как палачи доберутся до тех, кто мне дорог. Иногда я думаю... А вдруг уже опоздала? Вдруг мой дом... Родители...

– Нет, – отрезал он твердо, всего одним словом иссушив подступающие слезы. – Не думай об этом больше. Мы делаем все, что можем.

– Знаю.

Она положила руки на колени, сжала ткань кафтана и чуть поморщилась. Больно.

– Дай-ка гляну, – Зоран осторожно повернул кисти Русланы ладонями вверх, задумчиво что-то промышчал.

Подушечка его большого пальца случайно скользнула по красноватой от подживших ожогов коже. Касание получилось слегка колючим, но не болезненным.

– Прости.

– Не больно. Все хорошо. – Она немного подумала и смущенно добавила: – Спасибо, что ухаживал за моими ранами. Они, кажется, быстро заживают.

– Это благодаря Уйке. Она опять наворожила что-то. Растопила снег в чашке, добавила в воду каких-то трав... На нас с тобой вчера живого места не было. Не то что сейчас. Но тебе, конечно, больше досталось, чем мне...

Руслана, как в тумане, кивнула и неохотно поднялась с лавки. Она бы посидела с Зораном еще. Уходить от него, теплого и уже такого близкого, на улицу, где царит зима, почему-то не хотелось.

– Схожу поблагодарю Уйку. Заодно спрошу, что она собирается делать дальше. Не вечно ведь ей с нами за Войко гоняться...

Сказала и поникла. Привыкла к чудаковатой чародейке и боялась скорого расставания. Особенно теперь, когда и Уйка оказалась втянута в бегство от палачей.

Колдунья валялась на снегу, раскинув руки и ноги в стороны. Смотрела в небо, и глаза ее будто отражали хрустальную синеву. Правда, лицо не выражало никаких эмоций.

– Спасибо, что помогла мне встать на ноги столь скоро.

– Пф. Ты и без меня стоять могла, – не повернула головы та. – Я только ожоги залечила.

– За это и благодарю.

Уйка ничего не ответила. Моргнула только, будто вместо кивка, и пальцами глубже зарылась в снег. Руслана присела на сугроб рядом, огляделась. Поляна была истоптана волчьими лапами и всего одной парой человеческих ног. Но сейчас вокруг ни одного зверя не видать.

– Распустила свою стаю?

– Отправила сторожить окрестности. Услышишь вой – рядом враги.

– Не думаю, что мы с Зораном задержимся здесь надолго. Нам нужно продолжать искать Войко...

Уйка зашипела, как кошка, которой наступили на хвост. Руслана от неожиданности даже забыла, что хотела сказать.

– Я так понимаю, это значит «нет». Не пойдешь с нами за Войко?

– Не знаю, – буркнула Уйка и повернула голову в сторону так, чтобы Руслана не видела ее лица. – Я злюсь на Зорана за то, что он обманывает тебя.

Внутри все похолодело. В ушах зазвенел напутствующий голос матушки и ее предостережения – не водись с байстрюком!

– В чем же? – не своим голосом проскрипела Руслана. В голове роились ужасные догадки, из-за которых одновременно было и страшно, и стыдно.

Вдруг правда? Вдруг Зоран ее за нос водит? Вдруг он враг, страшнее, чем Мирина и ее Бес? Но едва Руслана распробовала эти думы, стало тошно от себя.

Не может быть. Нет.

– Спроси его про сердцеветы, Охотница. Пусть сам расскажет.

На поляне показался Зоран, и Руслана тотчас прикусила язык. Расспросит Уйку потом. Если страж сам не ответит.

– Там проталины, – крикнул Зоран, указывая рукой за свою спину. – Снег тает.

– Знаю, – проворчала Уйка и сморщила бледный нос, – оттуда летом несет. Плохо... Если Мороз силы растеряет, колесо года повернет в сторону вечного лета. Рано или поздно оно испепелит все живое.

Руслана завертела головой, пытаясь понять, о чем говорят ее спутники. Какое лето, когда вчера была такая вьюга? На улице вовсе не тепло. Мороз кусает щеки и забирается под кафтан, изо рта вырывается пар при каждом слове...

– Не может быть, – скрестила руки на груди охотница. – Мороз только-только забрал власть у лета. Тепло еще долго не наступит.

– И все же я чую, как пахнет талый снег и влажная почва, – повела носом Уйка. – Туда с вами точно не пойду...

– Тебе будет плохо? Растаешь? – Зоран встал позади Русланы, и та прикусила губу, чтобы подавить волнение.

В чем он ей солгал? Зачем?..

– Не растаю. Летом же как-то выживаю. Просто... неприятно. Вы же не живете в бане. Просто заходите туда иногда.

Руслана рассмеялась и с облегчением услышала, что немного погода ее друзья тоже прыснули. Напряжение между ними таяло, как снег в лесу.

– Мы хотим расспросить лесных духов, – поделилась она, поднимаясь со снега. Ноги начинали подмерзать от такого трона. – Если Сияна сбежала в лес, ее должен был кто-то видеть.

– Думаешь, тебе, человеку, они расскажут правду?

– Если не станут говорить с Русланой, то ответят мне, – выступил вперед Зоран. – Как равному.

Руслана заметила, как Уйка ухмыльнулась. Значит, тоже знает, что Зоран – полукровка. Сочтут ли духи его равным или высмеют?

– Идите. Тогда я постараюсь что-нибудь здесь узнать.

– Как это? У кого? – не спешила уходить Руслана.

Знала, что, едва они с Зораном вновь останутся наедине, ей придется задать вопрос. И после него вряд ли все будет как прежде.

Уйка деловито подбоченилась, усевшись на сугробе, и гордо пояснила:

– Насыплю крошек на порог сторожки, дождусь, когда взойдет луна, а мыши придут пировать. У них-то все и спрошу.

– У мышей? Даже волки могут знать больше, чем эти грызуны, – недоверчиво хмыкнул Зоран, а Уйка рассмеялась:

– Неужели думаешь, то простые мыши? Души людей после смерти всегда находят новую форму. Мыши – всего лишь одна из них.

Расходились неохотно. Уйка еще раз напомнила, что, пока ее волки по окрестностям бродят, палачи и близко не подойдут. На Руслану с Зораном серые не кинутся, но прислушиваться к их вою стоит. То будет сигнал об опасности.

– Еще встретимся, – махнула рукой Уйка, когда Руслана вместе с Зораном уходила с поляны.

В тишине, которую Руслана нарушить вопросом пока не решалась, они шли в сторону проталин, что виднелись уже издалека. Будто на белоснежную скатерть кто-то опрокинул чан грязи. Снег под ногами сначала хрустел, а потом вдруг захлюпал. Скоро и вовсе обратился в лужицы, по краям которых колючками уже торчала зеленая трава.

– Странная нынче зима. – Зоран переступил очередную лужу. Сапог утонул во влажной почве.

Руслана приподняла кафтан, как девицы обычно держат юбку дорогого платья, и тоже ступила на сырую землю. Лишь когда собственный каблук потонул в грязи, охотница поверила своим глазам.

Весна посреди зимы.

– Тебе не кажется это подозрительным? Вдруг проделки духов? – Руслана шла напрямиком за Зораном.

– Тем лучше. Быстрее их найдем.

Еще пару дней назад Зоран бы в жизни не сказал ничего подобного. Предложил бы другой путь, иной план по поиску Сияны. Теперь же чуть ли не напролом бежал за теми, кого раньше так боялся.

«Хочет расспросить о себе», – догадалась Руслана и остановилась у березы.

Зоран гнался за правдой. Но охотница тоже ее искала.

– Устала? Хочешь передохнуть?

Он остановился, вернулся к Руслане. Встал рядом с ней под дерево, на голых ветках которого виднелись набухшие почки. Чудно... А ведь Мирина говорила, что Руслана не встретит новой весны.

Может, ведьма все-таки ошиблась?

– Зоран, давай поговорим.

Он молчаливо кивнул и встретил прямой взгляд Русланы. Твердый и решительный. Не то что сама охотница сейчас...

Слова не хотели идти, даже несмотря на то что все время, которое они шли вдвоем, Руслана крутила их в мыслях.

В чем ты меня обманул? Что знает Уйка, но чего не знаю я?

Но куда проще оказалось представлять разговор, чем вести его на самом деле.

Руслана открыла свою худенькую суму и вынула алые цветы, что не завяли, не пожухли, хотя другие растения бы уже превратились в дряхлый веник. Но сердцевидные выглядели так, будто только что проросли из снега и были ласково срезаны.

– Ты знаешь, что я хочу спросить.

– А ты знаешь, что я отвечу, – голос Зорана был хриплым, как хруст ветки.

Мысли лихорадочно закружились, будто снежинки, подхваченные ветром. Руслана подняла от цветов глаза и встретила внимательный взгляд Зорана. Он смотрел неотрывно и серьезно, будто пытался проникнуть в ее голову и вложить в нее правду. Лишь бы не произносить ее вслух самому...

– Здравствуй, Охотница, – позвал из-за спины знакомый заискивающий голос. Сладкий, как пастила, которую ауки так любят. Обманчивый, как свежий лед над неудержимой рекой. – Вернулась. Пришла на наш праздник?

Руслана обернулась и среди переплетенных корней разглядела того самого ауку, с которым не так давно по глупости заключила

делку. Друг Морошки скалился в острой, как осколок стекла, улыбке. Черные глаза-колодцы неотрывно следили за Русланой.

– Здравствуй, – с холодной вежливостью она чуть поклонилась духу. Остерегалась его, но помнила, что никакого зла аука ей не причинил.

– Мы оставили подношения лесу, – вмешался Зоран, потеснив Руслану себе за спину. – Так что не смей втягивать нас в свои игры, дух.

– И не думал, – оскорбленно сморщился тот. – Вы выполнили свою часть сделки и помогли нам. Морошка помнит, как ты, Охотница, спасла ее. Она будет рада видеть тебя и твоего суженого стража на своей свадьбе.

Суженого стража.

Только теперь эти слова шипом впились в сознание. Почему Руслана раньше не слышала, не замечала? Почему пропускала мимо ушей очевидное?

Как во сне она посмотрела на Зорана. Полудух-получеловек. Парень, с которым судьба связала еще до рождения. Он мог бы быть ее названным братом, но стал скованным клятвой защитником. Но должен был стать кем-то гораздо большим.

– Прости, у нас нет времени гулять на чужой свадьбе, – учтиво произнес Зоран и в новом поклоне снял шапку. Слишком жарко здесь припекало солнце.

– Тогда устройте сегодня свою, – беззастенчиво предложил дух. – Морошка будет только рада. Больше праздник, больше веселья!

Руслана стала почти такой же алой, как ее кафтан. Несмотря на жару, она понижее натянула меховую шапку.

– Мы ищем девушку по имени Сияна, – ровный голос Зорана звучал вежливо, но слова подгоняло смущение. – Не так давно она сбежала в лес. Не знаешь такую?

– Морошка ее знает, – на удивление быстро поделился дух. – Она помнит вашу помощь и вряд ли потребует за правду новую услугу.

– Отлично! Тогда веди нас к ней! – Руслана смело шагнула в сторону ауки, но тут же оказалась вынуждена остановиться. Зоран крепко поймал ее за запястье.

Сердцецветы, что охотница держала в руке, зашелестели под ветром, который порывом пронесся мимо.

– Не могу, – удрученно развел руками дух и напомнил: – Говорю же, у Морошки сегодня свадьба. Она будет рада видеть вас обоих на празднике, но поговорить с невестой сможете только после полуночи.

Руслана оглянулась туда, где талый снег сменялся высокими сугробами. Среди них бежала цепочка следов, ведущих обратно к сторожке. Может, переждать этот день? Вернуться к Уйке? Но выйдет ли вновь найти старых знакомых в огромном лесу?

– У нас больше нет цветов-оберегов, что подарила Морошка, – вслух рассуждала Руслана. – Без них опасно перед духами появляться.

Хватка Зорана на ее запястье стала мягче – страж думал о том же. Но аука посмеялся над излишней осторожностью путников:

– Тебе не нужны колдовские цветы Морошки. У тебя есть свои.

И снова взгляд к себе приковали кровавые сердцевидные цветы.

– Никто не тронет невесту духа, Охотница, – в скрипучий голос ауки закралась нежность, которую девушка не ожидала услышать. – Вы в безопасности.

Игнорируя и жгучий румянец, и собственное обезумевшее сердце, Руслана не теряла рассудок.

– А вдруг Уйке не удастся ничего выяснить? Или ее духи к Морошке и направят? – постукивала пальцем по подбородку она. – Нет смысла возвращаться в сторожку.

– А если это ловушка? Вдруг сердцевидные цветы – вовсе не оберег?

Руслана едва не рассмеялась. Она не сомневалась, что для нее эти цветы – ужаснейшее проклятье. Столько бед уже принесли! Но аука раздраженно цокнул, закатил глаза-угольки:

– Ничего-то вы не понимаете. В сердцевидных цветах колдовства и магии больше, чем в тех незабудках, что дарила Морошка. Они еще в нашу первую встречу тебя защищали. Не знала?

– И что с того? Разве в этом дело? – нахмурилась Руслана. – Я думала, защиту и покровительство должен даровать дух, а не ничейная магия.

– А кто сказал, что магия в сердцевидных цветах ничейная? С кем тебя судьба связала, тот и дарует тебе покровительство.

Аука повернулся к Зорану. Острозубая улыбка растянулась от уха до уха, а у Русланы не осталось никаких сомнений – не перед Войко распустились бутоны на ее окне. Сын купца пришел, когда сердцевидные цветы уже цвели.

Она поджала дрогнувшие губы, низко опустила голову. Зоран все знал и молчал. Почему?!

– Ох! – с притворным изумлением выдохнул аука. – Тебе до сих пор никто не сказал правды?

– Некому было, – процедила Руслана, исподлобья глядя на «суженого». – Вот и блуждала в неведении.

– Обидно, наверное, – причитал аука, чуть ли не облизываясь. Настолько ему нравилось выводить охотницу на эмоции. – Знали почти все, кроме тебя. Это простым людям и слабым духам не позволено видеть такие связи. Но большинству из нас истина открывается сразу. С одного взгляда.

Руслана слушала ауку вполуха. Прожигающим взглядом смотрела на Зорана и удивлялась – как это еще одежда на нем не вспыхнула от злости и досады, которые охотница вложила во взор?

Где-то в ветвях деревьев надрывались птицы, принявшие потепление за окончательное наступление весны. Голосили звонко и чисто, но вызывало это только раздражение.

Ложь. Все это ложь!

Мирина врала. Зоран обманывал ее. И даже погода насмехается над охотницей!

– Веди меня к Морошке, – приказным тоном произнесла Руслана, но аука цокнул языком, покачал коричневым пальцем.

– Ай, нет. Говорю же, только после полуночи. Когда праздник завершится.

– Тогда я подожду. Веди.

И аука побежал в глубь леса. Туда, где снег окончательно растаял, а земля просохла под неестественно горячим солнцем.

Руслана широким шагом шла за ним и даже не оборачивалась. Не хотела, чтобы Зоран направлялся за ней, но знала – он рядом. Слышала это по шагам и легкому дыханию. Ощущала запах хлеба и овса, что привычно исходил от стража.

Она чувствовала, что Зоран рядом, и злилась еще больше.

Он *всегда* рядом. Но ни в один из этих моментов не попытался заговорить о том, что действительно важно.

Когда девушка в компании нелюдей прошла достаточно, чтобы ноги начали ныть от усталости, а горло пересохло от жажды, аука

остановился перед кустами шиповника. Тот цвел так, будто на улице было лето, а не начало зимы.

– Пришли! – объявил дух. – Как будете готовы, выходите на поляну. Отдохнете перед новой дорогой и почествуете невесту.

Аука юркнул за кусты, из-за которых звучали смех и пение, и исчез. Руслану раздирало от желания сделать то же самое, но она заставила себя остаться в тени раскидистого дуба.

Зоран стоял перед ней в рубахе и простых штанах. Мятль и кожиху страж давно снял. Слишком жарко светило зимнее солнце.

– Это правда? – горечь заполнила рот. Хотелось сплюнуть ее, точно скопившуюся после удара кровь. – Ты нашел сердцевцы на моем окне?

Зоран склонил голову, и медовые пряди скользнули по покрасневшим скулам.

– Правда.

Слово – удар, вышибающий из легких весь воздух.

– Почему ты молчал?

– А что я мог сказать такого, что ты бы мне вдруг поверила? Все вокруг убеждены, что тебе сужден Войко. Даже ты.

Руслана хотела воспротивиться, но закрыла рот, так ничего и не сказав. Зоран прав. Она не принимала выбор судьбы, но верила, что сердцевцы пробудил именно Войко.

– Я возвращался с ночной службы и решил срезать путь по дворам. А потом увидел цветы, вспомнил, что это дом Моймира...

– И решил, что цветы распустились из-за клятвы, которую дал в детстве?

– Нет. Я просто испугался. Как и ты.

Руслана хорошо помнила тот холодный ужас, что расплылся в груди в утро первого снега. Чувство, будто беззаботная, свободная жизнь окончена и ничто уже не будет как прежде.

– А потом ты сама нашла меня. Засватанная за другого, идущая по его следу. И я решил – может, сердцевцы ничего не значат? Ты так отчаянно рвалась в путь за другим...

– Чтобы не сгореть на костре, – добавила Руслана, ухмыльнувшись.

– Я молчал, чтобы судьба, если угодно, свела нас сама. Без глупых подсказок цветов, без насильной свадьбы. Я хотел, чтобы что-то

хорошее в моей жизни случилось само, а не по приказу незримых сил.

– Понимаю, – от чистого сердца поделилась Руслана. – Но что теперь?

– Не знаю, – едва слышно обронил Зоран, и почему-то стало очень больно. Тоскливо. – Я не хотел, чтобы ты узнала до того, как...

– До того, как что?

– До того, как мы полюбим друг друга. Если это вдруг однажды случится.

Она верила, что сердцеветы ничего не значат, и с Зораном они подружились не из-за них. Не магия свела их и не судьба. Она хотела услышать, что и он думает так же. Хотела знать – он смотрит на нее, как смотрел бы на любую другую девушку. Без ощущения, будто между ними натянута тяжелая, неразрывная цепь.

Ведь если Мирина права... Если Руслана и правда скоро умрет...

– Пойду найду Морошку, – Руслана отвернулась и шагнула за кустарник.

Глаза почему-то жгло, а горло сдавило горьким комом. Она не могла выкинуть из головы несбыточные картины: она и Зоран стоят друг напротив друга под небом Хрустала, их руки перевязаны лентой. Он смотрит в ее глаза и приносит клятвы верности, которые никогда не нарушит.

Обещания духов крепче камня. И если бы Зоран поклялся любить Руслану до самой смерти, так бы оно и было.

Глупость. Несбыточная ерунда.

Матушка бы никогда не одобрила такой брак. Сама швырнула бы сердцеветы в печь. Да и Зоран наверняка боится не только Нави. Ему чуждо тепло, которого он почти не знал.

– Охотница! Ты все-таки пришла! – аука вился под ногами, на ходу жуя ягоды, которые набрал в подол своей рубахи из листьев. – Тебя уж все заждались!

– Рада знать, – сухо отмахнулась Руслана.

Она вертела головой, пытаясь найти Морошку. Это оказалось непросто, ведь поляна наполнилась духами, о некоторых из них она даже не слышала никогда.

Ауки резвились в траве с моховиками. Маленькие существа в одежде из мха и в шляпках из грибов объедались ягодами, но с ауками

делились неохотно. Те верещали, носились за моховиками, и всем это было только в радость. Ведь в конце концов лакомство получали все.

Пруд облюбовали мавки, русалки и водяницы. Девушки звонко хохотали, расчесывали друг другу волосы и плескались в воде. Тише всех себя вели светловолосые русалки. Те сидели на ветвях дерева, что склонилось над прудом, и перешептывались, поглядывая на Руслану.

Она положила под одно из деревьев свой кафтан с шапкой, лук и колчан тоже оставила у корней. Пусть видят, что она пришла с миром. Почва прогрелась настолько, что в зимних сапогах было жарко. Руслана стянула и их, оставшись в одном исподнем платье.

– Вот так зима, – шепнула она и прижала к груди сердцеветы, что обещали ей защиту.

Даже если аука обманул, бежать она не собиралась. Морошка ведь говорила, что Охотницу в лесу знают и уважают. Злых, опасных духов здесь нет – никто не позвал на свадьбу Лихо или Блуд, что заставляет людей плутать, – а те духи, что собрались на поляне, Руслану не тронут.

Зоран был тут как тут. Руслана даже не услышала, как он подошел. Хотела бы попросить оставить ее, чтобы подумать обо всем одной. Осмыслить, принять и успокоиться. Но не уйдет ведь. Ни на шаг не отступит.

– Морошки не видно, – как ни в чем не бывало оповестил страж и огляделся. Одна его рука привычно покоилась на эфесе. И потому духи косились на них с подозрением. Перешептывались, наблюдая за новыми гостями.

– Сними ножны, – попросила Руслана, коснувшись локтя Зорана. Только когда пальцы ощутили тепло чужого тела, она опомнилась. Лицо зарделось, а внутри заскреблось неприятное чувство. Будто мышшь сидела в груди и точила сердце.

– Опасно, – он отвернулся первым. – Вдруг на тебя нападут?

– Посмотри на них, – Руслана широким жестом обвела поляну, что гудела от смеха и голосов. – Мы здесь как свои.

Все же Зоран оставил ножны под деревом. Неохотно положил меч рядом с луком Русланы. Вместе они вышли к центру поляны, и тогда явилась виновница торжества. Ветер загудел в кронах, духи радостно заулюлюкали, засвистели, встречая Морошку, которую на руках нес добрый молодец.

Волосы его – жидкое серебро – спускались почти до земли. В глазах серый туман, поглотивший зрачки. Одежды легкие, из белой ткани, развевались на ветру... Которым жених и был.

– Ветер! Поцелуй невесту! – смущаясь, просили русалки.

Морошка улыбалась, и острые зубы ее блестели так же ярко, как чешуя на перепончатых ногах, как подернутые белой пеленой мертвые глаза. Бледное тело скрывало легкое, полупрозрачное платье, сотканное будто из пены, а в волосах путались новые цветы – белые, как безупречно чистые облака.

Жених склонился к синим губам омутницы и притянул ее к себе для крепкого поцелуя. Поляна зазвенела от восторгов и песни, которую затянули девушки в пруду. Те наверняка были близкими подругами Морошки, а ее жених...

– Ветер. Это его Морошка позвала, когда мы освободили ее из оков. Он нас спас от палачей, – догадалась Руслана.

Она с изумлением наблюдала, как во время поцелуя Ветер начал подниматься над землей. Он подхватил Морошку на руки, закружил ее в воздухе, а затем они пронеслись над поляной. Деревья склонились от налетевшего урагана. С ветвей в пруд попадали русалки, которые не успели покрепче за что-нибудь ухватиться.

Руслана ахнула, закрыла лицо руками, а потом вдруг ощутила, что кто-то защитил ее от ветра. То Зоран встал перед ней, закрывая от порывов.

На сердце потеплело, но трепет тут же сменился разъедающей тоской.

Едва ветер стих, над поляной вновь разлились радостные голоса. Земля, покрытая зеленой травой, нарядилась белыми цветами, и тут и там между ними развернулись тарелки-листки с разными яствами. Рубиновые ягоды, румяные яблоки и невиданные Русланой ранее фрукты. В животе заурчало, но охотница не осмелилась и шагу к «столу» сделать.

– Похоже на дары, которые люди при входе в лес оставляют, – Зоран смотрел на широкий лист с пирогами, вокруг которого уже пищали мелкие голодные духи, похожие на крупных бабочек.

Руслана кивнула, а сама попятилась, давая дорогу нечеловеческим красавицам – вужалкам. Она никогда не видела дочерей Змеино

короля воочию, но много слышала о том, как они прекрасны. Что же, рассказы несколько не передавали истинной прелести змеедов.

Девушки лишь наполовину с точеными лицами и бледной кожей, густыми волосами до пояса, ниже которых их тела превращались в змеиные хвосты. Черно-золотая чешуя мерцала так же ярко, как драгоценности, которых на вужалках было в изобилии. Бусы и мониста унизывали их шеи так плотно, что закрывали голые тела вместо одежды. В локонах их блестели серебряные нити с нанизанными на них гладкими бусинами из изумрудов и рубинов, а самая старшая из змеедов носила кокошник, усыпанный алмазами, как утренняя трава росой.

Вужалки, звонко хохоча, заняли нагретый солнцем центр поляны.

– Похоже, мы и правда Морошку до полуночи не поймем, – Зоран смотрел вверх, где между еловых крон в воздухе танцевали Ветер и его невеста.

– И Уйка до ночи тоже ничего узнать не успеет. День впустую.

Руслана с завистью смотрела, как вужалки лакомятся пирожками да цукатами. А те порой заинтересованно поглядывали на нее и о чем-то шептались.

Вужалки – безобидные духи. Разгневать их можно, лишь обидев или украв любимые драгоценности. Бояться их нет причин. Но от шепотков и взглядов змеедов Руслане все равно было не по себе.

– Хочешь уйти? – Зоран встал перед Русланой, не давая той смотреть на вужалок. Или наоборот, защищая охотницу от взоров змеедов? – Боишься?

– Не боюсь. Просто... Странное чувство. Мы тратим время впустую.

– Мы ждем.

– Бездействуем, – упрямылась она. – Может, палачи уже идут по нашему следу, а мы развлекаемся на чужой свадьбе.

– Если бы, – улыбнулся краешком губ Зоран. – Пока что мы просто топчемся на месте.

– А могли бы...

Руслана не договорила. Могли бы что?

Бежать некуда. Куда идти дальше – непонятно. Лес – единственная зацепка. Торопить судьбу не выйдет, как ни старайся.

Луна не взойдет раньше положенного срока. Морошка не прервет свой праздник ради Русланы.

– Вы с-с-сияете так ярко, – одна из вужалок, та, что в кокошнике, приблизилась к Руслане и Зо–рану.

Теперь, когда она стояла так близко, Руслана и вовсе потеряла дар речи от ее красоты. Смотрела зачарованно, точно мышонок, попавший в ловушку хитрого змея.

Но точно так же на Руслану смотрела и вужалка.

– Давно такого не видела, – восхищалась змеедева. Кончик черного хвоста извивался всякий раз, когда она шипела от удовольствия. – Ваш-ш-ши душ-ш-ши из с-с-света одной звезды с-с-свиты. Ис-с-стинные!

Подружки вужалки снова зашептались, захихикали, глядя, как покраснели Руслана и Зоран. А когда он взял ее за руку, разразились шумными охами, глядя с искренней завистью.

– Руслана под моей защитой, – напомнил Зоран, наверняка решив, что змеедевы хотели подшутить над охотницей или как-то обидеть.

Боялся больше, чем она сама. А может, просто не знал, кто такие дочери Змеиноного короля и что они безобидные, как мошки.

– Мы видим. З-з-знаем, – улыбнулась другая вужалка, и Руслана с облегчением поняла – слова Зорана змеедев несколько не задели. – Просто это такая редкос-с-сть. С-с-судьба свела полудуха с человечкой. Ваша любовь будет озарять века.

– Полудуха? – голос Зорана крошил сердце в пыль. – Я думал, что подменьш...

Подменьшами называли детей, которых духи оставляли в люльках вместо человеческих новорожденных, коих забирали себе.

– Подменьш-ш-ш? Не смеш-ш-ши, – отмахнулась красавица в кокошнике. – Подменьш-ш-ши безобразны и страдают от всякой хвори. Тебя же уродом сочтет только с-с-слепой.

Вужалки стыдливо прикрыли розовые щеки ладонями, смущенно опустили глаза. Но не все. Некоторые игриво посматривали на Зорана, точно пытались поймать его взгляд.

– Тогда кто я? Вы это видите? Можете сказать?

– Вижу только, что ты полукровка, потому и с-с-сил в тебе маловато. Твоя природа – проклятье, а не дар. От духа унас-с-следовал замки` вмес-с-сто ключей.

– Ясно, – опустил голову Зоран.

Никто ему большего о его происхождении не расскажет. Только Руслана могла бы поделиться истиной, которую узнала от матушки, но та не принесет Зорану ничего, кроме боли. Правда сделает Зорана одиноким: сирота, чья мать умерла в муках. Приемный-полукровка, рожденный от нечисти, что истязала тоскующую по погибшему мужу девушку.

Руслана настолько погрузилась в мрачные мысли, что и не заметила, как одна из вужалок подползла к ней. Змеедева ласково взяла охотницу за руку и успокаивающе погладила по волосам.

– Ос-с-ставайте-с-сь с нами. В лес-с-су. Здес-с-сь вас примут как с-с-своих.

Янтарные глаза походили на крохотные солнца. Они согревали и обещали теплый прием и беззаботную жизнь. Однако принять приглашение путники не могли.

Руслана рассказала вужалкам о Сияне, но змеедевы лишь озадаченно покачали головами.

– Мы недавно пробудили-с-сь. Холод ус-с-сыплет нас-с-с. Не видели вашу С-с-сияну.

– Почему же проснулись теперь? – Зоран закатал рукава рубахи. На поляне становилось жарко, будто сейчас была и не зима вовсе, а знойное лето.

– Мороз ос-с-слаб. Он с-с-стар и теряет влас-с-сть. Потому и лето было таким горячим, а зима теперь отс-с-стует.

Почему-то слова вужалки пробудили странную тревогу. Еще совсем далекую, как звон колоколов, но от нее внутри все гудело.

– Морозка должна знать про ваш-ш-шу С-с-сияну, – вспомнила змеедева в кокошнике. – Я с-с-слы- шала, как она говорила Ветру о какой-то девушке, из-за которой ее наказал Мороз.

– Тогда мы подождем невесту, – благодарно поклонилась Руслана.

Вужалки радостно завились, закружились вокруг, не то танцуя, не то играя друг с другом. Нравились они Руслане. Беззаботные, милые змейки, которые сами сияют так же ярко, как их украшения, принесенные людьми в дар лесу.

– Значит, остаемся? – Зоран лениво шагнул рядом с Русланой. Они вместе вышли в центр поляны, где духи пировали среди зелени и

цветов. – Не отказывайся. Мы проделали немалый путь в поисках Войко и Сияны и заслужили хотя бы денечек отдыха.

– Соблазняешь, – протянула девушка и села на траву, заняв свободный пятак. – Вот сейчас расслаблюсь и не захочу уходить отсюда вовсе. Что тогда делать будешь?

– Останусь здесь с тобой. Забыла? Пока твое путешествие не окончено, я всегда буду рядом.

Зоран опустил на землю, провел ладонью по колючей молодой траве. Летнее чудо, но после слов вужалок и Уйки о сломанном колесе года оно уже не радовало, как прежде. Мороз слабнет, а значит, близятся серьезные перемены.

– Не будешь тосковать по Хрустально? – прищурилась от солнца Руслана и сквозь ресницы глянула на Зорана.

Как же красиво в золотых лучах блестели его светлые, как песок у реки, волосы! Какими яркими и лучистыми казались зеленые глаза! Как Зоран мог подумать, что он подкидыш? Не бывают подменыши и вполтину так прекрасны, как страж.

Да даже полукровки, и те, поговаривают, рождаются со страшными изъянами. Хвосты, горбы, острые зубы, деформированные кости... Но Зоран был красив, как утренняя звезда. Может, потому что человеческого в нем было все же больше?

– Был у нас похожий разговор уже, Руслана. И ответ все тот же. По Хрустально буду тосковать точно меньше, чем ты.

– Но когда все кончится, ты вернешься в город?

– Конечно. Кто-то ведь должен проводить тебя к родительскому дому.

– Только ради этого поедешь в Хрусталь? – не отставала она. – А если я... не захочу домой возвращаться?

«Или не смогу», – в мыслях договорила Руслана и внимательно уставилась на Зорана.

– Не захочешь? Почему?

– Ну...

– Неужели так сильно понравилось со мной бок о бок путешествовать?

Зоран хохотнул, уселся поудобнее, а Руслана задумалась. А ведь и правда нравилось ей со стражем по одному пути идти. Делить на двоих не только дорогу, коня и кров, но и судьбу.

– Совру, если скажу, что нет. Ты хороший союзник, Зоран.

– Я бы ответил то же самое о тебе, но вспомнил, как кое-кто вчера едва не погиб в пожаре...

– Эй!

Руслана сорвала белый цветок и кинула в Зорана. Смеясь, он заправил его в волосы и улыбнулся так широко и искренне, что защемило сердце.

Зоран сужден ей. Он – ее жизнь.

Не верится.

И все же она больше не могла смотреть на него как прежде. Видеть лишь друга в Зоране не получалось. Из головы не выходила мысль – если бы Войко не пошел в то утро на поиски Сияны, Руслана и Зоран уже могли бы быть женаты.

– Почему не едите? – рядом с ними, свив хвост кольцами, на траву опустилась вужалка. – Неужели не хотите?

Руслана потянулась к блюдцу – большому зеленому листу, на котором алели рубиновые ягоды, – но отдернула руку. Ходило много рассказов о том, что забирать у духов ничего нельзя. Они с радостью принимают человеческие дары, но делятся ими неохотно. Даже вужалки, коли отнимешь у них золотой гребешок или другую драгоценность, могут обозлиться – натравить змей или запутать дорогу, ведущую к дому.

– Боишься, что ли? – рассмеялась змеедева. Взяла с колен Русланы венок из сердцевцветов и надела охотнице на голову. – Расслабься и веселись! Никто вас не тронет.

Ее ладонь скользнула по колдовским цветам, опустилась на порозовевшую щеку Русланы.

– Сегодня вы одни из нас.

Зоран первый взял ягоды с листа и закинул в рот целую горсть. Когда Руслана уставилась на него, удивленно выпучив глаза, страж развел руками:

– Я голоден! Ты, кстати, тоже!

Вужалка передала Зорану зеленое «блюдце», откуда он взял налитую сладким соком ягодную бусину и поднес Руслане.

– Хотя бы попробуй.

– Зоран, – она мягко опустила его руку и тяжело вздохнула, – скажу честно, боязно есть то, что мне не предназначалось. Вдруг,

отобедав на пиру духов, я среди них навсегда и останусь? Не смогу выйти из леса?

– Глупость, – обидчиво надула губки вужалка. – Зачем ты нам нужна?

Руслана пожала плечами. Мол, откуда мне знать? Но отец всегда учил с чародеями и духами держать ухо востро.

– Поклянешься, что Руслане ничего не будет, если отведаст вашей еды? – Зоран с вызовом подался вперед. Знал, как никто другой, что Навьи существа не могут клятву нарушить.

– Клянусь, – закатила глаза змеедева. – Это просто ягоды! Чего недоверчивые такие? К вам со всем теплом, а вы... Сказано же было! Она под твоей защитой, полукровка!

Вужалка расстроено уползла, быстро найдя себе более веселую компанию. Руслана еще какое-то время понаблюдала за необычной красавицей, а потом обратилась к Зорану.

– Когда ты успел так осмелеть? – кивнула она на ягоды, которые юноша уплетал одну за одной.

Еще вчера Зоран едва находил в себе силы стоять против Беса Мирины, а теперь гулял на чужом празднике, напрочь растеряв бдительность.

– Меня пугало, что существа, чья природа для меня неясная, чужая, так тянутся ко мне. – Отложив ягоды, Зоран уперся подбородком в колено, которое подтянул к груди. – Сначала в детстве замечал интерес духов ко мне, потом Лихо пощадила, а еще те светлячки под деревом... Помнишь? Мне было страшно, Рус–лана.

Она представила себя на его месте. Быть тем, кого неосознанно выделяет неведомая сила, – не честь, а пугающая участь. И ведь даже не поделишься ни с кем переживаниями. Ляпнешь лишнего, и станут тебя сторониться. Ведь к кому, как не к колдуну, черной силе приставать?

Тех злые духи часто изводили. Тянулись за учуянной магией, липли, как банные листы к влажной коже. И не отделаться от них, покуда не дашь хоть какое-то задание. Но едва бесы с ним покончат, тут же примчат обратно к хозяину.

Ходил слух, что какого-то чародея в столице черти насмерть растерзали, пытаясь получить от него поручение. Трясли его днем и ночью, щипали, пихали, пока на кусочки не порвали.

Будь Руслана на месте Зорана, ее бы точно так же ужаснуло внимание Навьих тварей.

– Теперь же я лишился сомнений. Я не думаю, что со мной что-то не так. Я знаю это наверняка и не ощущаю ничего, кроме свободы.

Руслана проследила за его взглядом, который был устремлен в центр поляны, где в хороводе танцевали лесные духи. Там же кружились поднятые в воздух цветы и блики магии.

– Я один из них. – Зоран медленно покачал головой и улыбнулся одними уголками губ. – Подумать только.

– Не забывай, что ты дух лишь наполовину. Среди людей тебе тоже найдется место.

– Так же, как и чародеям? – Зоран неосознанно коснулся предплечья, где чуть ниже локтя алел почти заживший ожог.

Не одна Руслана пострадала от огня. Не одну ее спасли от боли и шрамов целебные травы Уйки.

– Можно сколько угодно искать место среди людей, но что-то всегда будет не так. Я даже в собственной семье не прижился. Хотя... семья ли это была вообще?

– Спросишь у них про свое происхождение?

– Не стоит. Вдруг для них моя грязная кровь окажется такой же неожиданностью, как и для меня? Столько проблем ко мне липнет...

«И я – одна из них».

– Может, все, что происходит, – это знак? Может, мне не стоит пытаться жить среди людей?

– Зоран, ты чего? Только не говори, что удумал в лесу остаться!

– Не сейчас, конечно. Сначала нужно тебе помочь, домой вернуть. А потом... Не попытаешься, не узнаешь. Так?

– Не дури. Не забывай, что ты все еще человек. Даже если наполовину. Но ты так же испытываешь голод и холод, так же нуждаешься в воде и еде. Где ты будешь жить?

– В сторожке, – Зоран мотнул головой в сторону, откуда они вместе пришли. Туда, где за стеной деревьев еще лежал снег, на котором наверняка нежилась Уйка. Где гуляли волки, не нападая на Князя. Где воздух искрил от холода.

– Выживать одному тяжелее, чем кажется.

– Не тяжелее, чем постоянно чувствовать себя чужим.

Солнце светило все так же ярко, но Руслане показалось, что небо затянуло черными тучами. Песни зазвучали громче, быстрее закружился хоровод. И это казалось таким неправильным, когда сердца обоих разбиты.

Она может никогда не вернуться домой. У него этого дома нет.

– Дай-ка сюда, – Руслана придвинула к себе ягоды и быстрее, чем Зоран успел хотя бы рот открыть, прожевала целую горстку.

Сладкий сок наполнил рот, и девушка даже зажмурилась от удовольствия. Она так соскучилась по лету и его дарам!

– Ого! Посмотрите-ка, кто проголодался! – рассмеялся Зоран, когда потянулся за ягодами, но Руслана забрала у него их прямо из-под носа. – Ты же боялась угощаться!

– Но ты ведь заставил духа поклясться, что я в безопасности. И раз я под твоей защитой...

– О чем я уже жалею, – шутливо пробубнил Зоран и вновь покосился на отобранную малину.

Руслана подвинула листок, наполненный ягодами, так, чтобы он лежал ровно посередине между ней и стражем. Сделала это нарочито медленно и с наигранной неохотой. Хотела рассмешить Зорана и отвлечь от смурных дум.

– Угощайся.

– Какая щедрость!

– Бери, пока я все не съела! Я та-а-ак люблю ягоды!

– Правда? Я думал, ты любишь мясо.

– Это потому, что я дочь охотника? Пф-ф. Как раз поэтому я больше люблю овощи и фрукты. Мяса я за свою жизнь столько съела, сколько из всего скота Хрусталя не срежешь.

– Прекрати хвастаться! Я вот в жизни ничего дороже курицы не пробовал. – Зоран заел досаду пирогом, который вытянул с «блюдца», что стояло чуть поодаль.

Такой же он подал Руслане, а заодно – высокий и узкий цветочный бутон, точно стакан, наполненный чем-то сладким и до одури вкусным. Они одновременно опустошили их до дна и блаженно растянулись на траве.

– погоди. Ты даже свинину не ел? – Руслана повернулась на бок, чтобы видеть лицо Зорана.

Он тоже приподнялся на локтях и задумчиво протянул:

– Ну-у... Может быть, когда-то очень давно и очень мало...

– Мрак.

Охотница вновь легла на спину и широко раскинула руки и ноги. И пусть она поела совсем немного, но уже чувствовала себя сытой. Сочные ягоды, сладкий пирожок и странный, дурманящий напиток сделали свое дело.

– Когда мы вернемся, – глядя на облака, плывущие по медленно розовеющему небу, сказала она, – если вернемся... Я достану для тебя лучшую оленину. А если захочешь, даже лебедя.

– Давай лучше оленя.

– Потому что в нем мяса больше? Боишься, что снова отбирать буду?

Зоран рассмеялся. Он в точности повторял позу Русланы, только она этого не видела. Как и того, что их руки почти соприкасались. Стоило кому-то лишь чуть-чуть отвести ладонь вбок...

– Нет. Просто я слышал, что лебеди выбирают себе одну пару раз и навсегда. Не хочу думать, что, пока я ем мясо, где-то страдает птица-вдовец.

– Какой кошмар. – Руслана села и уставилась на Зорана так, будто он только что предложил украсть кокошник у вужалки и бежать. – Не рассказывай мне больше таких историй.

– Боишься перестать есть мясо?

– Еще чего, – ухмыльнулась она, а сама невольно коснулась венка из сердцевцветов.

Тот все так же алел на темно-русых распущенных волосах. Все так же напоминал, что, может быть, Руслана и Зоран такие же неразлучные лебеди. Ведь с ним в «раз и навсегда» почему-то верилось куда больше, чем в союз с Войко.

– Пойдем, – Руслана встала с травы, отряхнула белый подол и подала руку Зорану.

– Куда? – он настороженно воззрился на раскрытую ладонь. – Все-таки уходим?

Он ухватился за руку Русланы, и девушка вытянула Зорана в центр поляны. Туда, где в хороводах кружилась нечисть. Солнце катило румяный бок к горизонту, тени удлинялись, но света на опушке не убавилось.

Светлячки парили в воздухе, разливая вокруг теплый свет. Когда кто-то случайно задевал пухлые летающие искры, они издавали забавный звук: будто колокольчик чихнул.

– Давай потанцуем. – Руслана подхватила юбку, приподняла до середины голеней, чтобы присесть в изящном поклоне. – Все равно делать нечего.

Духи закружили хороводом уже вокруг них. Перед глазами мельтешили горящие глаза – янтарные, серебряные, ониксовые – и мерцали отблески на чешуе, когтях и перепончатых крыльях. Некоторых существ Руслана даже не знала, как назвать: чудные, рогатые, бородатые, красивые и уродливые... Но все они смотрели на них с Зораном, как на званых гостей.

– Танцуй! – закричали с дерева русалки.

– Давай же! – подбадривали Зорана вужалки. Звон их украшений вплетался в пение и становился частью музыки, которая впитала в себя все: стрекот оживших от внезапного тепла насекомых, клекот птиц, шелест ветра и плеск воды в пруду.

– Или можем просто подождать, – мягко напомнила Руслана и выпрямилась. Кивнула на островок под деревом, который еще не успели облюбовать. – Уже закат. Морошка скоро спустится.

Омутница прямо в воздухе плясала со своим женихом, заливисто смеясь. Казалось, она прыгает с одной макушки ели на другую, где балансирует, стоя на цыпочках. Но Ветер крепко держал Морошку, и они оба парили в небе, где совсем скоро солнце сменится луной.

– Нет. Давай станцуем.

Когда Зоран сделал шаг навстречу Руслане, он задел плечом светляка. Со звуком, будто кто-то тряхнул охапку крошечных колокольчиков, замершее на миг сердце встрепенулось.

Зоран глубоко поклонился Руслане, и внутри себя она завизжала так же звонко, как девушки-духи. Вужалки, русалки и мавки буквально верещали от восторга, наблюдая за происходящим.

– Дашь мне руку? – Зоран, не поднимаясь из поклона, глянул на нее снизу вверх.

Руслана оторопела настолько, что выполнила просьбу безропотно, безмолвно. Она не раз танцевала с друзьями на ярмарках или у костра на площади. В плясках не было правил, не нужно было до безупречности заучивать и оттачивать движения. Танцуй себе как

хочется! С Богданой они часто просто скакали вокруг друг друга, подкидывая юбки. Если компания собиралась побольше, то ребята кружились в большом хороводе или разбивались по парам, чтобы потом в повороте, звонко хохоча, сменить парт–нера.

Но еще никто, ни в одном танце не брал Руслану за руку. Да еще и так трепетно, так нежно.

Песня духов вдруг стала быстрой и задорной. Мелодия бежала и скакала, как кипящая кровь в венах Русланы. Смущение нахлынуло так внезапно, что она не сразу почувствовала музыку и запоздало подхватила правильные движения.

Они с Зораном были точно зеркальные отражения друг друга. Каждый вытянул перед собой левую руку, соприкоснувшись ладонями. Руслана повторяла движения за стражем: то делала шаг к нему, сгибая руку в локте, то отскакивала обратно, выпрямляя. И так они кружились вокруг незримой оси, которой стали их сомкнутые ладони.

– Ты хорошо танцуешь! – Руслана повторила за Зораном и тоже хлопнула в ладоши. Они почти одновременно сделали прыжок, а потом сменили левую руку на правую и закружились в обратную сторону. – Где научился?

– Просто наблюдал за тем, как танцуют другие.

– И только?!

Руслана удивилась настолько, что случайно сбилась с ритма и наступила на босую ногу Зорана. Ойкнула и рассмеялась, когда увидела улыбку на лице стража.

– Прости!

Прыжок! Хлопок!

– Прости! – теперь уже извинялся Зоран. Танцевал он все-таки неидеально, и в повороте задел плечо Русланы своим.

Они приблизились друг к другу и в момент, когда должны были вновь отдалиться, Зоран вдруг сплел свои пальцы с пальцами Русланы и приобнял ее за плечи.

– Играют все! – по поляне перепончатыми ногами прошлепал водяной. Влага капала с его бороды и длинных волос на землю, а на макушки низеньких духов – с поднятой руки, в которой водяной сжимал атласную ленту.

Все заверещали, радостно засуетились. Кто-то случайно толкнул Руслану в спину, и она почти всем телом прижалась к груди Зорана.

Как неловко...

Не успела она извиниться, как Зоран, все еще прижимая ее к себе, резко крутанулся, защищая от неуклюже разбежавшихся духов.

– Вот, ты и водишь! – водяной воткнул ленту Зорану за пояс, и все вокруг засмеялись.

Даже Морошка, парящая в высоте, залилась хохотом.

– Чего стоишь? Беги и жаль кого-нибудь!

Руслана наблюдала за тем, как удивление в глазах Зорана сменяется детским азартом. Она высвободилась из рук стража, попятилась с поляны. Подальше, в толпу мавок и вужалок. Но когда Зоран наконец понял правила простой игры, в которую его втянули, его глаза безошибочно нашли охотницу в карусели чужих лиц.

Когда Зоран сорвался с места, на его губах играла яркая, как солнце в полдень, улыбка.

– Стой! А как же наказание для пойманного придумать? – хлюпал водяной, но Зоран уже мчал за Русланой.

Она весело взвизгнула и бросилась по краю поляны. Петляла между деревьев, едва не скользя босыми пятками по еще теплой земле. Русалки, словно подхваченные ветром, взлетели на ветви и уже оттуда смеялись:

– Поцелуй! Пусть поцелует ту, которую поймает!

Руслана споткнулась и чуть ли не кубарем покатила к пруду. Там на камнях уже сидели мавки. Когда-то они были простыми человеческими девушками.

– Лови! – подбадривали они. – Целуй!

Зоран уже наступал на пятки. Даже не запыхался! Глаза горят, губы, еще красные от сока ягод, приоткрыты в учащенном дыхании. Рубашка чуть съехала, через косой разрез оголив ключицу. Волосы слегка разметались, но белый цветок до сих пор украшал их.

Зоран будто выскочил из бани. Румяный, распаренный. Живой.

Руслане показалось, что и сама она прямо в одежде стоит в жару, а кто-то все подливает воду на раскаленные камни, горячий пар окутывает плотнее...

В один прыжок она пересекла оставшийся берег и скакнула прямо в воду. Прохладные брызги полетели во все стороны, духи довольно засмеялись, заулюлюкали. А потом поляну сотряс еще один всплеск.

Зоран бросился за ней следом.

– Поймал, – шепнул он, возвращая венок из сердцевидных цветов с воды на голову Русланы.

Она посмотрела в его глаза и пальцами впиалась в рубашку на груди Зорана. Показалось, что дно ушло из-под ног. Но даже будь так – страж держал ее, крепко ухватив за плечи.

– Целуй! Целуй! – кричали вокруг.

А они будто и не слышали.

Руслана отступила назад, чтобы вода спрятали ее тело. Мокрое платье облепило фигуру, и было страшно стыдно. Но Зоран не смотрел вниз. Только в глаза Русланы.

– Теперь я вожу?

– Будешь ловить только меня? Попытаешься отомстить?

– Ни к чему. Все равно ты ничего интереснее моего, – она одним кивком указала на пруд, – не вычудишь.

– И то верно, – сказал Зоран и вытащил из-за пояса ленту водящего.

Руслану передернуло от воспоминаний, которые теперь казались неправильными. Она и Войко. Брачный обряд, во время которого лента оплетает запястья суженых... Там, рядом с ней должен был быть не сын купца.

Одна из мавок будто ухватила мысль Русланы и вытащила ее наружу:

– Ну же, полукровка! Поцелуй свою суженую!

Короткий вдох скользнул по приоткрытым губам. Все вокруг кричали о поцелуе, но Руслана не слышала голосов. Только грохот сердца, которое трепыхалось, как угодившая в паутину бабочка.

Поцелует ли? Станет ли?

Зоран казался таким же потерянным и смущенным. Даже в сумерках было видно, как горит его поцелованное жаром лицо, а глаза... Руслана так и не поняла, что за чувства вспыхнули в зеленых озерах, направленных на нее. Всего на миг она решила, что Зоран наклонится и коснется губами ее губ. Но страж, наоборот, отпустил ее плечи и, не отворачиваясь, спиной вперед шагнул к берегу.

– Пойдем, – позвал он и подал Руслане руку.

Под недовольные возгласы и резкий, осуждающий свист она ухватилась за открытую ладонь. Зоран вытянул ее за собой на мелководье.

– Так нечестно! – кричали духи. – А как же задание для пойманной?

– Неинтересно!

– Где же поцелуй?

– Что будем делать? – Руслана скрестила руки на груди, чтобы спрятать просвечивающее сквозь мокрую ткань тело. Хотя вряд ли бы ее вид кого-то удивил... Духи в большинстве своем одежду не носили вовсе.

– Ничего, – Зоран пожал плечами, и их коснулись влажные кончики светлых волос. – Мы ведь не шуты и не должны делать то, что нам не хочется.

Она заметила, как Зоран взволнованно пожевал губу. Испугался или расстроился?

Внезапный порыв толкнул Руслану к Зорану. Она подскочила к нему, коснулась ладонью лица, направляя его к себе. Встала на цыпочки и легонько коснулась губами гладкой после недавнего бритья щеки.

– Не считается! – негодовали зрители. – Слишком мало! Еще!

Но Руслана *уже* ощущала себя так, будто с разбегу нырнула в бездонный океан. Успокаивало лишь то, что Зоран разделял ее чувства. Оба стояли, как громом пораженные, и смотрели друг на друга, стремительно краснея.

– Это чтобы н-нас с праздника н-не выгнали, – заикаясь, Руслана первая уронила взор к босым ногам. Принялась рассматривать травинки, которые налипли на влажную кожу.

Смотрела, а сама думала, что глаза Зорана все равно ярче, красивее, чем даже самая молодая зелень.

– Угу, – глухо раздалось рядом. – С-согласен.

Но главный заводила-водяной все равно остался недоволен. Он забрал ленту водящего у Зорана и пригрозил им с Русланой, чтобы в игру больше не лезли. Не хотят задания выполнять, так нечего другим веселье портить!

А они только и рады. Сбежали на край поляны и сели под дерево, где лежали их вещи. Со стороны смотрели, как играют в догонялки духи, но только потому, что не знали, куда в смущении деть глаза.

– Весело тут все-таки, – спустя время сказал Зоран.

Несмотря на то что солнце уже село, на поляне было жарко, как днем. Одежда на них быстро сохла.

– Беззаботно. – Руслана поправила венок и поставила подбородок на руки, которые сложила на коленях. – словно крохотный отдельный мирок. И даже солнце у них свое. Летнее.

– Хороший момент Морощка для свадьбы подгадала. Поди уже к утру здесь все вновь снегом заметет.

– Думаешь? Если Мороз слабеет...

Она запнулась. Не знала, что следует за этим «если», потому что никогда о нем не задумывалась. Всю жизнь колесо времен года исправно катилось по Хрусталу и его окрестностям. Что будет, если зима ослабит свою власть, а потом и вовсе исчезнет?

– Я люблю зиму, – признался Зоран. Он прижался спиной к стволу дерева и запрокинул голову, глядя на ярко-зеленую молодую листву. Когда она только успела распуститься? – Мое любимое время года.

– Потому что доставучие людишки больше дома сидят, а не по улицам колобродят?

Его кадык дернулся, когда Зоран выдохнул короткий смешок.

– Зима – время года с характером. Она может быть тихой и нежной, а может разразиться пургой, которую переживешь, только если ледяная госпожа сжалится. Она обворожительна...

– И убийственно красива. – Руслана вспомнила, как четко видны следы зверей на свежеснеженном снегу. Как он блестит, переливаясь на свету. Как зимой звезды кажутся выше, а воздух – звонче.

Вспомнила, как Уйка танцевала в небе, точно была одной из сотен снежинок.

– Уйка была бы в ужасе, если бы пошла в лес с нами. Интересно, как у нее сейчас дела?

Зоран посмотрел на небо, где широкий месяц шествовал к своему трону среди звезд.

– Готовится, наверное, ловить своих мышей.

– Она бы сейчас надулась, – Руслана показательно выпятила нижнюю губу и низко нахмурила брови. – Это не мыши, а души умерших! – провозгласила поучительным тоном.

– Ты, посмотрю, каждое ее слово ловишь. А сначала носы друг от друга воротили.

– Мы из разных миров.

– Ты мясо ешь, а она с ним дружит?

– И это тоже. Но ты понимаешь, о чем я. – Руслана на какое-то время умолкла, глядя, как какой-то аука, выполняя задание прошлого воды, на скорость заталкивает в себя пирожок. – Уйка принадлежит Нави больше, чем Яви, и все равно тянется к людям.

– Она застыла на границе двух миров. Пытается балансировать, но рано или поздно это кончится плохо, – промолвил Зоран, и в его хрипловатом голосе Руслана услышала то, о чем молчали слова.

Он говорил не только об Уйке, но и о себе.

Волчий вой взрезал ночь. Протяжный, как чей-то далекий плач, и пугающий, как песня палачей.

Они уже идут.

– Так быстро? – спокойствие и умиротворение слетели с Зорана, как пыль от порыва ветра.

Руслана тоже подскочила на ноги. Торопливо обулась, оделась, закинула колчан за спину. Зоран же надел пояс с ножнами.

– Чего это вы? – уже знакомый Руслане аука расселся на корнях. Качая ногами, он смотрел на сборы гостей. – Волков напугались?

– Это не просто волки. – Руслана схватила с земли лук. – Это предупреждение. Палачи идут сюда.

– Опять?! – Аука вскочил с корней и ухватился за волосы, что напоминали сухую траву. Он чуть ли не рвал их на себе, и глаза его становились все шире от удивления и паники. – Это вы виноваты! Вы сюда этих гадов приведете! Они же всех нас пере– бьют!

– Нет, если скажешь Морошке спуститься. Мы поговорим и тут же уйдем. Палачи вас не найдут, – пообещал Зоран, уже шагая за Русланой в самую оживленную часть поляны. Туда, где над опушкой кружилась со своим возлюбленным Морошка.

– Разойдитесь! – запищал аука, расталкивая гостей. – Угомонитесь! Ну!

Духи смотрели на ауку с раздражением, но послушно расступались. Шептались, глядя на вооруженных Зорана и Руслану, но умолкли, стоило ауке завере– щать:

– Морошка! Моро-ошка! Спустись!

Но невеста оставалась глуха. Казалось, что освещенную волшебными огнями поляну и горящее от света звезд небо разделял

незримый купол. Морошка беззаботно таяла в объятьях Ветра, пока аука буквально рвал на себе волосы.

– Расходитесь, дуралеи! Праздник окончен!

– Это еще почему? – возмутилось существо, покрытое шерстью от макушки до пят. Голос его гремел затаенной мощью, точно в грудной клетке духа перекачивались глыбы камней. – Не тебе решать, когда нам прекращать веселье!

Аука заметался, боясь сказать то, что услышал от человеческих гостей. Духи смотрели на него уже с презрением и едва ли собирались слушать.

– Сюда скачут палачи, – громко объявил Зоран, и ему вторил волчий вой. – Уходите, пока не поздно.

Руслана заметила, как духи, что стояли у самой кромки леса, начали растворяться в тенях. Первыми ушли и вужалки. Русалки нырнули в пруд, но на поверхности воды больше не показались.

– Почему мы должны тебе верить? – прорычало звероподобное чудище. Оно приблизилось к Зорану на четырех лапах, не отрывая взгляда золотых глаз. – Вдруг ты просто хочешь сорвать праздник?

Руслана поудобнее перехватила лук, приготовилась в любой момент вытянуть из колчана стрелу. Их не так много, да и обычным железом Навьих не перебить. Но если начнется битва, иного выбора нет. А драки вряд ли получится избежать, ведь доказательств у Зорана и Русланы нет.

– Клянусь, что это так, – отчеканил Зоран.

Он даже не коснулся эфеса меча, а духи вдруг стали отступать. Кольцо, которым они оцепили гостей, растворялось на глазах. Существа покидали летнюю поляну одно за другим, пока на опушке почти никого не осталось. Только Зоран, Руслана, аука и Морошка с Ветром.

– Клятвы и обещания духов нерушимы, – глядя вслед последним беглецам, шепнул Зоран, и Руслана поняла.

Он не мог соврать. Они, зная природу Зорана, не могли не поверить.

– Морошка! – снова крикнул аука, но даже тогда невеста не опустила взгляд.

Тогда Руслана вытянула стрелу, наложила ее на тетиву и вскинула лук. Прежде, чем аука успел ей помешать, охотница выстрелила.

Стрела, свистнув, сбила с головы Морошки свадебный венок, и только. Но этого хватило, чтобы невеста обратила внимание на последних гостей.

– Что здесь происходит?! – едва оказавшись на земле, Морошка осела на колени.

Может, она не могла стоять сама, без помощи жениха? А, может, ослабла, потому что долго не была в своей стихии – в воде?

Ветер молчаливо стоял за спиной возлюбленной и походил на серебряного призрака. Теперь, находясь к нему так близко, Руслана видела, что он весь будто соткан из дыма. Его туловище просвечивало и вряд ли было чем-то осязаемым, материальным.

– За ними снова идут палачи! – пожаловался аука, указав на проблемных гостей.

– Снова ждете моей помощи? – клацнула острыми зубами омутница. – Думаете, очередной ураган поможет замести следы? Ладно. Ветер!

Он шагнул вперед, уже вскинул руку, чтобы напустить чары, но Руслана остановила колдовство:

– Нет! погоди! Мы здесь, чтобы поговорить с тобой. Сначала расскажи, что знаешь о девушке, которая недавно ушла в лес и не вернулась, и тогда мы уйдем. Вас никто не тронет.

– Уходите сейчас, – проскрежетала она, ногтями царапая землю. – Палачи идут за вами, но если найдут еще и нас...

– Но ты ведь видела ее, – настаивала Руслана. Она присела перед омутницей на корточки, и хоть внутри все сжалось от страха при виде острых зубов и белесых глаз, отступить не собиралась. – Знаешь про Сияну.

– Ты осмелела, – прошипела сквозь зубы Морошка. – Думаешь, раз лес тебя любит, раз одному из нас суждена, стала неприкасаемой?

Морошка ощерилась, как дикий зверь, и зашипела. По коже поползли холодные мурашки. Такие же ледяные, какой покажется вода, если омутница утянет туда за собой.

– Ты проговорила в прошлый раз. Сказала, что тронула ту, что защищал сам Мороз. За то он и посадил тебя на ледяную цепь. Это была Сияна? Куда она пошла потом?

Руслана пристально всматривалась в мутные глаза, пока те испуганно метались. Морошка боялась палачей ничуть не меньше

охотницы, а потому и время тянуть больше не могла.

– Не знаю! – выкрикнула она и порывисто коснулась чешуйчатой лодыжки, будто боялась, что на той вновь возникнут оковы изо льда. – Не знаю я, как ее звали! Блуд завел в чашу дурную девку, а она провалилась под лед в моем озере. Я ее и тронуть не успела, как явился сам Мороз...

Морошка на миг застыла, и будто даже глаза ее подернулись инеем – стали еще белее.

– Что было дальше? – Зоран замер за плечом Русланы. Краем глаза она видела, что одна его рука уже лежит на эфесе. Значит, беда близко. Она чувствует это не одна.

– Мороз отобрал у меня девку, хотя всякий знает – она уже принадлежала мне. Должна была в том озере навеки и остаться. Но он вытащил ее из воды.

– А дальше? – нетерпеливо поторопила Рус– лана.

Морошка подняла руку, и Ветер помог ей встать. Подхватил невесту на руки, и та нехотя сказала:

– Не знаю. Мороз надел на меня ледяную цепь, сковал снегами лес и исчез. Забрал девчонку с собой. Наверное, в свой дворец.

– Мороз... Исчез, – глухо повторила Руслана.

– Именно так, – голос Морошки отдалялся. Ветер нес ее к пруду. – Исчез. И того же всем нам желаю, покуда палачи не явились.

Послышался топот копыт, и Руслана с Зораном синхронно обернулись на шум. Он вскинул меч, а она, отойдя за его спину, – лук. Сердце билось в горле, в ушах гудело напряжение.

Аука пискнул и прыгнул куда-то в кусты. Послышался плеск воды, а затем свист ветра. Руслана думала, что они уже остались на поляне одни, но вдруг до нее донесся скрипучий голос Морошки:

– Вы спасли моих друзей и заслужили последнюю услугу – Ветер заметет следы и спрячет на время. Просто попросите.

Среди деревьев уже мелькала чужая тень, но просьба так и оставалась невысказанной. Ударив по воде, Морошка исчезла, а перед путниками появился новый гость леса.

На Князе их нагнала Уйка.

Глава 14

Путеводная звезда

Это правда. Сияну забрал Мороз.

Так сказала Морошка, то же самое шепнули Уйке души погибших в лесу.

– И что теперь делать? – Руслана озиралась по сторонам, будто пытаюсь найти подсказку – куда двигаться дальше. Она с самого начала не ожидала, что поиски будут простыми, но то, куда завела их судьба теперь... Немыслимо.

Волки выли все ближе. Встревоженные надвигающейся бедой даже волшебные огоньки, что парили над поляной, потухли. Лес погрузился в ночной мрак.

– Мы почти ничего не знаем о Морозе. Как его искать? – всплеснула руками Руслана.

– Великий богатырь, повелитель холода, – задумчиво проговорил Зоран. – Слышал, он забирает души всех, кто умирает зимой вне дома, и превращает их в вихри.

– Как бы нам не стать одними из них, – мрачно обронила Руслана.

– Некоторые считают, что раньше Мороз был человеком, – вспомнила Уйка. – Но чем это может помочь... Не знаю.

Руслана переступила через опрокинутые блюда из зелени и почти бегом пошла прочь с поляны. Ловить здесь больше нечего, а оставаться опасно.

– Ты уверена, что нам туда? – взяв Князя под уздцы, Зоран пошел следом. – Уйка, может, ты знаешь что-то еще?

Чародейка замыкала их вереницу. Она пожала плечами и погладила Князя по шее, отведя глаза.

– Знаю только, что Мороз слабеет. Все об этом говорят, – в голосе ее, как лед по весне, хрустела тоска.

Уйка дышала чаще и тяжелее обычного. Летняя опушка снежной колдунье была совсем не по душе, поэтому в какой-то момент она перегнала и Зорана, и Руслану и стала идти впереди.

Летнее тепло осталось позади. Привычная прохлада крепче сомкнула свои объятия.

– Слабеет... И что? Зачем ему Сияна? – Руслана на всякий случай понизила голос. Волки были еще совсем далеко, но выдать свое присутствие даже случайно не хотелось.

Лишний шум разбудит птиц. Те вспорхнут в небо, и если это увидят охотники, сразу догадаются, где искать беглецов.

– Откуда мне знать? Я в жизни Мороза не видела. Его вообще никто не видел... Хотя стойте.

Уйка замерла, и ее спутники были вынуждены сделать то же самое. Колдунья запрокинула голову и посмотрела в чистое небо, на котором осколками перламутра блестели звезды.

– Если кто-то и знает, где Мороз, то только они, – Уйка, высоко подняв над головой руку, указала в небо. Тонкая, как нитка, протянутая сквозь игольное ушко, она будто пыталась коснуться звезд. – Они знают, где ледяной дворец.

– Ты их слышишь? – Зоран, не выпуская поводьев, выступил вперед. – Они расскажут, как нам пройти?

– Покажут, – шепнула Уйка, и все трое вскинули взгляды к небу.

То смотрело холодно и безмолвно. Ничего на нем не менялось.

Руслана натянула тетиву, нацелилась в темноту между деревьями, когда сзади послышались чужие шаги. Почудилось. Никого в чаще, кроме них, пока не было, но страшный вой все не умолкал.

– Хватит загадок, Уйка. – Губы касались тетивы. – Скажи, что нам делать. Если ошибешься – не страшно. Лишь бы на месте не стоять.

– Целься, – не шелохнувшись, посоветовала Уйка. Она все так же смотрела в небо.

– В кого? – Руслана закрутилась, завертела головой.

Уйка коснулась плеча охотницы и вновь указала ввысь:

– Целься в любую звезду.

Руслана согнулась пополам от хохота. меховая шапка свалилась с головы на землю, едва-едва присыпанную снегом.

– Смеешься? Считаешь, я могу сбить с неба звезду? – из горла вырвался хриплый смешок, хотя Руслане было совсем не весело.

Если единственный способ найти Мороза – достать звезду, то они обречены.

– Просто делай, что говорю! – прикрикнула Уйка, когда новый вой раздался уже ближе.

С недоверием охотница натянула тетиву. На наконечнике сверкал отблеск звезды, на которую Руслана нацелилась, возведя лук к небу.

Глупость. Даже если стрела не остановится, пойманная в зеленые лапы елей, то просто упадет об- ратно.

– Мы только птиц разбудим. – Охотница раздраженно опустила лук. Она чувствовала себя глупо, выполняя странный приказ. – Думаете, после этого легче скрыться будет? Нет!

– Может, сначала выйдем из леса? – предложил Зоран и потрепал Князя за ухом. Тот согласно фыркнул и боднул хозяина мордой в плечо. – Там будет легче... хм... стрелять в небо. Мы с Русланой верхом доберемся, а ты, Уйка, лети следом.

– Не смогу. Здесь недостаточно холодно, чтобы ветер мне подчинился, а троих твой конь вряд ли везти осилит.

– Почему же? Мы бы могли...

– Зоран, – перебила Уйка с непривычной ей жесткостью. – Палачей нужно запутать. Дать ложный след.

– Не понимаю, к чему ты ведешь.

– Мы должны разделиться, – первой догадалась Руслана, и на душе стало тоскливо. Не думала она, что разлука настанет так скоро.

– Запутаем следы, – кивнула Уйка. – Вы поскачете в одну сторону, а я – в другую.

– И как же? Конь-то один.

Уйка ухмыльнулась и запустила руку в тощую суму, что принадлежала Руслане. Даже в темноте она узнала фигурку Покровителя, которую забрала из дома, собираясь впопыхах.

На ладонях Уйки лежал Олень, высеченный из орешника.

– И что это значит? – спросили они с Зораном почти одновременно, но ответа так и не последовало.

Волки выли уже совсем рядом.

– Стреляй! Ну же! – Уйка пихнула Руслану в плечо и ткнула пальцем в небо. – Быстрее!

И снова стрела нацелена ввысь, на небесное серебро. Руслана до предела натянула тетиву, до боли в подушечках пальцев. Перед глазами потемнело, и только редкие снежинки оседали белыми искрами на ресницы.

– Ты сможешь, – шепнул Зоран, и его ладонь невесомо легла на плечо девушки.

– Наша сила – с тобой, – другого плеча коснулась Уйка.

Стрела сорвалась, устремилась в небо. Казалось, душа Русланы незримой нитью была связана с ее древком. А потому едва стрела исчезла, растворившись в черноте неба, охотница устало осела. Не упала наземь лишь потому, что Зоран ее поймал.

– Спасибо, – шепнула она, глядя в обеспокоенное лицо стража. Опираясь на его крепкую руку, поднялась.

Зоран не сразу отпустил Руслану. Придерживал ее еще какое-то время, неотрывно следя – все ли в порядке? Но они оба обернулись, когда Уйка вскрикнула:

– Получилось!

Среди еловых крон к ним медленно, как подхваченное ветром перо, опускалась ослепительно-яркая искра. Крохотная, как прокол, оставленный иглой в ткани, но яркая, как тысяча солнц. Красивая, как все драгоценные камни мира.

Едва свет упавшей звезды коснулся Оленя из орешника, он вспыхнул тем же сиянием. Охваченный им, Олень стал увеличиваться, прямо на глазах вырастая до размера живого коня. Когда клубок света стал таким же большим, как Князь, терпеть ослепительное сияние уже не хватало сил. Глаза нестерпимо жгло.

Все зажмурились, закрыли лица руками. Князь заржал, встал на дыбы. Но все достаточно быстро стихло. Сквозь веки Руслана ощутила, что звездный свет стих, и открыла глаза.

Перед ней, склонив голову, стоял олень. Его белый мех отливал небесным серебром, а раскидистые рога казались хрустальными. В больших черных глазах жила сама ночь. Олень фыркнул, ударил копытом по покрытой инеем земле и склонился еще ниже.

– Ну? Чего стоите? Садитесь же! – Уйка толкнула Зорана и Руслану в спины, а сама перехватила поводья Князя. – Он довезет вас к Морозу.

Зоран первым забрался на оленя и подал Руслане руку. Когда она села на хребет позади парня, олень встал и поднял голову. Руслана чуть не вскрикнула от страха. Она простых-то коней боялась, а этот зверь был еще выше. И ни седла тебе, ни поводьев, ни стремян.

– А ты? – едва не стуча зубами от страха, охотница обратилась к Уйке. – Куда поедешь?

– Куда ветер позовет. – Уйка сняла с Князя суму Русланы, в которой остались лишь сердцеветы, монеты и скудные запасы еды, и кинула охотнице. – Я свободна. Меня никто не ждет, никто не тоскует по мне. Я вольна идти куда угодно.

Она старалась говорить весело, но жалость к колдунье все равно прокралась в сердце.

– Езжай с нами. Когда вернем Войко, будешь жить в Хрустале. – Зоран уже держался за рога оленя, которые служили ему поводьями, но не спешил бить скакуна по бокам. – Палачи туда больше не сунутся, когда докажем, что вины нашей ни в чем нет.

Руслана бодро закивала, но Уйка этого не увидела. Она ретиво сдергивала с Князя обмундирование, которое швыряла в снег. Когда на коне не осталось ни клочка выделанной человеком кожи, ткани и ни кусочка железа, Уйка забралась на Князя, обняла его за жилистую шею.

– Наши пути здесь разойдутся, – шепнула, не глядя товарищам в глаза. – Я чувствую это так же остро, как и то, что еще свижусь с вами.

«А если нет?» – свербела в затылке горькая мысль, но вслух Руслана сказала другое:

– Береги себя, Уйка.

– Сияйте ярко, – улыбнулась она на прощание и нежно провела по шее Князя. – В путь.

Там они и разминулись. Князь исчез среди деревьев, а олень рванул прочь из лесу. Он мчался так быстро, что перед глазами все смешалось. Руслана, пытаясь не рухнуть со скакуна, обняла Зорана за талию, прильнула к нему грудью, щекой прижалась к крепкой спине.

Она знала, что расставание ему сейчас переживать вдвойне тяжелее, чем ей. Зоран снова разлучился с Князем. И на этот раз не ясно, надолго ли?

Пока мимо проносился лес, перед глазами мелькали воспоминания из их путешествия. Она вспомнила, как в их первую встречу Зоран удивился, услышав, что Руслана ищет сбежавшего жениха. Ну конечно. Ведь уже тогда Зоран знал, что сужден ей *он*, а вовсе не Войко.

Вспомнила, как смело он согласился бросить все, чтобы защищать ее в пути. Теперь она сомневалась, что дело было только в обещании, данном Мой–миру.

Олень пересек лес всего в несколько длинных прыжков. За расступившимися деревьями вдалеке показалось огромное озеро. В ночи оно выглядело черным полотном, растянутым до самого горизонта, у которого сгустился мрак.

Снег здесь был глубоким, но олень в сугробы не проваливался, а несся будто по воздуху. Прямо как Уйка.

Каждая мысль о ней отзывалась в груди болью. Точно кто-то разбил ледяную глыбу, а осколки закинул под ребра.

А что, если палачи нападут на ее след и убьют? Что, если ее видели? Запомнили? Вдруг она больше не найдет места среди людей?

– Все будет хорошо, – Зоран отпустил один рог и накрыл ладонь Русланы своей.

Только тогда она поняла, что сжала руку в кулак и смяла ткань чужого кожуха.

– Мне страшно, – призналась она, закрыв глаза. – Мы скачем в неизвестность.

– Можем остановиться. Уйдем в другой город, спрячемся...

«И, может быть, однажды станем счастливы. Вместе», – услышала она между слов, но так и не поняла, чей то был голос. Ее или Зорана?

– Не могу. Ты же знаешь.

Холод ужалил руку, когда Зоран ее отпустил.

– Знаю, – промолвил он.

Олень остановился на берегу озера и лег, позволяя всадникам слезть. Поблизости не было ни домов, ни деревьев. Идеальный пустырь, о край которого ударялись волны. Вода не спала подо льдом, даже несмотря на лютый мороз.

– Где мы? – Руслана постаралась припомнить все, что Зоран говорил ей об окрестностях леса и городах, окружающих его. Вспомнила карту, нарисованную на снегу, но никакого озера там не было.

– Не знаю. Не помню, чтобы рядом с городами был крупный водоем...

Они приблизились к берегу, но тут же попятнулись – волна чуть не лизнула носки сапог. Руслана присела на корточки, протянула руку к воде, но в последний момент остановилась. От воды исходил такой холод, что немела кожа. Коснешься ее и сам обратишься в лед. А с пальцами прощаться совсем не хотелось.

Олень заревел за их спинами, мордой указывая в сторону озера. Из рта его не шел пар, а хрустальные рога блестели в свете месяца и звезд.

– Мороз там? – Руслана нерешительно приблизилась к животному, и оно вдруг кивнуло.

Черные глаза смотрели осознанно, будто под шкурой оленя пряталось мудрое существо, жизнь которого исчисляется веками.

По коже почему-то прокатились мурашки, а Руслана не смогла сдержать внезапный порыв и поклонилась.

– Спасибо за помощь.

Олень не поклонился в ответ. Он гордо прошествовал мимо и остановился на берегу. Только тогда он опустил голову, рогами коснувшись воды. По ней побежали крошечные волны, что не исчезали, даже столкнувшись с крупными гребнями, мчавшимися к берегу. Они скользили все дальше, пока не достигли отражения месяца.

Озеро ожило, вода загудела.

Зоран выставил в сторону руку, не позволяя Руслане выйти вперед. Вместе они сделали пару шагов назад, но замерли, когда отражение месяца на воде вдруг поднялось на ее поверхности, стало объемным и качнулось, точно люлька.

Волшебная лодка медленно подплыла к берегу.

Руслана привстала на носочки, чтобы увидеть – внутри «месяц» был полым. Действительно лодочка, где двоим в самый раз хватит места.

– Идем?

В свете месяца, лежащего на воде, глаза Зорана казались почти желтыми. Каждая его черта была как на ладони. Он кивнул, но во взгляде Руслана все равно прочла сомнения.

– Я первый. На всякий случай.

Зоран осторожно поставил на борт одну ногу, затем вторую. Месяц качнулся, но от берега не отстал. Зоран нерешительно коснулся одного рога. Не обожжет ли небесный свет? Но ожившее отражение не ужалило, не опалило. По-прежнему излучало спокойное сияние, которое превращало воду вокруг лодки в жидкое золото.

– Хватайся за мою руку. Вот так. Осторожно. Ничего не забыла?

Руслана села на лавку у одного рога, напротив берега, и положила под нее почти опустевшую суму. Проверила колчан, коснулась рукояти лука.

– Все на месте, – кивнула она, и лодка как по волшебству тронулась.

Олень снова заревел, копытом топнул о берег и помчал прочь. Руслане показалось, что он скакнул в снежный вихрь, в котором и растворился, распавшись на снежинки. Привиделось?

– Кому расскажешь – не поверят. – Зоран сел на лавку напротив Русланы. Лодка была небольшая, и их колени почти соприкасались. – Мы плывем на ме– сяце!

– На его отражении, – мягко улыбнулась она и кивнула на небо. – Настоящая луна все еще следит за нами.

– И точно. Но так еще чуднее.

Его глаза горели неподдельным детским восторгом. Руслана и сама ощущала себя как во сне и, может, только потому решила сказать:

– Ты выглядишь счастливым. – Она улыбнулась, застенчиво отведя взгляд. – Светишься ярче нашей лодки.

– Просто сейчас мне и правда хорошо, – его голос шелестел чуть громче, чем вода, которую рассекал серебряный бок месяца. – Мы в безопасности. Здесь тихо и спокойно.

– А еще мы плывем неизвестно куда. – Руслана наклонилась так, чтобы взглянуть на пустой горизонт позади себя. Все-таки это не озеро, а море. Берега не видать. – К тому же ночь не вечна. Рано или поздно взойдет солнце. Отражение луны испарится. Что тогда будет с нашей лодкой?

Зоран сник, и Руслане стало горько оттого, что она погасила его улыбку. Она сцепила руки в замок и опустила голову, чтобы не видеть потускневших зеленых глаз.

– Жаль, что моя нечеловеческая кровь бесполезна. Я не умею ни летать, ни колдовать, ни бегать по ветру...

– Или по воде, – подсказала она, представив, как Зоран тащит за собой лодку, в которой сидит Руслана.

– Или по воде, – улыбнулся он, но уже совсем не так искренне. – А если бы я умел менять форму, то даже рассвет был бы нам не страшен. Вспорхнул бы птицей и тебя понес за собой.

Будь Зоран оборотнем, умел бы оборачиваться ястребом с золотыми перьями, думалось Руслане. Но он – дитя неупокоенного – унаследовал только смешанную кровь.

– Наполовину человек, а наполовину... кто? – короткая усмешка тенью скользнула по губам. – Я даже не знаю, кто я.

Его боль оплетала Руслану тугой веревкой. Она-то знала. И была единственной, кто мог рассказать Зорану хоть крупицу правды.

– Я слышала, как одна из русалок на поляне сказала, что ты дитя огненного змея, – соврала она, глядя на удаляющуюся белую ленту берега.

– Огненного змея? Но так ведь называют души покойников, которые являются к тоскующим девушкам.

Она чувствовала на себе его взгляд, но боялась встретить его.

– Может быть, русалка ошиблась? – выдавила Руслана из горла, которое изнутри обжигала ложь.

Лодка медленно покачивалась, двигаясь все дальше от берега. Над водной гладью повисла тишина, и Руслана решила, что Зоран ее больше не на– рушит.

– Нет, это похоже на правду, – не своим голосом сказал он, когда Руслана уже начала дремать, привалившись к серебряному рогу за своей спиной. – Моя семья – мне неродная. В этом не сомневаюсь.

– Почему?

– Руслана... Я ведь не слепой и не дурак. Тот дом никогда не был моим.

Почему-то она поняла, что говорил Зоран не об избе, в которой провел какую-то часть своей жизни, а о людях. Может, потому что одиночество, что сквозило в его голосе, было холоднее, чем северный ветер, который подгонял их лодку?

– Тебе стоило сказать мне на поляне, что та русалка что-то знает.

Руслана до боли прикусила губу. Зачем она поддержала эту тему?

– А если она ошиблась? Ты готов внимать лжи и из-за нее убиваться? Неужели так важно, чья кровь в твоих жилах?

Их взгляды встретились – будто две расколотые льдины нашли друг на друга.

– Зоран, я не знаю никого, кто был бы хоть вполовину так же добр и храбр, как ты. Ты отправился со мной на край света, и даже не смей говорить, что дело только в просьбе моего отца.

– Думаешь, если бы не было никакой клятвы, я бы все равно пошел с тобой?

– Не сомневаюсь, – глядя в его глаза, припечатала Руслана. И это было чистой правдой. – Скажи, если я не права.

Но Зоран упрямо молчал и глаз не отводил. Лишь когда его взгляд всего на миг скользнул к суме, которую Руслана кинула под лавку, она спросила:

– Из-за сердцевцветов? Из-за них ты со мной?

Она достала из сумы венки, положила себе на колени. Цветы были краснее кафтана. Яркие рубины в серебряном свечении – они выделялись и казались инородными в этом мире.

– Я хочу верить, что судьба не ошиблась, – обронил Зоран и стыдливо поджал губы. Пальцы его сжались в кулаки, золотые волосы упали на ссутуленные плечи.

Больше Зоран ни слова не обронил, но сердце Русланы сжалось, а кровь прилила к щекам. Несмотря на лютый холод, стало очень жарко, будто не на месяце они плыли, а на осколке солнца.

Всего на мгновение Руслана увидела себя его глазами и мелко задрожала от восхищения, тесно сплетенного с отчаянным желанием быть любимым. Быть кем-то важным для кого-то, столь же важного тебе.

– Я привык, что всегда один. Но ты...

Зоран резко замолчал, когда с берега послышался шум. Ржание лошадей и злые, резкие голоса не оставляли сомнений – палачи их догнали.

Руслана встала, и лодка чуть качнулась. Зоран придержал охотницу за руку, чтобы придать той уверенности, и поднялся сам.

Их было около тридцати человек. Черные кафтаны даже в ночи выделялись на фоне белого снега, хотя лица рассмотреть уже не удавалось. Однако одного из палачей Руслана узнала.

– Пламень там.

В животе клубком змей заворочался страх. Что, если они поймали и убили Уйку? Пальцы впились в рукоять лука, но мягкое касание Зорана помогло выдохнуть напряжение.

– Они ее не видели. Иначе бы потащили за собой. Живую или мертвую.

– А вдруг они разделились? Часть поехала за нами, а остальные за Уйкой?

– Нет. Возле ведьминой избы палачей было почти столько же. Это все, кто выжил после пожара и нападения волков.

Руслана не спешила накладывать стрелу на тетиву. Бессмысленно. Отсюда вряд ли выйдет хорошо прицелиться. К тому же сильный ветер наверняка снесет стрелу. Так что они с Зораном в безопасности. Как и палачи.

– О чем они спорят? – пришлось прищуриться, чтобы разглядеть хоть что-то. – Кричат еще...

– Руслана, давай сядем, – Зоран потянул ее за руку, но девушка послушалась не сразу. Все пыталась рассмотреть врагов, от которых уберегло лишь чудо.

Явись палачи немного раньше, и дождя из стрел было бы не избежать.

– Хорошо. – Руслана бросила последний взгляд на преследователей и опустилась на лавку, под которой лежал венок из сердцевцветов.

– В следующий раз увидим их, когда вернем Войко.

– Или не увидим вовсе. Слухи донесут до них правду, – усмехнулась Руслана в последний раз... А потом услышала глухой короткий звук и ощутила горячие соленые брызги на своих губах.

Медленно она поднесла руку к лицу. Отчего-то дрожащими пальцами коснулась влажной кожи, а потом взглянула на подушечки... Красные. Алее, чем сердцевцветы в ее венке.

– Зоран!

Стоя перед ней, страж вдруг покачнулся, а потом рухнул на лавку. Месяц сильно накренился в сторону рога, к которому привалился Зоран, но быстро выровнялся и поплыл дальше. Прочь от берега, который неторопливо покидали палачи.

Они выслеживали не Руслану. После той ночи в Цирконе Зоран стал их целью.

И теперь стрела прошивала его грудь там, где отчаянно трепыхалось раненое сердце.

– Зоран!!!

Кровь окрасила козух темным пятном, которое неумолимо быстро разрасталось. В центре его торчало древко, насквозь

прошедшее грудь, а черный наконечник смотрел прямо на Руслану.

«Ты, – будто указывала стрела. – Ты во всем виновата».

Она вскрикнула, тряхнула головой, прогоняя безумное видение. Потянулась чтобы зажать рану, но сама порезалась наконечником. Зашипела от боли, но сделала это по привычке, ведь саму боль почти не ощущала. То, что сейчас рвало изнутри, было во стократ ужаснее.

– Что делать? Что делать?! – стонала она, не зная, переломить ли стрелу, чтобы вытащить ее из Зорана, или не трогать, дабы не ускорить потерю крови.

– Убери, – прохрипел Зоран, и кровь хлынула уже из его рта. – Не могу...

Алая на фоне почти белой кожи, она так сильно напоминала проклятые цветы, что завели их сюда...

– Сейчас, Зоран. – Слезы катились из глаз крупными хрустальными каплями. – Сейчас. Потерпи. Просто потерпи.

Она всхлипнула, когда древко хрустнуло. Швырнула половину стрелы с наконечником под лавку. Перевернула стража на бок, вытянула из спины Зорана вторую часть стрелы, с оперением, и кинула туда же. Зоран стонал, но не кричал от боли. Силы покидали его так же скоро, как и кровь.

Как и жизнь.

Руслана смотрела на его кожу, белую и холодную, как снег. На свои руки, алые от чужой крови, что все равно текла, вырывалась толчками, как бы сильно охотница ни зажимала рану. На зеленые глаза, в которых умирала весна.

«Я привык, что всегда один».

Он жил с этой мыслью, но Руслана не хотела, чтобы с ней же он и умер.

«Ты не один», – сказала она своим первым и последним поцелуем, который подарила Зорану. Прильнула к нему, не думая, что теперь и ее кафтан испачкан красным, не беспокоясь, что и ее губы – алые от крови, забывая, что соль на кончике языка – это слезы, которые лили они оба.

Зоран ответил на поцелуй, хотя едва мог шевелиться от боли. Обнял Руслану крепко-крепко, но тут же замычал, потому что рана и переломанные стрелой ребра дали о себе знать.

Руслана хотела подвинуться, чтобы не давить своим весом на Зорана, но он не пустил. Не позволил отстраниться, не дал отнять дрожащие руки от его холодеющего лица.

«Пей мое последнее дыхание», – умолял Зоран, и Руслана не посмела оставить его одного.

Дурно от мысли, что вместо того, чтобы пытаться спасти Зорана, она исполняла его предсмертную волю. Тошно от собственной беспомощности, которая сводила горло, перехватывала дыхание.

«Не могу выдохнуть», – проскользнуло в голове. Но стоило разорвать поцелуй, как вместо воздуха изо рта вырвался отчаянный крик. Такой громкий и протяжный, что засадило горло.

Но никто – никто! – не мог его услышать.

Руслана, не переставая с криком рвать себя на куски, прижалась лбом к груди Зорана. Он уже почти не дышал и едва-едва гладил девушку по волосам.

– Смот-ри, – одними губами сказал он.

Руслана проследила за тем, куда смотрели его стеклянные, почти безжизненные глаза. Там ветер нес над озером алые лепестки сердцевцветов. Никакого венка больше не было. Цветы исчезли, выполнив свою цель, – подсказка услышана. Суженые нашли друг друга.

Нечестно. Жестоко. Не может все быть настолько несправедливо!

– Прости, что подвел тебя, – слова булькали в его горле вместе с вытекающей кровью. – Я хотел быть с тобой... до конца.

Руслана с силой давила на рану, но это не помогало. Больше не хватало духу смотреть на лужу крови, что вытекала из-под Зорана на сияющий борт. Она отвела глаза, попыталась сморгнуть слезы, которым не было конца. От них все плыло, казалось каким-то нереальным, смутным. А потому девушка даже не вскрикнула, когда из-под воды, которой коснулись алые лепестки, показалась нечеловечески огромная рука. Настолько большая, что без труда могла бы сжать в кулак лодку и раздавить путников.

Привиделось, решила охотница и, как могла, утерла мокрые глаза рукавом кафтана. Но мираж никуда не исчез, а поднятые волны сильно раскачали месяц.

Перед лодкой посреди бескрайнего моря из-под толщи воды появилась великанша невиданной красоты. Ничего, кроме жемчужных

бус, на ней не было. Нагое, искрящееся в лунном свете тело прикрывала вода, из которой она выглянула лишь по плечи, и длинные волосы цвета водорослей. Лазурные, как самый глубокий океан, глаза смотрели на Руслану с неподдельным интересом.

И хоть не чувствовалось в красавице угрозы, Руслана все равно дрожала всем телом.

– Ты пришла за ним? – спросила она, подбородком указав на Зорана, и крепко сжала челюсти. Не отдаст. Пока он дышит, она не посмеет сдать. А даже если его сердце остановится, не оставит стража. Они вернутся в Хрусталь вместе. Как и собирались.

– Я слышала плач и пришла посмотреть, что происходит, – слова духа звенели, как ручей. Она придвинулась ближе к лодке, вновь подняв волны, склонила голову чуть набок, с жалостью смотря на Зорана.

Он уже ничего не видел. Его глаза закатились, дыхание стало поверхностным и неглубоким.

– Можешь спасти его? Я заплачу любую цену! Заключу любую сделку! Я...

– Мне не нужно ничего от тебя. Я хранительница вод. Единственное, чего жажду, – это покоя.

Одна рука Зорана лежала на бортике лодки. С кончиков пальцев в воду капала кровь. То же заметила и хранительница и сморщила бледный нос.

– Он станет вихрем, когда умрет. Мороз заберет его себе, – холодно произнесла великанша, глубже погружаясь обратно под воду, которая уже достигала ее подбородка.

– Вихрем?! Безвольным ничем, что будет гулять по свету, не помня самого себя?

– Ошибаешься, – прогудел голос. – Не все вихри остаются безвольными слугами зимы. Самые сильные души вновь обретают человеческую плоть и новую жизнь. На это уходят века, но время рождает в таких духах небывалую мощь. Вдруг твоему суженому повезет переродиться сильным вихрем?

– Зубы мне заговариваешь? Хочешь, чтобы я просто сдалась и отпустила его?! Не бывает такого, чтобы вихри становились людьми. Я никогда о таком не слышала!

– Зато видела.

Осознание прошло сердце морозной стрелой.

Уйка.

Дыхание замерло на губах на пару мгновений. Слезы на глазах иссохли. Но уверенность не ослабла.

– Спаси Зорана. Ему всего-то нужно остановить кровь!

– Не получится. Половина его уже мертва, отравлена ядом. Я чувствую запах, который исходит от его крови, – хранительница втянула носом воздух, и ветер стал сильнее. – Толченая кость и пепел.

И снова Руслану швырнуло в жар, будто она опять стояла посреди горячей избы Мирины. В ушах зазвенел крик умирающей в колдовском огне ведьмы, а в памяти – рассказы о том, что из духов и чародеев палачи готовят яды и губительные порошки.

Новая красная капля сорвалась с руки Зорана и растворилась в воде. Кожу лизнула ледяная дрожь.

– Вы травите мои воды, – с ураганной суровостью прогремели слова хранительницы. Она почти безразлично наблюдала за тем, как Руслана торопливо распахивает кожух Зорана, задирает пропитанную кровью рубашку. – Ты его не спасешь...

Под одеждой от места ранения по коже Зорана расплзлась черная скверна. Она пробиралась в глубь тела, разъедая и расслаивая плоть до уже трухлявых костей, добиралась от сердца до шеи и плеч. Белыми хлопьями на черной коже выступал гной, что сочился из каждой поры. Руслана задышала через рот, чтобы не чувствовать тошнотворный гнилостный запах, но желудок все равно подскочил к горлу.

Зорана убивал яд, а не кровопотеря.

Но Руслана ведь тоже поранилась отравленной стрелой, однако царапина на руке казалась совершенно нормальной. Слегка кровоточила, саднила, но не было ни намека на разложение, как у Зорана.

Палачи охотились за ведьмами и духами. Духа они и ранили.

– Ты сказала, что Мороз заберет его себе в слуги, – несмотря на слезы, голос Русланы звучал твердо и непоколебимо. – Так отведи нас к нему. Сможешь?

– Смогу. Я знаю эти переменчивые воды, как никто другой. Дворец Мороза стоит то на юге, то на севере, то вовсе исчезает с приходом весны, но я всегда знаю, как найти к нему путь.

– Тогда помоги, – снова попросила Руслана. Она запахнула одежды Зорана, накрыла его мятлём, и теперь казалось, что страж просто спит. – За этим мы и собирались пересечь твои владения. Мы ищем Мороза.

– Он слабеет и не спасет твоего суженого...

– Просто помоги. Пожалуйста.

Хранительница с отвращением смотрела на капающую в воду кровь. Заметив это, Руслана поправила руку Зорана так, чтобы та лежала не на борту лодки, а на животе стража. Только тогда хранительница кивнула:

– Лишь потому, что это принесет покой.

Великанша нырнула, а потом лодка сильно качнулась. Руслана вскрикнула и налетела на рог месяца, по которому сползла на лавку. Ветер засвистел в ушах, а блики звезд побежали по водной глади. То хранительница подхватила лодку на ладонь и понесла ее над морем.

– Я обязательно спасу тебя, – шепнула Руслана, стиснув мокрую от крови ладонь Зорана.

Ей была невыносима мысль, что он умрет из-за нее. А потому, когда на горизонте показался ледяной дворец с высокими башнями, хрустальными лестницами и резными наличниками, Руслана не испугалась.

Глава 15

Госпожа Стужа

Хранительница опустила лодку на заснеженный берег, который почти сразу переходил в ступени изо льда. Те вели в чертоги Мороза, раскинувшиеся под хрустальными башнями.

Руслана в жизни не видела таких красивых строений, но теперь восхищаться ими не было ни желания, ни сил, ни времени.

– Спасибо, – поклонилась она хранительнице, после чего великанша молчаливо кивнула и скрылась под толщей воды. Глаза ее загадочно сверкнули, точно жемчуг на морском дне, а затем исчезли вместе с духом.

Исчезла и лодка. Месяц просто растворился в воздухе, не оставив после себя даже серебряного сияния.

– Давай я помогу. – Руслана шмыгнула покрасневшим от мороза и слез носом и подхватила Зорана под плечо.

Тащить его оказалось куда тяжелее, чем она думала. Высокий, жилистый страж тянул Руслану вниз, к снегу. Каждый шаг казался пыткой, но сдаваться охотница не собиралась. Она рычала сквозь зубы, шипела, но тянуть не переставала даже тогда, когда скользкие ступени несколько раз сбросили их обратно на берег.

Кафтан и шапка побелели от снега. Пальцы липли друг к другу от чужой крови. Глаза щипало от подступающих слез. Горло давил сдерживаемый крик бессилия.

Зоран не шевелился. Проверять его дыхание было страшно.

Вдруг уже слишком поздно?

Руслана в очередной раз поднырнула под безвольную руку. Зубы скрипели от того, как сильно она их сжала, когда вставала. Но ноги уже дрожали, а мышцы были мягче, чем подушка, набитая лебяжьим пухом.

Она не сможет сделать это одна.

Руслана сдернула с себя колчан и лук, швырнула их в снег, чтобы не мешались. Сняла ножны Зорана, которые весили с небольшой мешок муки. Даже понимая, что все ее потуги бессмысленны, не могла позволить себе опустить руки.

И вот, когда в очередной раз она кое-как подтащила Зорана к первой ступени, на самом верху лестницы показался чей-то силуэт.

Девушка. Тонкая, как угольный росчерк. Светлая, как утренняя звезда.

Сияна смотрела на Руслану сверху вниз всего пару мгновений, но стоило охотнице позвать на помощь, умчалась прочь. Исчезла в холодных чертогах.

Может, оставить Зорана тут ненадолго? Подняться одной, найти хоть что-то или кого-то, способного помочь?

Но помощь пришла сама.

– Руслана? Это правда ты?

Войко был одет точно так же, как и в вечер их сорванной свадьбы: тот же кафтан, те же дорогие сапоги и шапка. Разве что выглядел он куда бледнее обычного. Да и исхудал будто. Светлая кожа обтянула скулы, и глаза на ее фоне казались черными дырами. Темные волосы спутались, будто их и не расчесывали вовсе.

Но это точно был Войко! И глаза его горели той же надеждой, какую сейчас ощущала Руслана.

Войко подлетел к ней, помог держать Зорана. Вместе они потащили его вверх по лестнице.

– Как вы тут оказались? – взволнованно спросил Войко. – И кто это с тобой?

– Мой настоящий суженый, – Руслана старалась не отвлекаться, чтобы случайно не поскользнуться на ледяных ступенях, поэтому ответила коротко. – А остальное – долгая история.

– Значит, мне не показалось? – Войко шел легко и быстро, несмотря на то что по большей части тащил Зорана на себе. – Те цветы уже были на твоём окне, когда я пришел.

Она кивнула, подумав о том, как бы просто все было, разберись они во всем сразу.

– Давай помогу. Ты вся в крови...

От неожиданности Руслана чуть не запнулась. Никак не рассчитывала, что на помощь ей придет Сияна. Но она уже стояла рядом. Глаза голубые, как незабудки. Тугая коса местами покрылась инеем. Личико детское, миловидное, но руки сильные, а воля – железная.

– Ведите нас к Морозу. Только он может помочь.

Она сделала вид, что не заметила, как возлюбленные переглянулись. Сочувственно. С горечью и сожалением. Но никто из них не сказал ни слова. Не посмел разрушить последние надежды на спасение Зорана.

Войко и Сияна быстро помогли Зорану добраться до двустворчатых резных дверей, что открывались в просторные, но пустые чертоги, в которые Руслана вошла следом за всеми. Здесь не было ничего, кроме высоких потолков, хрустальных сводов и кое-как выточенных из льда пары лавок и стола.

– Как вы здесь живете? – озираясь, спросила охотница. – Что вы едите? Как спите в этом холоде?

– Нелегко, – отозвалась Сияна, стуча зубами. Они с Войко не остановились в первом зале, повели незваных гостей дальше. – И бежать отсюда некуда... Я видела вашу лодку. Вы пришли сами. Зря вы это сделали.

– Мы шли за вами.

Войко и Сияна обернулись, изумленно взглянули на Руслану. Не верили ей. Тогда она коротко рассказала обо всем, что случилось после того, как пропал Войко, а потом сменила Сияну, снова нырнув под плечо Зорана. Говорить об их приключениях, со стороны глядя на то, как он истекает кровью, было невыносимо. Лучше быть рядом с Зораном, даже если мышцы сведет от боли, а дыхание станет обжигать легкие, точно огонь.

– Это все из-за меня, – из-за спины послышался тонкий голос Сияны. – Дуреха, поверила ведьме и пошла в лес искать лягушку для отворота.

Несмотря на усталость, Руслана хмыкнула, прекрасно понимая, *от кого* Сияна собиралась возлюбленного отвернуть.

– Упала в озеро, чуть не погибла там, – уже шепотом она добавила: – Хотя лучше бы погибла...

– Сияна! – прикрикнул Войко и покрепче подхватил Зорана. – Я ведь говорил тебе!..

– Если бы Мороз меня не спас, то не стал бы требовать, чтобы я вернула долг! Не просил бы, чтобы стала следующим духом зимы! А если бы я не плакала по тебе так горько и долго, он бы не украл тебя со свадьбы, лишь бы я согласилась остаться владычицей в его дворце! Не

было бы никаких палачей... Не было бы крови, боли и слез. Подумаешь, женился бы на другой...

И тут все сложилось в голове Русланы с такой ясностью, что захотелось смеяться до боли в животе, до кашля.

– Что ты такое говоришь? – Войко бы всплеснул руками, будь они у него свободны. – Нет вины в том, чтобы оказаться не в то время не в том месте. Это просто совпадение.

– Но тем не менее Мороз не отпустит меня, пока я не соглашусь! А я... я не могу этого сделать! Не могу стать духом зимы! Мне страшно!

Девушка всхлипнула, и Руслана строго-настрого запретила себе оборачиваться. Нечего травить душу чужими слезами, когда своих – непролитое море.

– Но если я не соглашусь, – продолжала плакать Сияна, и голос ее гулким эхом прыгал между ледяных стен сменяющихся залов – безликих близнецов, выкованных Морозом, – мы умрем. Он не отпустит нас, пока не добьется своего! Я не хочу становиться духом и тебе, Войко, не позволю! Но и не хочу, чтобы мы умерли. Из-за меня!

И завывала еще пуще.

Не будь Руслана так сосредоточена на том, чтобы не уронить Зорана или самой не рухнуть под ним, непременно бы стукнула Сияну по лбу. Вот ведь богатенькая дурочка! Из-за ее прихоти Мороз украл из Хрусталя Войко, и теперь он страдает вместе с Сияной. Потому что ей так захотелось!

– Мороз ищет замену?

Сияна хлюпнула носом:

– Сказал, что только человек с чистым сердцем и по доброй воле может занять его ледяной трон. А много ли дураков, кто готов на такое? И так сойдет, ничего страшного.

– Ошибаешься, – хмыкнула Руслана. Она видела, к чему уже приводит слабость нынешнего хозяина зимы. Солнце даже зимой палит так, как не каждое лето жарит. Что будет дальше? – Колесо года, коли сойдет с колеи, раздавит все живое. Рано или поздно.

Войко глянул на нее из-под черной челки с неподдельным ужасом. Только вот Руслана эти чувства уже не разделяла. Душа, до дна испытая терзаниями, иссохла, как иссохнут княжества под обезумевшим от свободы и мощи солнцем.

– О каком колесе ты говоришь? Не понимаю. Но мы... мы... Мы все равно умре-о-ом, – редела Сияна так, что стены едва не дрожали. – Даже если Мороз окончательно ослабнет и погибнет, дворец рухнет! Мы сгинем под завалами! А даже если нет... Как пересечь море? Лодки больше нет!

– Мы все вместе что-нибудь придумаем, – успокаивал Войко. – Руслана и... хм...

– Зоран.

– Руслана и Зоран нам помогут. Вместе мы выберемся отсюда.

Но Руслана не верила в это. А еще чувствовала – что-то изменилось.

Она повернула голову, лицом к лицу оказавшись с нечеловечески бледным Зораном. Алая кровь на его подбородке была единственным ярким, пугающим пятном.

Руслана с замиранием сердца подняла руку к губам стража, и сердце ее ушло в пятки.

– Мы опоздали. Он не дышит, – слова сорвались, точно лезвие топора, вознесенное над шеей смертника. – Не дышит...

Ноги подкосились, и Руслана рухнула на пол. Войко не удержал Зорана, и страж безвольно ухнул наземь рядом с ней. Руслана завывала волком даже громче, чем недавно выла Сияна. Обняла уже мертвого Зорана, прижалась к нему так крепко, будто пыталась передать кусочек собственной жизни ему.

– Руслана! Руслана! – звенели вокруг чужие голоса, но все они – как жужжание мух. Раздра– жали.

Это она должна была умереть! Ей Мирина нагадала скорую смерть! Так почему погиб Зоран?!

– Позовите Мороза, – умоляла она, не поднимая глаз от навеки застывшего лица. – Сейчас же! Я заплачу любую цену! Пусть только спасет Зорана!

– Он не сможет. Нельзя, – говорили ей, но она все повторяла и повторяла:

– Мороз! Мороз! Мороз!

И он пришел вместе с вьюгой, которая пронеслась по пустынному залу колючим вихрем. Мороз предстал перед Русланой в белом кафтане и остроконечной шапке. Когда-то, может быть, он был великим и пугающим богатырем, но теперь больше походил на

сморщенный гриб. Седой, с густой бородой до пояса, которая походила на клочок пышного облака, и с глубокими морщинами, что чудом не въедались в кожу до самой кости. Былая мощь утекала из старика с каждым мгновением, но он все еще внушал Руслане, простому человеку, благоговейный трепет.

Не сиди она уже на полу, то непременно склонилась бы, как это сделали Войко и Сияна. Девушка и вовсе упала на колени и захныкала, как дитя. Однако ни слова Сияна своему пленителю не сказала, проглотив от страха язык.

Но Мороз на Сияну даже не смотрел. Взор холодных очей был устремлен лишь на Руслану.

– Спаси его! Не позволяй ему обратиться вихрем, – проговорила она, так же прямо смотря на Мороза. И хоть сидела перед ним на коленях, в голосе не было ни намек на уязвленность. – Я заплачу любую цену.

Мороз склонил голову набок, сцепил морщинистые руки за сгорбленной спиной. Краем глаза Руслана видела, как на нее в немом изумлении уставились Войко и Сияна. Знали, что попросит Мороз взамен на жизнь Зорана.

Однако и Руслана давно догадалась, чем придется платить.

Она дернула плечом, потерлась о него щекой. Показалось, что там снова чернела зола от украшений, но то был лишь призрак прошлого.

– Даже будь я на пике своих сил, мне неподвластно вернуть к жизни твоего суженого. Он уже шагнул за грань, откуда вывести его сможет лишь тот, за кем юноша сам будет готов идти. Но смертным дорога в царство мертвых закрыта.

– Я знаю, что ты слаб и ищешь замену. Ею должна стать только Сияна? Или любой человек может стать духом зимы? – смело спросила Руслана.

Войко и Сияна подлетели к ней. Начали что-то шептать, отговаривая: «Не надо. Одумайся!» – но Руслана только махнула рукой, прося умолкнуть.

Мороз усмехнулся в белоснежную бороду:

– Сложно найти того, в ком сочетается добрая душа и жертвенность. Последнего не хватает многим достойным, – Мороз с укоризной посмотрел на Сияну, но та этого даже не заметила. – Но ты,

Охотница, подходишь. В тебе есть готовность и достаточно силы, а сердце твое – чистое и светлое. Только такое может жить веками.

– Если я займу твое место и стану... духом, то смогу спасти Зорана?

– Только если он захочет спасенным быть. Но человеком ему уже никогда не стать, даже наполовину.

«Как и мне», – мысль ножом вонзилась в сердце.

Вот она, та смерть, о которой предупреждала Мирина. Не вернуться Руслане в родной дом, больше не взглянуть в глаза родителей, не ходить на охоту в лес.

Она больше никогда не увидит весны.

– Я согласна. Что нужно делать?

И как бы ни отговаривали ее Войко и Сияна, как бы ни лили слезы, Руслана знала, что ее решение – освобождение для них. Наконец-то их муки в ледяном дворце окончатся. Возлюбленные вернуться домой, тогда как дом Русланы отныне здесь – на колдовском острове из снега, скрытом от чужих глаз.

Мороз призвал вихрей – мелких духов, похожих на кошек, ходящих на задних лапах. Тощие, востроголовые и слепленные точно из снега, они без труда подняли тело Зорана и понесли его вслед за прихрамывающим господином. Рядом с ними шествовала и Руслана.

Зубы стучали от холода и страха перед неизвестностью, но воля оставалась тверда.

– Мы будем ждать тебя здесь, – крикнула напоследок Сияна.

– Возвращайся, Руслана! – приложил руки ко рту Войко и помахал уходящей охотнице рукой.

Никто из них не побежал за ней следом. Не попытался остановить или вызваться вместо Русланы.

«Все верно, – подумала она, – у меня был повод принять на себя эту ношу. Облегчения в них сейчас больше, чем тоски или страха».

Она нашла в себе силы и выдавила слабую улыбку, как бы говоря: «Все будет хорошо. Это мой выбор». А затем одни ледяные двери захлопнулись, отсекая от прошлого зала, а другие открылись.

Этот проход вел на улицу, во внутренний двор. Точно дно колодца, зимнюю поляну окружали ледяные стены, а прямо в центре серебрилось крошечное озеро, у которого белели наряженные инеем и

снегом ивы. Несмотря на лютый холод, на поверхности водоема не было ни намека на корку льда.

– Проведешь в этом озере ночь, и наутро проснешься духом.

– Так просто?

Мороз рассмеялся, и воздух стал холоднее прежнего. Каждое его движение зачаровывало. Нет, просто совсем не будет, поняла Руслана.

– А что станет с тобой, когда займу твое место?

– Ничто не вечно, девочка. Даже самые яркие звезды однажды гаснут. Настало и мое время раствориться во времени.

– Это больно?

– Нисколько. Однажды сама узнаешь.

Руслана последний раз посмотрела в бесконечно синие глаза Мороза и содрогнулась. С виду вроде человек, но во взгляде – накопленная столетиями мудрость и почти ни толики чувств. Их выжгло время, которому Мороз уже потерял счет.

Вихри, попискивая, как волчата, убежали во дворец. Собирался уйти и Мороз. Уж больно долго Руслана стояла на берегу и в молчаливой задумчивости смотрела на воду.

– погоди, – позвала она, не оборачиваясь. – Расскажи, как спасти Зорана?

Голос Мороза хрустел, как вековой лед, как снег на вершинах гор.

– Чтобы родился дух, должен умереть человек. Когда это случится с тобой, окажешься у Мирового дерева. На его ветвях – души умерших и неродившихся, но тебе среди них места нет. Ты должна будешь уйти, но прежде, чем сделаешь это, можешь найти своего суженого среди других душ. Позови его с собой, и, если он захочет, вы переродитесь вместе.

Мороз ушел, прикрыв за собой тяжелые двери. Двор накрыла тишина, в которой Руслана как никогда громко слышала стук своего сердца. Скоро оно умолкнет навсегда.

Но она помнила, как однажды решила – не только Зоран будет защищать ее, но и она станет заботиться о нем.

Она обняла его хладное тело, ближе подтащила к кромке воды. Почему-то казалось, что, если Зоран хотя бы *так* будет рядом, у нее, у *них*, все получится.

Озеро с плеском впустило в себя охотницу и ее стража. Еще никогда Руслана не ощущала столь сильного холода. Зубы стучали так,

что было почти больно. Озноб бил тело, и сердце замирало от стужи, что вгрызалась в кости.

Охотница, сидя в воде, обняла Зорана, и его тело безвольно завалилось набок. Это так остро напомнило, что Зорана больше нет, он умер, что Руслана не смогла сдержать новых слез. Плакала она и по дому, в который больше не вернется. Плакала о свободе, которую меняла на силу.

Крупно дрожа от убийственного холода и смертоносной тоски, скоро она уснула так же крепко, как и Зоран, что беспробудно спал рядом с ней.

* * *

Сначала было пение, расколовшее кокон тьмы. Женские голоса сливались в нежную мелодию, которая навевала светлую тоску. Слова, звучавшие на древнем языке, разобрать не получалось, но смысл читался в музыке.

Ничто не вечно. Все конечно. И как бы ни была тяжела и жестока жизнь, за ее гранью ждет только покой.

Запах сырой древесины впитался в легкие, а пение вьелось в разум. Руслана так долго не могла открыть глаза, что, когда наконец сделала это, ощущала себя в междумирье спокойно и легко.

Великий дуб подпирал небо. Ветви его терялись в облаках, и среди них тут и там порхали волшебные птицы с человеческими головами. Они носили бусы и кокошники, в волосы их были вплетены серебряные или золотые нити с колокольчиками, чей звон тонко сливался с пением. Птицы перелетали с ветки на ветку, на каждой из которых сидели люди. Молодые и старые, богатые и бедные, красивые и полные изъянов. Но каждый из них был умиротворен и спокоен, как и вечный дуб, в чьих ветвях даже ветер не смел играть.

После смерти все равны.

Руслана попыталась приблизиться к дубу, но что-то ее не пустило. Подул ветер, разметав распущенные волосы, которые отныне были белыми как снег.

Ей нет места за гранью. Ее ждет собственный мир.

Однако уходить еще рано.

– Зоран! – крикнула она, и Мировое древо от корней до нижних ветвей покрылось инеем.

Сотни тысяч душ испуганно взирали на новую хозяйку зимы и ежились от внезапно наступившего холода. Птицы не прекращали петь, но некоторые из них спустились вниз и угрожающе завились над головой Русланы.

«Уходи. Уходи!»

Но было ясно: Руслана, покинув междумирье, уже вряд ли вернется сюда вновь.

Зоран все не появлялся. Неужели не хочет откликаться? Не желает даже показаться ей перед последней разлукой?

Руслана вдохнула поглубже, чтобы снова закричать имя, что отзывалось в груди болью... Но вдруг с самой верхушки древа к земле поплыла пылающая золотом искра.

Сердце – или то, что от него осталось, – болезненно сжалось.

У Зорана не было половины тела. Правые рука и нога отсутствовали – след, выжженный палачами. Их яд уничтожил в Зоране духа – совсем.

Он парил над землей, едва касаясь ее кончиками босых пальцев ноги. На лице его не было ни покоя, ни смирения. Лишь печать глубокой печали.

«Зачем? Ты не должна быть здесь», – будто говорил его обреченный взгляд.

Мысль о том, что эти чувства в нем всколыхнуло присутствие Русланы, была невыносима. Она не хотела причинять ему боль, не намеревалась терзать сердце.

– Ты больше не полукровка, – произнесла Руслана и сама удивилась, как звучал ее голос. Он растекался по воздуху лавиной и гудел как вьюга. – Клятва над тобой теперь не властна. Отныне ты не обязан следовать за мной, но я все равно протягиваю тебе ладонь.

Она медленно подняла руку и изумилась, насколько бледной теперь была кожа. Белее заснеженных горных вершин, на которые никогда не ступала нога человека.

– Переродись. Вместе со мной.

Светлые глаза Зорана изумленно расширились, налились светом, точно за спиной Русланы поднялось новое солнце.

Девоптицы возмущенно клекотали. Не хотели отпускать душу обратно в мир живых.

– Не вернуться тебе человеком, – отговаривали Зорана они. – Коснешься хозяйки зимы и станешь духом.

Руслана дрогнула. Раскрытая ладонь сжалась в кулак.

Зачем она зовет его с собой? Она владела его жизнью, но хотела забрать еще и смерть.

Здесь, на ветвях великого дуба, Зоран больше не был одинок. Его окружали тысячи душ, ему пели сказочные птицы. Но если он пойдет с Русланой, у него останется только она.

Девушка уже хотела отдернуть руку, но Зоран поймал ее и сжал так крепко, что пальцам стало го–рячо.

– Я сделаю то же, что ты сделала для меня. Я выбираю тебя, Руслана.

Девоптицы разгневанно забили крыльями, прогоняя от дуба хозяйку зимы и духа, которому больше не было на его ветвях места. Руслана приготовилась нести Зорана на себе, но едва их пальцы сплелись, его тело изменилось.

У него снова было две ноги и две руки. Он весь сиял – кожа, волосы, глаза и одежда, которая превратилась из захудалой рубахи в дорогой кафтан. Все излучало свет, но больше не теплый, как жидкое солнце, а холодный – как самая яркая северная звезда.

Каждый их шаг равнялся тому расстоянию, какое на коне можно преодолеть лишь за несколько дней. Дуб быстро остался позади и растворился в волшебном тумане, будто его и не существовало никогда. Только тогда духи остановились и взглянули друг на друга.

В глазах обоих дрожали слезы, в которых тесно сплетались радость и печаль.

– Зачем ты сделала это с собой? – Зоран нерешительно поднял руку, но так и не коснулся ледяной кожи госпожи.

Тогда она сама наклонила голову, опалив щеку теплом чужой ладони.

– Ты жив, – вместо ответа обронила она.

Слезы ручьями покатались из синих глаз. Но едва капли срывались со щек, они превращались в новые алмазные бусины на белоснежном кафтане.

– Прости, что не сумела защитить тебя.

– Эй, ты чего? – Зоран встал еще ближе к ней. – Я ведь здесь. Все хорошо.

Руслана смотрела в глаза, которые отныне сияли серебром, а не зеленым, и не могла заглушить в себе всхлипы. Зоран окончательно стал тем, кого раньше так боялся.

– Ты стал духом. Из-за меня.

– *Ради* тебя, – поправил он и положил ладони на влажные щеки девушки. – Ты позвала меня, и я пошел. А мог бы этого не делать. Быть здесь – это мой выбор.

Она закрыла глаза, прижалась лбом к его лбу. Зоран обнял Руслану, и она снова ощутила внутри себя тепло. И пусть сердце, подернутое льдом, больше не билось, на его месте будто расцвели огненные бу–тоны.

Руслана обняла Зорана в ответ, на миг забыв, что она больше не человек. Рядом с ним она ощущала себя по-прежнему: всего лишь простой девушкой.

– Ты спасла меня, Руслана. И твоя жертва...

– Это была не жертва. Выбор.

– Хорошо, – его смех щекотал шею, которой почти касались губы Зорана, – твой *выбор* вдохновил меня на подарок.

Он разомкнул объятия и вдруг опустился перед ней на колени прямо на снег. Руслана ошарашенно отшатнулась, завертела головой. Но вокруг только степь. Ни людей, ни зверей, ни духов, кроме них самих.

– Руслана, – Зоран поймал ее ладонь и сжал, умоляя посмотреть на него. – Госпожа Стужа. Я клянусь всегда следовать за тобой. Дни и годы. Столетия и целую вечность.

– Зачем? – обреченно качнула головой она. – Зоран... Зачем ты связываешь себя новой клятвой?

– Потому что вечность, наполненная одиночеством, мне не нужна. Но я готов посвятить ее тебе. Девушке, которая пошла за мной даже за грань.

Ее умолкнувшее сердце екнуло, и Руслана опустилась на колени, встав напротив Зорана. Теперь уже она обняла его первой, шепнув:

– Клянусь беречь твой подарок – мою величайшую драгоценность.

Он гладил ее белые волосы, пропуская локоны сквозь сияющие серебром пальцы. Она обхватила его в объятиях крепко-крепко, вдруг осознав, что совершила невозможное. Украла Зорана у самой смерти. Стала духом ради него.

Они отстранились, замерев друг перед другом на расстоянии вдоха. Из рта больше не шел пар. Оба не чувствовали холода. Под их ребрами больше не стучали сердца.

Однако Руслана знала, что кое-чего ни смерти, ни вечной жизни у них не отнять.

– Наши души из сияния одной звезды вылиты, – промолвила она, слабо улыбнувшись.

– И судьбы одной нитью свиты, – шепнул Зоран, и его губы легонько скользнули по губам Русланы. – Навеки.

– Навеки.

Ладони Зорана переместились выше, коснулись ледяных щек Русланы. Она замерла, боясь даже дышать, хотя теперь делала это лишь по привычке. Закрыла глаза, боясь и ожидая того момента, когда Зоран осмелится...

– Я могу?..

– Д-да.

Их поцелуй был похож на танец звездного отражения на водной глади. Спокойный, нежный, хрупкий. Реальность на грани иллюзии. Огонек посреди зимы. Еще несмелый, совсем крохотный. Но вечность раздует из него настоящий пожар.

Еще немного времени проведя посреди ночной степи, они снова двинулись в путь. Мир с безумной скоростью проносился мимо, и чем дальше Руслана и Зоран шли рука об руку, тем ярче становилось его свечение. Тем холоднее – кожа зимней госпожи.

Вскоре бескрайний простор сменился таким же бескрайним морем. Они шли по воде, точно та была покрыта толстой коркой невидимого льда.

– Зоран! – Руслана крепче стиснула его руку, когда вдруг поняла – каждый шаг юноши возносит его все выше и выше, тогда как она продолжала ступать по водной глади. – Что происходит?

– Не знаю. Меня тянет вверх. Помогите!

Он попытался опуститься, но небо звало его к себе. Скоро Зоран мог касаться ладоней Русланы, лишь призраком повиснув в воздухе

головой вниз.

Она до боли сжала его руки. Уже в тот момент она заметила, как сильно сияние Зорана похоже на мерцание далеких звезд.

– Не могу оставаться здесь, – испуганно обронил Зоран и воспарил еще выше. Его ладонь выскользнула.

Руслана подпрыгнула, но не дотянулась до протянутой руки.

– Госпожа Стужа и ее путеводная звезда, – из-под глубин воды зарокотал знакомый глас. – Вы встретитесь вновь, когда день развеет ночь, прогнав звезды с небосклона. А до тех пор – духу звезды место среди звезд.

Хранительница вод, поднявшись из глубин, всколыхнула океан. Она низко поклонилась Руслане, и та ответила тем же.

– Я знала, что мы еще свидимся, госпожа.

– Я тоже, – шепнула она, глядя на Зорана, который уже превратился в далекую, но самую яркую искру на черном небосводе. – Тоже знаю, что это не последняя наша встреча.

* * *

За ее спиной пели все ветра зимы. Ее плащ стелился по земле снегом. Голос рождал бури, а дыхание рассыпалось снежинками. Вихри внимали каждому приказу, даже если тот не был произнесен вслух.

Руслана не могла нащупать грани своей силы, ведь та казалась необъятной. Потому, когда хранительница вод помогла новой хозяйке зимы вернуться во дворец, Руслана какое-то время избегала выходить к Войко и Сияне.

Вдруг не рассчитает силу и случайно заморозит?

Она почти до утра испытывала себя, упражняясь в обретенном даре. Вихри следили за новой хозяйкой, пока она гоняла метель по дворцу, как верного пса. Руслана изучила почти весь дворец, прошла его несколько раз туда и обратно, точно гуляющий сквозняк. Но лишь раз она вышла в закрытый двор с озером, где под ивами навеки уснули парень и девушка. Их тела все еще были там.

Гонимая жгучей болью, она захлопнула тяжелые двери и поклялась себе вернуться к этому озеру лишь в сопровождении своего

преемника – следующего хозяина зимы. А до тех пор она не потревожит тех, что отдали свои жизни звездам и холодам.

Руслана старалась не смотреть в гладкие, зеркальные стены, чтобы не видеть свое новое отражение. Вся белая, как смерть, что забрала ее человеческую жизнь. Или как зима, чьим олицетворением она теперь стала? Но она то и дело сквозь окна, затянутые тонкой коркой льда, смотрела на небо, где ярче всего горела единственная звезда, имя которой Руслана знала.

Побоявшись, что Сияна и Войко не переживут еще один день в голоде и холоде, под утро Руслана все же отправилась к невольным гостям дворца.

– Руслана? – Войко отступил на шаг, когда она вошла в один из хрустальных залов.

Испуг на его лице жестко резанул сердце, что еще не успело зачерстветь после многовековой жизни. Она стала духом, но внутри все еще хранила человечность.

Слишком впечатлительная Сияна ударилась в слезы. Она снова причитала, что-то о своей вине и о том, что, не угоди она в пруд омутницы, Морозу не пришлось бы ее спасать. Тогда бы он нашел кого-то иного себе на замену, а они бы не знали бед.

Сияна верила в это, но не Руслана. Теперь ей казалось, что этот путь был предрешен в тот самый миг, когда на ее окне распустились сердцевиты.

– Я отнесу вас домой, – голос звенел, как лед. – Вы давно не ели и простужены. Вам пора возвращаться, если хотите выжить.

Сияна хлюпнула почти синим носом и закивала, утирая слезы рукавом дорогого, но испорченного грязью кафтана. Руслана протянула им обоим руки, но только Сияна поспешила, ухватиться за раскрытую ладонь. Войко же казался мрачнее обычного, когда произнес:

– А как же ты?

Он ничего не сказал больше, но перед глазами уже возник любимый Хрусталь, с одного бока обнятый лесом. Руслана прикрыла глаза на мгновение, в которое словно шагнула на знакомые центральные улочки, ведущие к сердцу города – ярмарочной площади, где они с друзьями часто гуляли. Она мысленно прогулялась вдоль

нарядных теремов, что скоро сменились на приземистые избы, и юркнула на узкую дорогу, что вела к родному дому.

Богдана, ее давняя подруга, больше не помашет из-за околицы. Матушка не проводит их с отцом на охоту. Не попробует она более домашнего, еще горячего хлеба и не уснет на печке, слушая пение огня и материнский голос, нашептывающий сказки о духах.

Теперь сказки будут складывать о ней.

– Я не смогу вернуться, – слова резали сухое горло. – Теперь здесь мой дом.

– Что мне сказать всем о тебе? – Войко опустил глаза, и в этом Руслана услышала иной вопрос.

Что говорить твоим родителям?

Ох, сколько же слез будет ими пролито! Сколько незаслуженных проклятий падет на голову Зорана, который ее не уберег!

– Скажи правду. Поведай, что старый Мороз ослаб, а зима умирает. Без нее бы круг года не замкнулся, и природа погибла от истощения.

– Они не примут это, – поджал бледные губы Войко. – Будут говорить, что на твое место мог бы встать кто-то другой. Почему ты пожертвовала собой, Руслана? Почему не настояла, чтобы хозяином зимы стал я?

Сияна фыркнула, но Руслана и бровью не повела.

– Потому что, если ты не вернешься в Хрусталь и не расскажешь правду о своем похищении, палачи рано или поздно обрушат гнев на мою семью. Все уже считали, что Моймир и Бояна вырастили лесную девку. Вопрос времени, когда бы злоба народа перелилась через край и обратилась против моих родных.

– Палачи...

– Их позвал твой отец. Ему же их и прогонять, – припечатала Руслана и подошла к окну. Не хотела показывать эмоции, которые ей теперь должны быть чужды.

– Но ведь дело не только в этом, – Войко нерешительно приблизился к Руслане, но коснуться ее побоялся.

Проследив за взглядом девушки, что теперь была белее смерти, устремил взор на небо.

– Скажи, Руслана, ты спасла его?

Губы чуть дрогнули, но, ощущая на своей коже свет ярчайшей звезды, Руслана улыбнулась.

– Да.

* * *

Взяв обоих за руки, Руслана пронесла горе-возлюбленных через полкняжества. Раньше она восхищалась тем, как Уйка ходит по ветру, но теперь сама стелила его под своими ногами. Внизу проносились города и села, серебрились реки и озера, белоснежные поля мелькали под ними в один миг.

Сияна не прекращала изумленно вздыхать и то и дело рассыпалась в благодарностях. Она не умолкла, даже когда Руслана мягко опустила девушку прямо на порог боярского дома в Цирконе.

Войко поклялся приехать за Сияной со дня на день, но сначала каждый должен вернуться к своим семьям, успокоить их и рассказать о случившемся.

– Спасибо! Спасибо! – кричала Сияна ввысь, хотя видеть хозяйку зимы не могла. За пределами своего волшебного дворца для людей Руслана теряла человеческий облик и становилась настоящей Стужей.

Поэтому, когда она донесла Войко до Хрусталя, тот не спешил в предрассветной темени уходить домой.

– Руслана, ты тут?

Ее «да» превратилось в легкий ветер, что закрутил искры снежинок вокруг старого друга. Она стояла прямо напротив Войко, но тот больше не мог ее видеть, как бы она ни старалась ему показаться.

– Я расскажу всем о твоём подвиге. Хрусталь не забудет настоящего имени зимней госпожи.

«Спасибо» прокатилось по родным улицам, от вида которых сердце сжималось в ледяной комок, морозным дыханием. Окна в домах нарядились витиеватыми узорами, а иней осел на стенах, сверкая, как крошка драгоценных камней.

Они засверкали еще ярче, когда солнце выглянуло из-за горизонта.

Руслана вскинула мокрые от подступивших слез глаза к розовеющему небу, с которого к ней спускалась последняя не погасшая

звезда. Сначала Зоран обнял ее своим светом, а потом Руслану обхватили его руки.

Войко зажмурился от яркого сияния, в котором не мог разглядеть двух духов, и пошел в сторону, противоположную его дому.

– Куда он? – Руслана потянулась за Войко, но взмыла в воздух вместе с Зораном.

Он нес ее над улицами, которые еще никогда Руслана не видела с такой высоты. Душа ликовала от восхищения, но скоро это чувство омрачилось, точно подернувшись толстым слоем чего-то холодного и липкого.

Палачи патрулировали Хрусталь, и больше всего их было у родного дома Русланы.

Ярость взвилась внутри морозным ураганом, который Руслана спустила на людей в черных кафтанах, как голодных волков. Колючий ветер швырял в лица палачей снег, прогонял со своих постов. Когда Войко проходил мимо очередных охотников на колдунов, которых гнали прочь ледяные вихри, он вскинул голову вверх и проказливо улыбнулся. Точно такие же улыбки сияли на лицах Русланы и Зорана, но ровно до тех пор, пока Войко не поднялся на порог охотничьего дома.

– Хочешь спуститься?

Руслана с высоты смотрела за происходящим. Отсюда она видела, как изумились ее родители появлению Войко и как быстро заподозрили неладное. Будь она еще жива, по-настоящему, то наверняка погибла бы от горя, увидев, как матушка в слезах упала на колени, как отец пытался успокоить ее рыдания, хотя сам едва дышал.

– Не могу, – дрожащим голосом выдавила она и сильнее опустила на лоб волчью шапку, которая теперь тоже была белой, – не могу смотреть на то, какую боль им причинила своим выбором.

– Твой выбор спас многих. Не только твоих родных. Однажды они это поймут.

Упавшая слеза Русланы превратилась в ласковый ветер, который окутал Бояну и Моймира, что сидели на пороге, обнявшись и рыдая. Матушка заливалась слезами во весь голос, а отец – беззвучно глотая рвущийся крик.

Но когда не по-зимнему нежный ветер коснулся их, утирая слезы, оба вскинули глаза к небу. Руслана догадывалась, что видели они лишь

яркую звезду, что не прогнало с неба даже солнце, но все равно улыбнулась и махнула рукой.

– Я буду вас защищать. Клянусь, – пообещала она.

В тот день тихий снегопад над Хрусталем шел не прекращаясь. Дороги оказались заметены, и палачам, которых прогнали из города, было нелегко держать путь. Люди чаще обычного смотрели в небо, которое неустанно рассыпалось на белые хлопья, лишь бы убитые горем охотник и его жена помнили – их дочь рядом.

Эпилог

Зима ходила по княжествам снежная, но не суровая. Лишь в редкие года случалось, что лютые холода длились седмицами, а вьюги выли от заката до рассвета. Несмотря на холод, зиму любили и ждали, хотя не ко всем она была благосклонна.

Поговаривали, зима не терпит охотников на колдунов. Их отряды она частенько хоронила в снегах, и как бы ни задабривали Стужу палачи, она всегда оставалась глуха. Спасти от зимней госпожи можно было лишь одним способом – отказавшись от черного кафтана, а вместе с ним – от неприязни к Навьим духам.

Такой рассказ из первых уст пустил палач, переживший смертоносную лесную метель. Он единственный выжил после того, как в погоне за беловолосой колдуньей весь отряд оказался загублен Стужей.

Молодая чародейка сбежала, но больше никто по ее следу идти не пытался, хотя некоторые видели бледную девушку, которая даже в мороз ходила босой и в одном исподнем платье. Они же утверждали, что с ней была белая волчица и сияющий ослепительным светом дух – верный спутник Стужи.

Но все это сказки и слухи, а верить можно лишь своим глазам. Посему в зимнюю ночь посмотрите на небо. Там сквозь века, даже в самую сильную пургу среди свинцовых облаков неизменно сияет самая яркая звезда. Она исчезает с небосклона с приходом весны, но первые морозы зажигают ее вновь.

То вечный возлюбленный зимней госпожи, который следует за ней даже по небу.

---

notes

Примечания

1

Стихотворение Чудной Дарины, @incendio.librorum

Стихотворение Чудной Дарины, @incendio.librorum